

ГРАЧЁВ В.Ю., ЗАЙМОВ А.И., ПОПОВА Л.Д.

СЛОБОДЫ И СЛОБОДЧИКИ УРАЛА

Екатеринбург
2014

ISBN 978-5-91256-186-3

Грачёв В.Ю., Займогов А.И., Попова Л.Д.

Слободы и Слободчики Урала— Екатеринбург: ООО «Грачёв и партнеры», 2014 г.

Художественное оформление и верстка: Крупп А.С.

Колонизация Сибири происходила намного быстрее, чем освоение окраин Европейской России. Если земли к западу от Уральских гор осваивались в течение столетий, то Сибирь была пройдена русскими людьми за полвека, а к началу XVIII в. русские поселения были уже разбросаны по всей огромной территории от Урала до Тихого океана.

Стоявший с самого начала завоевания Сибири «хлебный» вопрос не мог быть быстро разрешен путем перевода отдельных крестьянских семей за Урал и раздачи им всевозможных льгот. Уже походы Ермака, князя С. Волховского с головой И. Глуховым, И. Мансурова остро поставили вопрос о снабжении правительственных отрядов продовольствием.

В решении хлебного вопроса правительство сделало ставку на слободы. Слободчики и слободские приказчики были теми людьми, кто решил хлебный вопрос на Урале и в Сибири и обеспечили базу для создания в начале XVIII века Горнозаводского края.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
I. ОСВОЕНИЕ РУССКИМИ ПРИУРАЛЬЯ	8
II. ПУТИ РУССКИХ НА УРАЛ И В СИБИРЬ	14
III. СЛОБОДЫ И СЛОБОДЧИКИ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	26
IV. НЕКОТОРЫЕ УРАЛЬСКИЕ СЛОБОДЫ И ГОРОДА	39
1601 г. – Мангазея	41
1585 г. – Обской городок	43
1585 г. – Лозьвинский городок	45
1585 г. – Березов	46
1585 г. – Пелым	48
1612 г. – Тагильская слобода	49
1621 г. – Невьянская слобода	50
1622 г. – Чубарова слобода	51
1627 г. – Ницинская слобода	52
1630 г. – Рудная слобода	53
1632 г. – Ирбитская слобода	54
1636 г. – Арамашевская слобода	55
1639 г. – Мурзинская слобода	56
1642 г. – Усть-Ирбитская слобода	57
1644 г. – Белослудская слобода	58
1646 г. – Беляковская слобода	59
1646 г. – Пышминская слобода	60
1651 г. – Чусовская слобода	61
1654 г. – Краснопольская слобода	62
1659 г. – Ялutorовская слобода	63
1662 г. – Шадринская слобода	64
1666 г. – Камышловская слобода	65
1670 г. – Аятская слобода	66
1670 г. – Верх-Тагильская слобода	67
1670 г. – Красноярская слобода	68
1673 г. – Новая пышминская слобода	69
1674 г. – Калиновская слобода	70
1674 г. – Красномысская слобода	71
1676 г. – Буткинская слобода	72
1677 г. – Пышминско-Юрмыцкая слобода	73
1678 г. – Арамилевская слобода	74
1678 г. – Царевогородищенская слобода	75
1682 г. – Кленовская слобода	76
1695 г. – Белоярско-Пышминская слобода	77
СПИСОК ТЕРМИНОВ	78
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	80

ПРЕДИСЛОВИЕ

По профессии я проектировщик, и разрабатываю проекты новых зданий в команде с моими коллегами — архитекторами, конструкторами, инженерами.

Эта книга посвящена нашим заказчикам — застройщикам, которых сейчас иногда называют на зарубежный лад девелоперами. Именно они дают нам, архитекторам и проектировщикам, амбициозные заказы и достойную работу, а жителям наших городов — современные жилые дома и общественные комплексы. И конечно с особенной благодарностью хочу отметить всех, с кем мне довелось сотрудничать в развитии наших уральских мегаполисов — Екатеринбург и Челябинска.

Идея этой книги пришла мне на ум, когда в «Истории сибирских и уральских заводов» Вильяма де Генина я прочитал фразу о том, что одним из составляющих успеха в развитии горных заводов на Урале кроме богатых залежей руды, обширных лесов и энергии многочисленных рек была относительно низкая цена на местный хлеб по сравнению с другими железорудными базами тогдашней России, и было большое количество достаточно квалифицированных рабочих ресурсов — крестьян, кузнецов и рудознатцев. Я заинтересовался и решил поподробнее посмотреть, кем и как за 120 лет, прошедшие с похода Ермака до основания первых горных заводов, был освоен наш край.

Как я вскоре понял, освоение Урала и Сибири, это плод, как сейчас говорят, частно-государственного партнерства, основанного на инициативе и коммерческой смекалке застройщиков и предпринимателей того времени — слободчиков — с одной стороны, и планомерной политики государства с другой.

Поначалу государевы приказы в колонизации Урала и Сибири не ставили задачу хозяйственного освоения — первые городки ставились по царскому указу стрельцами, хлебные припасы для них в 1585–1593 годах присылались из России или брались у местного пашенного ясачного населения.

Затем правительство начинает пробовать завести свою пашню силами ссыльных крестьян. Характерным примером может служить Пелымский городок, куда для заведения пашенного дела в 1592 году после выступлений против Бориса Годунова были сосланы более 200 крестьян из вятской волости. Такая насильственная политика не увенчалась успехом, через несколько лет крестьяне разбежались, или, жалуясь на нищету, испросили разрешения вернуться.

Примерно с начала XVII в. московское правительство начинает использовать предприимчивость охочих людей из разных сословий — купцов, крестьян. Для заведения деревень на Урале слободчикам дается освобождение от налогов на пять лет и право набирать охочих людей из черносошных крестьян, как правило без значительного уменьшения тягла. В основном в переселенцы отпускались не целые крестьянские хозяйства, а как правило выделялись старшие сыновья с своими семьями, или бобыли. Немаловажным аспектом являлось практически монопольное право для слободчиков заводить на территории своих слобод торговлю, винокурение и кабаки, что также сулило немалый барыш.

Ясачное население — плательщики ясака (натурального налога), взывавшегося в России с народов Поволжья (с XV–XVI вв.) и Сибири (с XVII в.)

Черносошные крестьяне — категория тяглых людей в России в XV–XVII вв, обрабатывающих государственную пашню

Тягло — система денежных и натуральных налогов, взывавшихся в России в XV–XVIII веках

Бобыль — одинокий крестьянин, не имеющий земельного надела в России в XV–нач. XVIII веках

После прошествия жалованных слободчику и его слободе льготных лет освобождения от тягла царский приказ присылал управляющего, который в дальнейшем и отправлял все административные и фискальные обязанности вместо слободчика, который становился обычным тяглецом-налогоплательщиком.

Изначально подъемные деньги и деньги на обоснование на новом месте крестьянам платил слободчик свои, или взятые в товариществе, то есть он действовал на свой страх и риск вместе со своими компаньонами. И зачастую не прогадывал. В этой книге приведены примеры, что после устройства одной слободы, бывшие слободчики испрашивали право на заведение следующей, как например Пятунька Ощепков, поставивший Усть-Ирбитскую слободу после Ницинской, или слободчики Елисей Гилеев и Петр Ульянов, основавшие несколько слобод (стр. 34).

Так всего за 60–70 лет были заселены русскими хлебопашцами Урал и Западная Сибирь, что дало Петру I и его сподвижникам возможность построить на Урале в начале XVIII века мощную горную промышленность, с самыми современными и масштабными металлургическими и гидроэнергетическими установками того времени.

Признательности и благодарности

Это исследование начала Лариса Попова, проведя немало времени в библиотеках и архивах. После того, как Лариса ушла из проекта, книга была дополнена и уточнена Александром Займоговым.

И эта работа не состоялась бы без советов и комментариев по ходу исследования глубокого знатока Уральской истории Виктора Ивановича Байдина. Также его замечания к рукописи позволили избежать значительного числа неточностей и нестыковок в этом краеведческом изложении.

Собрал все наработки и оформил книгу для издания Альберт Крупп.

Владимир Грачёв

ОСВОЕНИЕ РУССКИМИ ПРИУРАЛЬЯ

Проникновение русских на территорию Западного Приуралья началось еще в XI в., когда в эти малозаселенные и плохо освоенные человеком места пришли жители Новгородской земли. В конце XI–XII вв., зона влияния новгородцев охватывала значительную территорию: от Ледовитого океана на севере, до города Волоколамского на юге; от Финского залива на западе до предгорий Урала на востоке.

Самые восточные территории Новгорода — земли Перми, Печоры, Югры — были связаны с Новгородом лишь данническими отношениями. В конце XI в. в русских летописях, в связи с военными походами новгородцев, впервые встречаются сведения об Урале. В этих летописях приуральские земли, на которых обитали коми-зыряне, обозначались названием «Пермь», а земли по реке Печоре, соответственно — «Печора». Восточнее Печоры, в предгорьях Приполярного Урала, располагались Югорские земли. В небезопасные походы на Урал новгородцы пускались прежде всего ради мехов соболя, куницы и белки. Слухи о сказочных пушных богатствах «полунощных стран», где по рассказам, якобы, очевидцев, из туч на землю падают молодые «виверицы» (белки) и «оленцы малы», рано стали привлекать за Камень предприимчивых новгородских промышленников, которых не пугал «путь до

1. Ушкуйники, автор неизвестен

Самоедь — старое название народов, говорящих на самодийских языках (ненцы, селькупы и другие народы Севера), а также территории, на которых они проживали

гор тех непроходим пропастьми, снегом и лесом». Уже современник ладожского посадника Павла, писавший в первой четверти XII в., говорит, что «ходиша люди старии за Югру и за Самоедь». Первый известный по летописи поход новгородцев на Урал состоялся в 1092 г. Новгородцы передвигались по рекам на лодках ушкуйах (по этому их называли ушкуйниками). Длина ушкуйа составляла 12–14 метров, ширина 2,5 метра, высота борта — около 1 метра, осадка до 60 см. Вместимость до 30 человек.

Большие вольности, меньшие сдерживающие элементы демократической новгородской власти, постоянная борьба партий — всё это порождало в Новгороде особый класс, который не приписывался к какой-либо общине. Их походы очень сильно напоминают походы викингов к берегам европейских государств.

Власти стремились освободиться от подобных буйных элементов населения и ставили им задачу — расширять пределы Новгорода; землевладельцы и купцы пользовались ими как защитниками своих интересов от разных иностранцев. Впрочем, чаще всего ушкуйники, на свой страх и риск, совершали разбойничьи походы с целью наживы.

Одним из направлений было Северное Приуралье: Пермь, Печора и Югра. Целью этих набегов были не только восточные окраины Русской земли, но и внутренняя территория русских княжеств. Во время походов новгородских «джентльменов удачи» были разграблены Кострома, Ярославль, многие города Волжской Булгарии. Несколько раз ушкуйники спускались по рекам в пределы Золотой Орды, в результате этих стремительных походов была захвачена и разграблена столица Золотой Орды — Сарай Берке.

В 1151 году, ушкуйники совершили набег на город Брихимов, расположенный на Каме и входивший в состав Волжской Булгарии. А в 1174 г. новгородцы, пройдя по Волге, Каме и Вятке, основали на месте удмуртских городищ два города — Никульчин и Хлынов (впоследствии Вятка). Хлынов своими улицами, жилищами, деревянными мостовыми очень походил на Новгород. Но он не стал новгородской колонией, т.к. основавшие его ушкуйники не желали входить в подчинение чьей-либо власти. Поэтому Хлынов почти триста лет просуществовал как центр независимой Вятской земли. На-

правление новгородского пути восстанавливается довольно точно по летописным данным: начинался он с Сухоною, мимо Устюга, это видно из того, что в 1323 г. новгородцы, «кто ходил на Югру», были ограблены устюжанами, а в 1329 г. устюжские князья опять перебили новгородцев, «которые было пошли на Угрю». Именно с целью очистить дорогу на восток, ходили новгородцы в 1324 г. походом на Устюг и, взяв город «на щит», принудили устюжских князей к заключению мирного договора. Далее путь сворачивал на Печору, судя по тому, что там в 1187 г. Югорские даньщики были перебиты на Печоре. Это подтверждается маршрутом отрока Гюряты Роговича, ко торый был послан «в Печору», «и оттуда иде в Югру». Далее, из рассказа о походе 1364 г. видно, что новгородцы, перевалив через Урал, въехали в Обь одним из левых ее притоков, вероятно Северной Сосьвой, и разделившись на две рати — одна «воеваша по Оби реке до моря», а другая половина рати «наверх Оби воеваша».

В летописях сохранились повествования об этих походах и упорном сопротивлении, которое оказывали новгородцам югорские князьки за стенами своих городков. Не могло быть речи о «правильном» завоевании страны: походы носили характер более или менее случайных набегов, производившихся добровольцами под начальством «воевод новгородских», «путников», как их называет летопись, набравшихся из «детей боярских и удалых людей». Эти набег, имевшие целью принудить Югру к уплате дани Великому Новгороду, нарушали, по-видимому, торговые интересы частных предпринимателей, дороживших Югрой как рынком пушных товаров и имевших здесь прочные связи среди местного населения. Конкуренция между государством и частными предпринимателями временами принимала очень острый характер, и этим объясняется, например, что посланная в 1193 г. под предводительством воеводы Ядрея новгородская рать, была истреблена, благодаря проискам некоторых новгородцев, которые «перевет держаше с князем Югорским». Торговые пути новгородцев на северо-восток стали привлекать внимание русских князей, владевших Верхним Поволжьем. Уже в XII в. суздальские князья делали попытки перехватывать «данников новгородских».

Во второй половине XII в. в Приуралье начинают свои походы и владими́ро-суздальские князья. В 1177 г. их войско прошло через земли волжских булгар до низовьев Камы, а в 1207 г. на подступах к краю они построили г. Великий Устюг, после чего подчинили себе земли в верховьях Северной Двины, ранее принадлежавшие Великому Новгороду.

Входивший в состав Суздальской земли Устюг, как клин, врезывался в новгородские владения и мешал беспрепятственному выходу новгородцев из Двины в Вычегду. Новгородцы, ходившие на Югру, то и дело подвергались нападением со стороны устюжан и князей устюжских. На эти же территории издавна претендовали правители Волжской Булгарии и поэтому, при появлении известий о продвижении сюда русских, булгарские войска стали совершать походы на верхнюю Каму и Северную Двину, с целью уничтожения русских городков. В ответ на это в 1220 г. русские совершили военные походы под предводительством князя Мстислава Андреевича, от верховьев Камы до ее впадения в Волгу.

Помимо письменных источников, о появлении русских на уральских землях свидетельствуют также археологические материалы. Так, благодаря исследованиям археологов известно, что в XIII в. русские селились вместе с племенами родановской культуры, не создавая своих собственных поселений. Подтверждением этому служат находки керамики и оружия, а также пряжек и браслетов древнерусского происхождения (таких же, как в Новгородском княжестве), обнаруженные на родановских городищах Северного Прикамья. При раскопках Рождественского городища был найден медный русский крестик, а в Великом Новгороде были найдены медные украшения, характерные для Прикамья, что послужило подтверждением существования торговых и культурных связей между Прикамьем и Новгородской землей.

2. Переноска лодки-струга русскими промысловиками, XVI век

Родановская культура — археологическая культура IX–XV веков в Верхнем Прикамье. Население культуры, судя по всему, являлось предками коми-пермяков

Дань — натуральный или денежный побор с покорённых племён и народов

Волжская Булгария была разгромлена монголами, народы Среднего и Южного Приуралья также попали под власть сформировавшейся Золотой Орды. В то же время северные уральские земли продолжали платить дань Великому Новгороду, и их зависимость от монголов была слабее. Утихшее на время соперничество русских князей за право сбора дани в Северном Приуралье (часть которой теперь было необходимо отправлять в Орду) возобновилось с XIV в., когда правителям Великого Новгорода пришлось соперничать с князьями возвысившейся Москвы: Юрием Даниловичем, его братом Иваном Калитой и Дмитрием Донским.

С середины XV в. характер освоения уральских земель начал меняться. Присоединение уральских земель стало частью процесса «собирания Руси» вокруг Москвы, когда с 1462 по 1533 г. под властью Московского княжества оказалась объединена обширная территория. С присоединением Устюга к великому княжеству Московскому в XIV в., начинается планомерное наступление Москвы на Двину и на Печору. Чтобы парализовать это движение, новгородцы в конце XIV в. и в первой четверти XV в. совершают ряд походов на Устюг (1393, 1398, 1417 и 1425 гг.), сопровождавшихся жестоким грабежом города. В своем стремлении стать твердой ногой на Печорском пути великий князь Дмитрий Иванович оказывает властную поддержку шедшей из Устюга проповеди христианства среди вычегодских зырян (коми). Стефан Пермский, вступивший на миссионерское поприще с благословения церковных властей Москвы, является не только «апостолом зырян», но и проводником московского влияния среди населения бассейна Вычегды, а основанная им на Выми Пермская епархия, приобретает большое политическое значение, как исходный пункт для распространения московской власти на Печору. Недаром в «Житие» по поводу смерти этого святого отмечаются его столкновения с «новгородцами, разбойниками-ушкунниками». Расположенная на границах путей с Вычегды на Печору, Пермская епархия в течение всего XV в. носит своеобразный характер полусветской-полудуховной пограничной автономной области, обладатель которой, владыка пермский, выступает с чертами могущественного церковного магната, духовного вассала великого князя Московского. Ему принадлежали обширные земли «на Выми и на Вычегде и на всей Вычегодской земле», деревни, пустоши и всякие угодья. Еще к началу XVII века сохранились на Вычегде, вверх и вниз от устья Выми, значительные владения пермских владык, которым принадлежали здесь более или менее крупные участки «в реках, озерах и курьях (протоках)», и тянулись «леса владычни». Центром этих владений в XV веке был укрепленный «владычень город Усть-Вымской», основанный Стефаном Пермским на месте разрушенного им языческого мольбища. В 1608 г. виднелись развалины этого города — «вологодского и великопермского епископа городище», со следами былого величия: на городище еще стояли церковь в честь основателя и патрона епархии св. Стефана и часовня, служившая усыпальницей пермских святителей, где в гробницах, покрытых синей крашениной, покоились тела епископов Герасима, Питирима и Ионы. Сохранились и следы существовавшего в XV в. «двора владычня большого» и «места владычных, крестьян, а имян им не помнят».

Городище — укреплённое поселение. Охватывает время от неолита до Средних веков (XVI–XVII века)

Исключительное положение пермского владыки объясняется теми сложными отношениями, в каких он был с населением, обитавшем на путях за Урал. Он является, во-первых, единственным защитником христианского населения Выми от натиска «иноязычников» — манси и хантов. Туземные князьки, вроде вымских князей Петра и Федора при епископе Филофее находятся как бы под патронатом владыки. При том же Филофее влияние пермского владыки распространяется за Урал на «югорские» и «вогульские» племена, обитавшие по нижнему и среднему течению Оби, на пелымских манси и на «всю землю Кодскую и Югорскую». При его участии в 1484 г. обские князья заключили мир с вымскими князьями «под владычным городом Усть-Вымским», «на том, что им лиха не смыслити, ни силы не чинити над пермскими людьми, а великому князю правити во всем». Во-вторых пермский епископ служит посредником между этими зауральскими князьками и великим князем Московским: к нему обращается в 1484 г. пелымский князь Юм-

шан, чтобы получить разрешение для приезда в Москву; благодаря ходотайству Пермского епископа, было удовлетворено прошение кодских и югорских князей об освобождении их пленных сородичей. Таким образом, из Усть-Вымского города подготавливается мирное завоевание Зауралья. Одновременно Вымь становится исходным пунктом военных экспедиций, снаряжаемых московским правительством за Урал, при чем делаются попытки использовать для подчинения зауральского населения с помощью местных князьков, находившихся в вассальной зависимости от Москвы, подобно тому как позднее были использованы хантские князьки на Оби, особенно кодские. Так, в походе 1483 г. на Югорскую землю участвовал вымский князь Василий с вымичами.

В 1451 г. к Русскому государству были присоединены земли соседствующей с ним Перми Великой. Это событие было подробно освещено в летописи, составленной в центре Пермской епархии г. Усть-Выме. В ней за 1451 г. написано: «прислал князь великий Василий Васильевич на пермскую землю наместника от роду верейских князей Ермолая да за ним Ермолаем да за сыном ево Василием правити пермской землей Вычегоцкою, а старшего сына тово Ермолая, Михаила Ермолича, отпустил на Великая Пермь на Чердынню». Таким образом, в Пермь Великую московским князем был назначен наместник. А это, в свою очередь, знаменовало начало мирного вхождения уральских земель в Русское государство.

С падением Новгорода весь Печорский путь оказался в руках Москвы, которая поспешила использовать его, чтобы закрепить давние новгородские владения за Уралом. В 1499 г. был организован грандиозный поход «на Югорскую землю, на Куду и на вогуличи» под начальством Семена Курбского, Петра Ушатого и Василия Гаврилова. Экспедиционный корпус, насчитывавший более 4000 человек, двинулся двумя путями: часть под начальством князя Ушатого, состоявшая из двинян, пинежан и важан, пошла Мезенским путем через Пинежский волок, а князь Курбский с устюжанами и вымичами направился, по-видимому, Вымским волоком. Местом соединения была Печора, где воеводы встретились и, выступив поздней осенью, перевалили «щелью» через Уральские горы и вступили в Югру.

Рать дошла до хантыйского городка Ляпина; ратные люди ехали на собаках, а воеводы на оленях. Однако Печорский путь был слишком отдален от Москвы, чтобы им можно было совершить прочное присоединение Зауралья. Дело ограничивалось тем, что временами отдельные югорские князьки обязывались платить дань в великокняжескую казну.

Уральские территории, в которых московские князья устанавливали свое влияние, находились в окружении враждебных ханств, образовавшихся в результате распада Золотой Орды. К югу от вятских и великопермских земель в 1436 г. образовалось Казанское ханство. Пермь Великая и Вятская земля, находясь в удалении и относительной изоляции от Москвы, были вынуждены самостоятельно решать проблемы взаимоотношений с ним и нередко вступали с ним в союз. Еще одним центром, откуда исходила опасность для Москвы, являлось формирующееся во второй половине XV в. Сибирское ханство, существование которого осложняло продвижение русских отрядов на Северный Урал и восточные склоны Уральских гор.

К концу XV в. сложными были отношения Москвы и Вятской земли. Несмотря на неоднократные попытки со стороны Русского государства поставить под свой контроль деятельность ее правителей, Вятка сохраняла самостоятельность, используя политику лавирования между московским князем и казанским ханом. В 1489 г. Иван III послал в Вятскую землю большое войско под руководством князя Д.В. Щени. Проживавшее здесь русское, удмуртское и марийское население, устав от разорительных набегов со стороны Казани и татарской дани, готово было искать помощи у Русского государства. Русское войско заняло почти все городки Вятской земли и начало осаду ее столицы Хлынова. Рядовые горожане захватили представителей правящей верхушки и впустили русские войска. Население присягнуло на верность московскому князю. Это событие означало вхождение Вятской земли в состав Русского государства.

3. Соболиный мех — ценный торговый товар на Руси

В присоединенных к Русскому государству приуральских землях формировались органы управления и административное деление. Территория Перми Великой разделялась на Верхнюю и Нижнюю земли, внутри которых центрами сельских округов стали погосты. Чердынь и Соликамск становятся центрами формирующихся уездов. Наместники управляли краем по уставным грамотам, выполняя административные и судебные функции. Однако военная опасность сдерживала переселение русских людей на Урал еще до середины XVI в. В 1506 г. сибирские татары во главе с Кулук Салтаном совершили набег на Верхнее Прикамье. Кулук Салтан осадил Чердынь, «землю нижнюю воевал всю... и в Усолье-Камском варенцы пожгли, цырны разорив, а пермяков и русаков вывел и посекал». В 1521 г. пельымский князь в Перми Великой «погосты разорил, а Чердыню не взял», а в 1539–1540 гг. казанские татары на Вятке и верхней Каме «князя великово вотчину пограбили, пожгли, а людей пермский посекали многие». В 1547 г. сибирские татары вновь напали на Чердынь и снова «погосты пожгли, а заставу чердынскую русаков и пермяков побили».

Во второй половине XVI века, в 1552 г. под натиском русских войск пало Казанское ханство, территория которого включала земли Среднего Поволжья и Приуралья, в 1556 году было подчинено Астраханское ханство, а в 1563 г. данническую зависимость от Ивана IV признала Ногайская Орда. В результате, военная угроза русским переселенцам значительно ослабла, в 1555–1556 гг. к России добровольно присоединилась основная часть Башкирии, а в 1557 г. в состав Русского государства добровольно вошли прикамские удмурты. Длительный процесс экономической, политической и культурной интеграции Прикамских земель в состав Русского государства, был составной частью процесса русской колонизации Урала. В результате частичной культурной ассимиляции местного населения был создан плацдарм для полномасштабной колонизации Зауралья и Сибири.

Как уже говорилось выше, основной целью новгородских ушкуйников была пушнина. Тоже самое, только в виде яска (дани), хотели получить Московские князья со своих восточных окраин. Новгородские «джентльмены удачи» не жалели ни своих ни чужих жизней ради соболей, горностаев и песцов. Несколько таких походов могли принести ушкуйникам целое состояние (если удавалось остаться в живых). Если мы посмотрим на товарооборот между Новгородом и Европейскими государствами, то увидим довольно интересную картину. Главными предметами ганзейского привоза в Новгород были: сукна фландрские, английские, немецкие и польские; вино белое и красное, чугуны и железо, колокола для церквей; свинцовые и жестяные листы для кровель, олово, медь и сплавы из них — на церковные сосуды.

Обратно в Европу везли кожу, хмель, строевой лес, воск, мед и меха, особенно меха. В Москву в XV в. стекалось множество европейских купцов из Польши и Германии для покупки мехов. В Новгород меха поступали с восточных окраин, а в Москву из собственных княжеских заповедных лесов. Англичане, немцы, голландцы, корабли Ганзейского союза шли к земле русской, наслушавшись легенд о бескрайних просторах, где водятся соболи, куницы, горностаи. Иностранцы писали о русской земле примерно так: нигде в мире не ловится большее количество белок, белых и рыжих, бобров, горностаев, куниц, соболей, лисиц, лесных кошек, как на Руси. В Европе пушной товар ценился на одном уровне с драгоценными камнями и пряностями. Посмотрев на средневековые портреты монархов, можно увидеть главные атрибуты власти: корона и скипетр, которые украшались драгоценными камнями, и, обязательно, соболиная мантия, украшенная горностаевым мехом. Соболиная или горностаевая накидка была своего рода символом власти и могущества.

Пушнина — выделанные шкурки пушных зверей, используемые для производства меховых изделий

Меха в средние века на Руси были вторым золотом как сейчас нефть. Богатства князя измерялось не только обширностью его угодий, но и количеством шуб. О богатстве князей можно косвенно судить из их духовных грамот. Так, князь Михаил Андреевич веерский (дядя Ивана III), оставил своим наследникам 10 шуб (одна из них лисья), два кортеля горностаевых, один кортель белий и один куний. Иван Васильевич Волоцкий завещал раздать по монастырям четыре соболя шубы, один кожух на белых черевах (брюшках) и один на лисьих. Его брат, князь Федор Борисович, нуждаясь в деньгах, заложил четыре шубы на соболях, две шубы на рысях, шубу на черевах белых и шубу на горностаях. Их мать Иулиана оставила четыре шубы на соболях, одну шубу кунью, один кожух на соболях, кортели горностаевые, каптур соболиный и лисью душегрейку.

Кортель — летник, подбитый на зиму мехом

Каптур — шапка ушанка с меховой опушкой

К XVI веку во внутренних лесах Московского государства почти исчез ценный пушной зверь. Поэтому не удивительно, что Урал и Сибирь казались тогда своего рода Клондайком пушнины. С завоеванием новых территорий на восточных окраинах, московские князья все более увеличивали свои доходы за счет пушной торговли. Поход Ермака в Сибирь совпадает по датам с открытием Архангельска (1581–1585 гг.), основного, хоть и неудобного порта для торговли с Европейскими государствами. Товарооборот этого северного города был огромен. Интересные данные дает английский подданный Флетчер: в последнее двадцатилетие царствования Иоанна IV экономическое положение русского народа ухудшилось, признаком чего было сокращение отпуска главнейших товаров: так при царе Федоре Иоанновиче (сыне Ивана Грозного) мехов вывозилось всего на 400 000 руб., тогда как прежде — на 500 000 руб.

В конце XVI в. сорок соболей, купленных в Перми за 10 руб., в Холмогорах стоили 25 руб. При Михаиле Феодоровиче соболя шуба обходилась в 40–50 руб.; бобер был на 25% дороже соболя; мех чернубурой лисицы ценился не дешевле соболя, белые же лисицы (песец) продавались по 25–30 руб. за сотню; тысяча белок стоила 23–30 руб. При Алексее Михайловиче в одно лето отпущено было из Архангельска мехов 579 сороков соболей, 18 742 соболя хвоста, 598 соболя опушек, 15 550 соболя кончиков, 15 470 лисиц разных сортов, 300 сороков куней, 288 сороков горностаев, 180 795 штук кошек. В XVI–XVII веках русские жители смотрели на восточные окраины примерно так же, как и европейцы на земли Нового света.

ПУТИ РУССКИХ НА УРАЛ И В СИБИРЬ

Русские в своем движении за Урал, или за «Камень», как его называли в XVII в., воспользовались двумя большими водными путями, которые с незапамятных времен связывали Восточно-Европейскую равнину с Северо-Азиатской. Этими путями были реки Печора и Кама с их притоками.

Раньше всех для русских первопроходцев стал доступен путь по Печоре, известный в XVI веке под именем «Чрезкаменный» или, просто, пути «через Камень». Важность его заключалась в том, что он был связан с центром Русской равнины посредством Северной Двины и ее притоков Юга и Сухоны, получающих начало из Алаунской возвышенности, а восточными притоками Печоры подходил к Уральским горам, образующим водораздел между бассейном этой реки и бассейном Оби. В XVII веке «Чрезкаменный» путь шел от Устья вверх по Вычегде до впадения в неё р. Выми, далее вверх и по ее притокам — Тетере (теперь Шом-Вуква) и Говнюхе. Оттуда «Вымским волоком» на Ухту, далее спускались по Ижме до впадения ее в Печору. Близ устья Ижмы происходило очень важное разветвление пути, связывавшее Печору с Мезенью и Пинегом с Двиной. Из устья Двины можно было морем добраться до Мезени, далее по рекам, минуя два волока (Пинежский и Пензенский пятиверстный волок). Эта развилка существенно увеличивала доступность пути. Мезенский путь, связывавший северное побережье восточного Поморья с большой дорогой «через Камень», имел очень большое значение в экономической жизни страны. Иногда им пользовались даже при проезде с Печоры на Устюг, «для того, чтоб идти к Руси людям торговым». От устьев Цильмы и Ижмы «Чрезкаменный» путь шел вверх по Печоре и далее по Усе. Из Усы въезжали в ее приток Собь, а из Соби в Елец или Ель. Верховья Ельца близко подходили к верховьям другой Соби, впадающей в Обь.

«Каменный волок», которым производился перевал через Уральские горы, прерывался семью озерами, в промежутках между которыми приходилось волочить лодки и переносить поклажу на руках. «...и как де они будут на Камени, речкою Собью — говорится в одном документе 1641 г. о березовских служилых людях, ехавших в Сибирь, — и... пришли к первому обводному волоку, и учили государеву казну носить через волок на речку на Елец на понизную воду». Перевалив через Урал, Обскою Собью входили в Обь, «а иной дороги, oprичь Соби реки, через Камень летним путем нет».

От устьев Соби было два пути к двум русским форпостам в Сибири: либо вверх по Оби на Березов и на Тобольск, либо вниз к Обскому устью и Обскою губою в Мангазею, расположенную на восточном побережье Тазовской губы, составляющей часть той же Обской губы.

Общее протяжение «чрезкаменного» пути от Соли Вычегодской до Березова исчислялось в 1656 г. ямщиками в 3000 верст. На прохождение его, по расчету, имеющемуся в «Списке с чертежа Сибирские земли» 1672 г., требовалось 13 недель 4 дня, этой дорогой можно было пользоваться только летом, так как зимою перевал через Камень был сопряжен с очень большими трудностями, — «снега и ветры бывают великие». Только в виде исключения перебирались через горы зимой на оленях или на собаках. Печорский путь, судя по случайным археологическим находкам, очень древний.

Именно печерским путем в Сибирь пользовались новгородские экспедиции. С падением Новгорода весь Печорский путь оказался в руках Москвы, которая поспешила использовать его, чтобы закрепить давние новгородские владения за Уралом. Уже с XV века вдоль Печерского пути образуются промышленные поселки — села и слободы. Сообщения с русскими городами были возможны только летом, потому что «зимнего пути в слободки нет». Положение на пути в Сибирь, тяжелые условия существования, наконец, промышленные интересы способствовали про-

В XVI в. «Чрезкаменный» путь раньше всех стал доступен для русских первопроходцев

Ямщик — человек, занимающийся государственными грузовыми или пассажирскими перевозками на гужевом транспорте

[illegible]

4. Карта «Рост Российского государства в 1585 г.»

движению населения с Печоры далее на восток. Зыряне, вымичи и пустозерцы беспрестанно упоминаются в царских грамотах в Сибирь конца XVI и начала XVII в.. Задолго до появления московских воевод и служилых людей зыряне и вымичи проникли в Мангазею. Их тесную связь с Зауральем хорошо иллюстрирует писцовая книга 1608 г.: из 361 жителей вымских волостей в ней отмечено убитыми в Югре, т. е. в низовьях Оби — 29 человек, в Мангазее 2 человека, на Березове 1 человек и в Тобольске 2 человека; сошедшими в Югру — 3 человека и на Березове 1 человек; сбежавшим в Сибирь — 1 человек и взятыми на Березов в казаки — 3 человека. Всего, таким образом, отмечено 42 случая безвестного ухода за Урал (приблизительно 11% всего населения). «Чрезкаменный» путь был сопряжен со многими опасностями. Он шел по обширным безлюдным лесным пространствам («дорога прохажая, нежилая людьми, пустое место», «безлюдное»), нередко «тесными речками», по которым вследствие их мелководности лишь с трудом можно было продвигаться «в малых судах». Суда, «в каких ходят через Камень» обычно либо «лодка черезкаменная набойная» с парусом (так как «на пособных ветрах по Оби реке бегают на парусах»), либо однодеревка — «судно однодеревое». На таких «худых лодчонках» невозможно было везти большую поклажу, и это служило значительным препятствием к пользованию этим путем.

С падением Новгорода весь Печорский путь оказался в руках Москвы, которая поспешила использовать его, чтобы закрепить давние новгородские владения за Уралом

Перевал через Уральские горы был, конечно, самой трудной частью пути. «Камень», грандиозная цепь, вершины которой в «облаках не видели, а коли ветрено, то облака раздирает, а длина его от моря и до моря», пугал своей неприступной дикостью: «место пустое», «а жилецких людей на Камени нет». На перевале торговым людям грозила постоянная опасность. 23 августа 1641 г. на красноярских и на рымских служилых людей, перевозивших через горы государеву соболиную казну, «напущались многие самоецкие люди на оленях на последнем волоку на Камени верх Ельца речки и ... учили [их] стрелять из луков». «И мы,— писали пострадавшие холопы твои государевы, учили биться за твои государевы соболиные казны и бились мы, холопы твои, день до вечера, и не стало у нас, холопов твоих, свинцу и пороху... и убили у нас четырех человек, да двух человек промышленных людей, которые были под твоею государевой казною в гребцах, а нас, холопов твоих, переранили и твою государеву соболиную казну пограбили, красноярскую соболиную казну, с пупками и с хвостами 18 сороков, да нарымскую твою казну государеву всю пограбили ж, все соболи и бобры, и наши животишка пограбили ж... мягкую рухлядь и деньги». 2 сентября того же года и на березовских служилых людей, переносивших березовскую казну через волок, точно так же «пришли безвестно самоецкие люди и учили по ним из луков стрелять и государеву казну громить, и убили де тут у них, березовского литвина Левку Михайлова, да целовальника торгового человека Сидорка Крюкова до смерти, и их де всех из луков переранили..., а отгромили де у них на том бою той государевы казны два выюка бобров, да суму с соболями, да два меха холщевых, да две сумы оленьи с белкою». Со своей стороны служилые люди убили одного самоеда, после чего нападавшие побежали, и они «отбили» у них большую часть захваченного. «И, как они после того бою соболиную казну сносили к судам, и сидели от той самоецкой в осаде два дни да ночь, и на них де наехали на третий день в субботу с государевой ж соболиной казною енисейские служилые люди».

Острог — укрепленное поселение, огороженное оборонительной стеной из вертикальных бревен

5. Острог, Арамашевская слобода

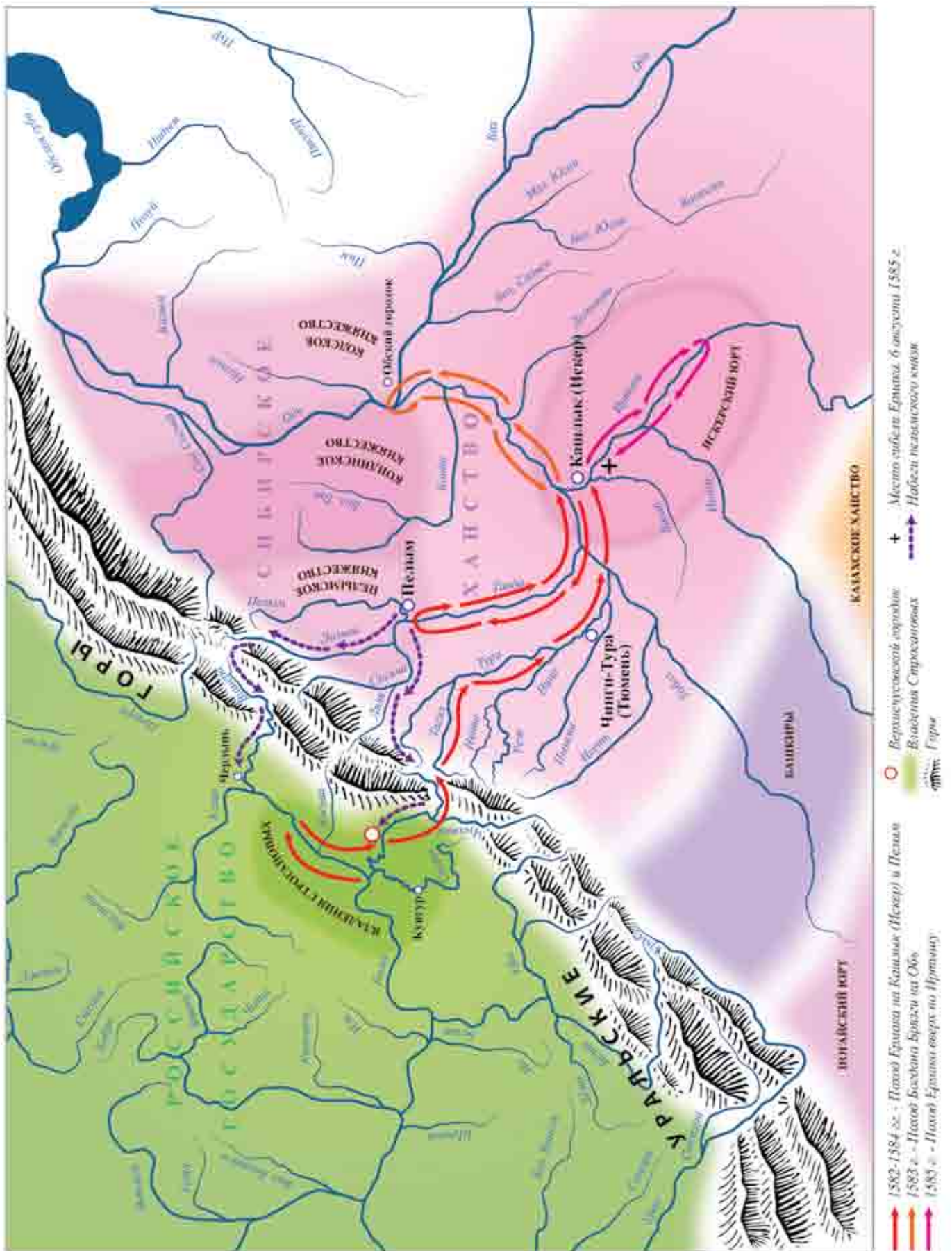

В непосредственной связи с Печорским путем находился морской путь, «морем-окияном», «мимо Пустозерский острог», которым поморские промышленники несомненно уже пользовались в первой половине XVI в. и продолжали ходить до 1620 г., когда он был закрыт для них вследствие запрещения, последовавшего от властей. По словам самих промышленных людей, в 1617 г. они ходили морем, «которого лета льды пропустят», в Обскую губу и в Мангазею «для своих промыслов», с Двины, с Пинег и с Мезени, «лет по двадцати и по тридцати и болши».

Морской путь шел вдоль побережья Ледовитого океана. Выйдя из устьев Двины, плыли «подле берега и через губу пособным ветром с запада на восток... влево море, а вправо земля», объезжали Канин полу-

Поход Ермака в Сибирь, 1581–1585 гг.

6. Карта «Поход Ермака в Сибирь, 1581–1585 гг.»

Земля Мангазеи. Чертежная Книга Сибири, Ремезов С. У., 1701 г.

7. Земля Мангазеи. Чертежная Книга Сибири, Ремезов С. У., 1701 г.

остров, огибая отмеченный на карте царевича Федора Канин нос. Чтобы избежать длительного пути вокруг Канина полуострова, пользовались иногда «Чесским волоком», образуемым реками Чижей, впадающей в Белое море, и Чешой, впадающей в Мезенскую губу, верховья которых настолько близко подходят друг к другу, что «в большую воду тот волок поймает водою». Даже в позднее время года сухое пространство составляло всего сажень 20, через которые промышленников перевозили кочевывшие по окрестным тундрам самеды. Далее шли вдоль берега так называемого «Русского заворота». А оттуда уже, «большим же морем-окияном, на урочище Югорский шар». Югорским шаром называется пролив между берегами острова Вайгач и материка Евразии, соединяющий южные части Баренцева и Карского морей. Длина около 40 км, ширина от 2,5 до 12 км, наибольшая глубина — 36 м. Бывали годы, когда, по словам русских промышленников, Югорский шар был закрыт льдами.

Чтобы дальше попасть в Мангазею русские мореходы срезали путь посредством волока между Мутною рекою, впадающей в Карскую губу, и Зеленой рекой, впадающей в Обскую губу. Из Зеленой реки попадали в Обскую губу и бежали «парусным погодем» (т.е. при благоприятном ветре) до Заворота (ныне Каменный мыс) полный день. У Каменного мыса резко свернув на юго-запад, русские суда в ходили в устье реки Таз, берега которого были известны под названием Мангазея. Мангазея и была конечным пунктом морских путешествий XVI и XVII веков.

Морской переезд совершался на «малых кочах», примитивного устройства плоскодонных барках с палубами, вмещавших приблизительно 10 человек и 400 пудов груза и ходивших на парусах. Путь был долгий: отправляясь с Двины с «Петрова заговения» (начало Петровского церковного поста, начинавшегося где-то в начале июня), приходили к устью Мутной реки только на Успеньев день или на Семень день (1 сентября); следовательно, на одну эту часть пути требовалось от 2 до 3 месяцев. Про должительность пути от Мангазейского города до Карской губы (Тазовская губа – Обь – Зеленая река – волок на Мутной реке – Карская губа) самими промышленниками определялась в 5–6 недель. В одном случае, например, из Печорского устья вышли «в Петрове дни», а в Мангазею пришли перед Покровом. Продолжительность пути зависела всецело от случайностей погоды. Несмотря на все опасности и трудности морского пути, им пользовались не одни случайные искатели приключений: «из Архангельского города, — по современным свидетельствам, — в Мангазею по вся годы ходят кочами многие торговые и промышленные люди со всякими немецкими товарами и с хлебом».

В 1601 г. в Мангазею прибыло морем 4 коча, на которых ехало человек с 40; в 1602 г. — столько же; в 1610 г. — 160 человек на 16 кочах; в 1611 г. выехало из Поморья 26 кочей, но вынуждены были вернуться из-за неблагоприятной погоды; в 1612 г. — 16 кочей, а в 1613 г. — 17; в 1618 и 1619 гг. в Мангазею «пришли морем многие люди».

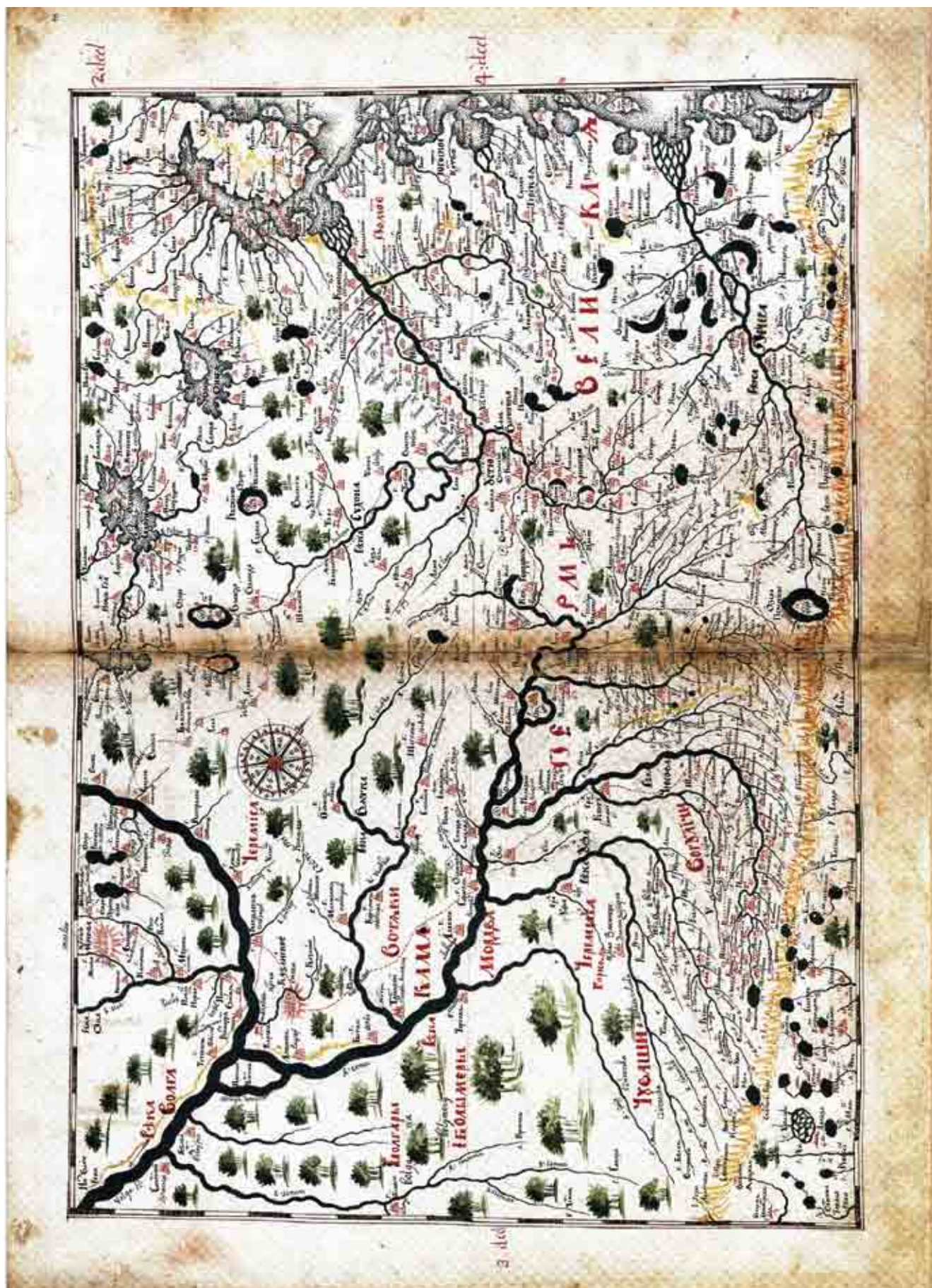
Первое упоминание о них мы находим в дневнике Стефана Бёрро в 1556 г. во время плавания по Ледовитому океану; он встретил у Вайгача колмогорских и печорских жителей, промышлявших здесь охотой на моржей и на белых медведей. Пути по Печоре и ее притокам и по морю обслуживали главным образом промышленные нужды населения русского Поморья.

Для истории присоединения Сибири более важное значение имеет другой путь — рекой Камой и ее восточными притоками. Корни Камского пути теряются в глубокой древности. Этим путем еще и в VI в. н. э. доставлялись из Азии серебряные сосуды, характерные для эпохи Сасанидов (Персидского государства, образовавшегося на территории современных Ирака и Ирана; в период своего расцвета, Сасанидское государство, захватила у Византийской империи Кавказ, Центральную Азию, Египта, земли нынешних Иордании, Израиля и Палестины), которые до сих пор попадают на берегах рек, принадлежащих к бассейну Камы. Однако, долгое время, этот путь был закрыт для русских, которые при своем продвижении в Верхнее Поволжье нашли здесь, близ устья Камы, могущественное государство тюрок-булгар, захвативших в свои руки торговые пути в «страну мрака», т.е. в Сибирь. Булгарские купцы ходили за Урал за пушниной, и арабские писатели сохранили интересные подробности об этой

Мангазея — первый русский заполярный город XVII века, который был основан в качестве опорного пункта для продвижения русских вглубь Сибири

В XV и XVI вв. наиболее известным был путь от «Соли Камска мимо Чердыни, далее водяным путем по Вишере (притоком Камы, на котором стоит Чердынь) вверх, да через Камень в Лозьву реку, да Лозью вниз в Тавду реку, да Тавдою рекою вниз до Тобола реки» и далее по Иртышу и по Оби

Пермь Великая. Чертежная Книга Сибири, Ремезов С. У., 1701 г.

8. Пермь Великая. Чертежная Книга Сибири, Ремезов С. У., 1701 г.

торговли, производившейся ими с сибирскими народностями, которых они, подобно русским, называли именем Югры.

Начиная с XII в. суздальские великие князья тщетно боролись за обладание Камским путем и предпринимали ряд более или менее удачных походов на Каму. Булгарское царство оказалось достаточно сильным, чтобы выдержать натиск. Временами болгары даже сами проявляли некоторые агрессивные намерения, стремясь распространить свою власть на Устюг, служивший ключом к новгородским торговым путям на север. Когда в середине XIII в. Булгарское царство пало под ударами татарских завоевателей, на его развалинах образовалось сперва княжество, а потом ханство Казанское, в руках которого сосредотачивались подступы к Зауральскому пути. Между Казанью и Сибирью устанавливаются оживленные торговые и политические сношения, свидетельством чему служат одно из названий ворот в Казани — «Тюменских» и брачные союзы между царствующими домами казанских и сибирских ханов. Впоследствии русские называли «старой казанской дорогой» путь Камою на Уфу, через степь на верховья Исети; это был, вероятно, очень древний караванный путь из Бухары в Булгары, о котором говорят еще арабские писатели. Наряду с караванной дорогой через Уфимские степи, казанские татары пользовались, повидимому, и речными путями по Чусовой и Сылве. Только после взятия Казани в 1552 г., русским стал доступен этот путь.

Несколько путей вело с Камы за Урал. В XV и XVI веках наиболее известным был путь от «Соли Камска мимо Чердыни, далее водяным путем по Вишере (притоком Камы, на котором стоит Чердынь) вверх, да через Камень в Лозьву реку, да Лозьвою вниз в Тавду реку, да Тавдою рекою вниз до Тобола реки» и далее по Иртышу и по Оби. Путь Камой через Чердынь имел то преимущество, что он был тесно связан с Выгегдою и с Печорою.

Путь Камой и Вишерой мимо Чердыни стал доступен русским после присоединения Перми в 1472 г. Уже в 1483 г. этим путем ходили воеводы великого князя, князя Федор Курбский и Иван Салтыков-Травин, походом против пелымских манси, живших на Тавде за Уралом. После боя на устье реки Пелым (Пелым — приток Тавды) они пошли вниз по Тавде, оставив в стороне Тюмень и Сибирскую землю. А от Сибири шли по Иртышу вниз, и «князей югорских воевали...». Этим же путем производили пелымские манси свои опустошительные набеги на Пермь в XVI в. Путь из Сибири «по Тавде вверх, и через Камень вогуличами» был известен и проводникам Ермака. После покорения Сибирского царства русское правительство поторопилось закрепить за собой Чердынский путь постройкой в 1590 г. городка на р. Лозьве. Дорога через Чердынь и «новый город», Лозьву, была первое время официальной дорогой, по которой шли все сношения Москвы с вновь присоединенным краем. Этой дорогой ходили государева денежная и соболиная казна, и хлебные запасы, и торговые люди разных городов. Чердынь стал центром, откуда производилось присоединение зауральских земель, постройка новых городов (Пелыма, Березова, Верхотурья), снабжение их всем необходимым и даже сбор ясака.

Значение Чердынского пути утратилось с открытием Артемием Бабиновым в 1597 г. более короткого пути, непосредственно от Соли Камской на верховья Туры. С постройкой Верхотурья официальный тракт пошел через этот город, и в 1598 г. Лозьвенский городок был срыт. Тем не менее, промышленные и торговые люди, особенно пермичи, не сразу привыкли к новому направлению дороги на Верхотурье и продолжали некоторое время ходить «старою дорогою на Лозьву».

Другой путь с Камы на Урал шел по ее притоку Чусовой до устья с впадающей в нее р. Серебрянки, по Серебрянке до Тагильского волока, а далее из Тагила в Туру. Путем в Сибирь по Чусовой, по-видимому, пользовались уже казанские татары для сношений с Тюменью. Этим же путем, в течение всего XVI в., зауральские народы совершали набеги на пограничные области Московского государства.

Русские завладели путем по Чусовой после взятия Казани, но еще раньше они пользовались им для торговых сношений с сибирскими народами. Уже в первой

9. Тагильский волок. Миниатюра из Ремезовской летописи 1880 г.

Ясак — натуральная подать, которой в царской России облагались нерусские народы, занимавшиеся охотничьим промыслом (в Поволжье с XVI в., в Сибири с XVII в.)

половине XVI в. пермичи посылали «к волоку Тюменскому и в вогуличи и в Сылву своих людей с пермским со всяким товаром торговати», и в этой торговле принимал участие через своих людей сам наместник пермский. С падением Казани торговый оборот должен был значительно увеличиться, и «чердынской страны люди» стали ездить по Каме и по Чусовой, для «остяцкие купли». Достаточно указать, что в 1572 г. около Строгановских городков, в результате набега местных князьков, было побито 87 человек русских торговых людей. Путем через Казань по Чусовой пользовалось и правительство Ивана Грозного для сношений с Зауральем: мимо Строгановских городков, как видно из жалованных грамот, ездили царские послы с Москвы в Сибирь и из Сибири в Москву.

Значение Чердынского пути утратилось с открытием Артемием Бабиновым в 1597 г. более короткого пути, от Соли Камской на верховья Туры. Через год, с основанием Верхотурья, «Бабиновская» дорога была объявлена правительственным трактом и таковой оставалась до 1763 г.

Казань пала в 1552 г., а уже в 1558 г. сольвычегодские промышленники Строгановы ходатайствуют о разрешении обосноваться на новых «местах пустых», где то время тянулись «леса черные, речки и озера дикие, острова и наволоки пустыне». Опасность со стороны коренного населения сделалась особенно чувствительна, когда в своем продвижении на восток Строгановы столкнулись с шедшим им навстречу аналогичным наступлением со стороны сибирских татар. Таким образом, захват пути в Сибирь по Чусовой был произведен исключительно благодаря частной предприимчивости Строгановых. В этом отношении Строгановы сыграли на Чусовой ту роль, которую одно время хотели играть пермские владыки. Русское влияние распространяется на окрестные племена хантов и манси и проникает постепенно на Урал.

Чусовским путем было совершено подчинение Сибирского ханства. В 1583 г. на верховьях Тагила был поставлен городок, имевший целью утвердить господство русских на волоку между Чусовой и Тагилом, простоял он 7 лет. В 1590 г., после строительства Лозьвенского городка, он был покинут жителями. Несмотря на разные неудобства, Чусовским путем продолжали пользоваться как дорогой в Сибирь, в течение всего XVII века. Проезд торговых людей заставил правительство уже в первой четверти XVII века устроить на Чусовой «прямой Сибирской дороге» таможенную заставу. В 50-х годах у впадения в Чусовую р. Утки основали слободу в надежде, что «тут... таможенных пошлинных денег — сбор будет немалый».

В XVII в. путь по Чусовой шел иначе, чем в 80-х годах XVI столетия, когда им воспользовался Ермак. Ехали вверх по Чусовой до устья Утки, в Чусовской (Уткинской) слободе высаживались и продолжали путь сушею на р. Реж, далее вдоль Режа через слободы Аятскую и Арамашевскую на р. Нейву и Невьянскую слободу, откуда дальше ехали водой по Нице спускаясь до Тюмени. Отдаленность Чусовского пути от тогдашних центров торговли пушниной — Устюга и Соли Вычегодской, отсутствие непосредственной связи с Архангельским портом, средоточием всех торговых сношений с Западом, которыми главным образом регулировался весь оборот пушных товаров, — все это, заставило русское правительство держаться более северного направления, с Камы на Обь.

В 1597 г. сольвычегодский посадский человек Артемий Бабинов проведаль новую дорогу «сухим путем», которая сокращала, по его расчету, путь от Соли Камской до Тюмени более чем вдвое и вела прямо на верховья р. Туры. С основанием, в следующем году, города Верхотурья, эта новая «Бабиновская» дорога была объявлена правительственным трактом, взамен отмененного тракта на Лозьву, и таковой оставалась до 1763 года.

Дорога на Верхотурье шла от Соли Камской через реки Усолку и Сурмаг и верховья Яйвы (речки Чикман и Молчан). С Яйвы переходили на р. Косьву. От Верхкозьвинского села дорога тянулась длинная и извилистая, в том месте, где гора «всего ниже». На притоке Косьвы — Кырье находился небольшой поселок, у перевала через Павдинский Камень, как называлась эта часть Уральского хребта, а на той стороне перевала была расположена деревня Павдинская, или, как ее звали позднее, «Повпавдинские избушки».

Дорога, перевалив через Урал, пересекала р. Павду, приток Ляли, принадлежащей к бассейну Сосьвы, за тем переходила через Лялю на речку Мостовую, впадающую

щую в Туру, и достигала Верхотурья. Общее протяжение дороги от Соли Камской до Верхотурья, Бабинов определял в 263 версты. Гмелин, возвращавшийся этим путем в 1742 г., считает 212 верст. Правительство было озабочено поддержанием сибирской дороги в удобопроезде состоянии. В этих целях в 1599 г. ее чистили, выкорчевывали пни и мосты мостили «через речки и буераки и через грязные места»; всего сделали от Соли Камской до Верхотурья 7 мостов поперечных и 30 в длину. В дальнейшем, «чистить» и «бродить» дорогу и убирать поваленный лес стало повинностью местного населения.

Предпочтительно Верхотурской дорогой пользовались зимой в расчете поспеть к вскрытию сибирских рек, чтобы продолжать путь водою. Зимний путь был к тому же самый скорый: «зимней порой... приезжают от Соли Камские на Верхотурье в 8 дней, иной раз дней в 9 или в 10». Избранд в декабре–январе проделал путь от Верхотурья до Соли Камской в каких-нибудь 5–6 дней. Зато при неблагоприятных условиях, в самую распутицу, «по последнему зимнему пути, в роскалье», иной раз «тащились Верхотурским волоком» и четыре недели; то же случалось в «осеннюю грязную пору». Во второй половине марта шли уже «с великою трудностью, и путь стал гораздо плох». Продолжительность зимнего пути от Москвы до Соли Камской, судя по маршрутам Избранда может быть определена в один месяц.

Движение через Верхотурскую заставу было очень значительное. Во-первых, через нее шли все правительственные сношения с Сибирью: ездили воеводы, отправлявшиеся на место своей службы в сибирские города, провозился хлеб для сибирских гарнизонов, гнали гонцы с отписками. Летом 1623 г. под воеводами всех сибирских городов, и дьяками, и письменными головами, и под сибирскими служилыми людьми, и под государевыми хлебными запасами из Верхотурья было отпущено 86 судов различного размера: 6 кочей, 8 стругов с «чердаками» и «без чердаков», 18 дощаников, 31 ладья, 5 павозков и 8 лодок. В следующем году пришло из Мангазеи и под воеводою и подьячим и из иных городов подслужилыми людьми 25 судов (3 коча, 5 дощаников, 6 стругов дощатных, 11 каюков и стругов однопалубных). В 1661 г. из Верхотурья было отпущено под воеводами, хлебными запасами, подрядным вином и т. д. 36 дощаников. В 1685/86 гг. «великих государей за казнами и за всякими делами» через Верхотурье проехал 56 человек. Наряду с проездом чиновных лиц, через Верхотурье тянулись в Сибирь обозы с русскими товарами и проходило большое число торговых и промышленных людей. Достаточно указать, что в 1635/36 гг. в Верхотурской таможне было зарегистрировано свыше 2 200 человек (считая более 550 человек извозчиков), а в следующем году 1 700 человек (в том числе более 730 извозчиков). Товаров на эти годы было привезено приблизительно на 62 363 и на 69 214 рублей.

10. Фрагмент. Изображение Калиновской, Камышевской, Белосудской слобод на картах Чертежной Книги Сибири, С. У. Ремезов, 1701 г.

Еще один известный путь в Сибирь проходил через Кунгур, далее на верховья Чусовой и пересекавший ее не захватывая Чусовской слободы. Несмотря на неоднократные запрещения, этой «окольной дорогой» долго ходили во второй половине XVII в. многие купцы, иноземцы, сибирские воеводы и служилые люди

Воевода — после XV в. в Московском государстве — наместник государя в городе или территории

Гулящие люди — категория нетяглого населения в России XVI – начало XVIII веков. Отпущенные на свободу холопы: слуги, кабальная зависимость которых по закону прекращалась со смертью их господина; крестьяне, посадские и служилые люди, занимавшиеся отхожими промыслами

Дети боярские — сословие, существовавшее на Руси в конце XIV – начале XVIII веков. В XVI–XVII веках вместе с дворянами несли обязательную службу, за которую получали поместья и записывались в десяти по уездам, и составляли русскую конницу

Кунгурская дорога, должна была рано или поздно заменить собою старую дорогу через Верхотурье, значение последней с развитием Екатеринбургского горного округа падает окончательно

С 29 ноября 1646 по 27 февраля 1647 г. (за три месяца) через Верхотурье проехало 30 купцов с товарами на 18 794 руб. В 1692–1693 гг. с Руси через Верхотурье проехало и прошло 1186 человек, к Руси 284 человек; извозчиков в обоих направлениях 711 человек; зарегистрировано гулящих и иных людей 315 человек; всего отмечено 2 496 человек. Кроме того, с Верхотурья к Соли Камской с возами рыбы ездило местных верхотурских жителей 75 человек «с товарищи». Товаров с Руси провезено через таможню на 25 056 руб. О размерах движения дает наглядное представление количество лошадей, на которых провозилась кладь: в 1635/36 гг. их зарегистрировано 945, в 1636/37 гг. — 949., в 1692/93 гг. — 711 с русскими товарами и 255 с рыбой с Верхотурья, всего 966. Общая выручка таможни за указанные годы выразилась в суммах 2 240 р. 48 к., 2 451 руб. и 1 345 р. 57 к.

Была еще одна дорога, через Кунгур, далее на верховья Чусовой и пересекала ее не захватывая Чусовской слободы. Затем дорога раздваивалась: в северо-восточном направлении она шла рекою Уткую и Режью на Арамашевскую слободу к Ирбиту, а на юго-запад от верховьев Чусовой на верховья р. Исети к слободам Арамилской, Колчеданской и Китайской и к Далматову монастырю. Уже в 1665 г. в устье реки Исети существовала застава. Последний вариант довольно точно обозначал будущее направление сибирского тракта на Екатеринбург. Несмотря на неоднократные запрещения пользоваться этой «окольной дорогой» и на угрозы высылки ослушников в Москву, во второй половине XVII в. через Кунгур не только ездят «из русских городов в Сибирь торговые, и промышленные, и гулящие люди,» в частности, «по вся годы» ездят туда и обратно «купеческие люди» с товарами и с рыбой, и ходят «из Сибири на Русь из слободок с Тюмени слободские всяких чинов и промышленные русские люди, и иноземцы для русских хмелевой и восковой покупок и в Сибирь с Руси для сибирских же покупок». Дорогой пользовались также сибирские воеводы и служилые люди, ездившие по казенной надобности: «ныне де наложена из Сибири, мимо Верхотурскую заставу, дальная вновь окольная дорога по слободам, через Утку и Кунгур, на Каму реку, в русские города, и ездят по ней всяких чинов люди — сибирские дети боярские и служилые и торговые и иноземцы, всякие люди, а из Сибири с сибирскими товары и с мягкой рухлядью, летним и зимним путем беспрестанно», — писали в 1695 г. из Москвы верхотурскому воеводе служилые люди из застав. Кунгурский путь лишь слабо мог обслуживать интересы северного Поморья, через которое шли в XVII в. все торговые сношения с Западной Европой, но он приобретал все более серьезное значение по мере того, как заселялись Нижнее Поволжье и Уфимский край. В XVIII в., когда торговая жизнь в поморских городах падаете и наоборот, усиливается торгово-промышленная деятельность центра, в частности Москвы. Кунгурская дорога, связывавшая Тюмень непосредственно с Москвой через Казань, вместо далекого объезда на Соликамск, должна была рано или поздно заменить собою старую дорогу через Верхотурье.

С развитием Екатеринбургского горного округа значение Верхотурской дороги падает окончательно. Однако правительство и в XVIII в. упорно держится старой московской политики искусственного направления всего транзита исключительно на Верхотурье. В 1706 г. последовал указ, запрещающий, «кроме Верхотурья, иными дорогами как в Сибирь, так и из Сибири пропускать» кого бы то ни было, в частности «купецких людей». Указ этот был подтвержден через год, причем определенно оговаривалось, чтобы не ездили через «Арамил и Катайский острог... и Уткинскую заставу и Ирбит», и, вторично, в 1722 году. С основанием Екатеринбурга, в 1722 году, дело не изменилось. В 1735 и даже в 1758 гг. имели место повторные запрещения, под страхом конфискации, ездить с товарами через Екатеринбург и Кунгур. Хотя с конца XVII в. дорогой на Кунгур пользовались для правительственной почты. Только в 1763 г. открыто было свободное сообщение по дороге Кунгур — Екатеринбург — Тюмень, и в том же году была уничтожена Верхотурская застава. Таким образом, постепенно сложился тот Сибирско-Московский тракт, который в течение всего XIX века являлся единственным путем из России в Сибирь и по направлению которого в 1885 г. была проведена Тюменская железная дорога.

11. Карта «Заселение русскими Урала и Сибири, 1581-1700 гг.»

СЛОБОДЫ И СЛОБОДЧИКИ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

12. Острог, художник Ю.П. Трапачков

Колонизация Сибири происходила намного быстрее, чем освоение окраин Европейской России. Если земли к западу от Уральских гор осваивались в течение столетий, то Сибирь была пройдена русскими людьми за полвека, а к началу XVIII в. русские поселения были уже разбросаны по всей огромной территории от Урала до Тихого океана.

Стоявший с самого начала завоевания Сибири «хлебный» вопрос не мог быть быстро разрешен путем перевода отдельных крестьянских семей за Урал и раздачи им всевозможных льгот. Уже походы Ермака, князя С. Волховского с головой Иваном Глуховым, И. Мансурова остро поставили вопрос о снабжении правительственных отрядов продовольствием. Неверные расчеты при организации этих отрядов привели к катастрофе. На первом этапе Московское правительство пыталось решить хлебный вопрос с помощью поставок из поморских городов. Но хлеб оттуда доставлялся

неаккуратно. В тяжелые 1610 и 1611 гг. он не поступал в Верхотурье совсем. Возникла угроза срыва поставок пушнины в Архангельск. Треть казны Московского царства составляли доходы от пушной торговли. К этим доходам можно отнести сбор ясака (дани) с коренного населения, также туда входили таможенные пошлины от частной торговли пушниной. Решить хлебную проблему с помощью Поморских городов не удалось. Хлебная повинность для городов Новгородской и Устюжской четей, обязанных также и возить хлеб до Верхотурья, была, по их неоднократным заявлениям, непосильна. Понимая это, правительство пошло по единственно верному в тех условиях пути создания крупных земледельческих поселений — слобод.

Слободское строительство было «с незапамятных времен излюбленной и распространенной формой княжеской колонизации, роль которой трудно переоценить». Слободская колонизация имела важное значение для заселения территории Северо-Восточной Руси. Первые упоминания о слободах на Руси относятся к XII–XIV вв. Причем уже тогда их посадкой занимались князья. Название «слобода» происходит от того, что княжеская жалованная грамота слободчику (строителю слободы) «содержала льготу или полную свободу от податей и повинностей на определенный срок». В некоторых случаях слобожанам выдавались ссуды хлебом и деньгами. Кроме того, княжеская грамота иногда предоставляла амнистию поселившимся в слободе преступникам. По истечении срока льготы князь получал со слободы натуральный или денежный оброк, черное тягло или определенные повинности. Устраивая слободы, князья «преследовали цели вообще земледельческой колонизации своих земель, «ожилению» пустых земель», путем заманивания на них людей «из иных княжений». Таким образом, в лице слобожан князь получал новых тяглецов, поэтому он и требовал от слободчика «тяглых и письменных» людей в слободе не селить. Инициатива посадки слободы в том или ином месте исходила либо непосредственно от князя, либо от группы лиц, занимавшихся определенным промыслом, либо от предприимчивых людей, заслуживших доверие князя. Жалованная грамота наделяла слободчика правами судьи и администратора, причем сам он был подсуден только князю. Он должен был заботиться о привлечении в слободу поселенцев и защищать слободу от сторонних людей. Слободчик, происходящий из низов общества, по истечении льготных лет утрачивал свое привилегированное положение и становился обыкновенным тяглецом своей слободы.

Расцвет слободской формы поселений относится к XIII–XV вв. В дальнейшем большинство слободок возникает на малонаселенных окраинах Московского царства, где еще оставалось много пустых земель. Например, в конце XV в. Ф. Мику-

Слободчик — строитель, основатель слободы; главное должностное лицо в слободской администрации в период ее организации

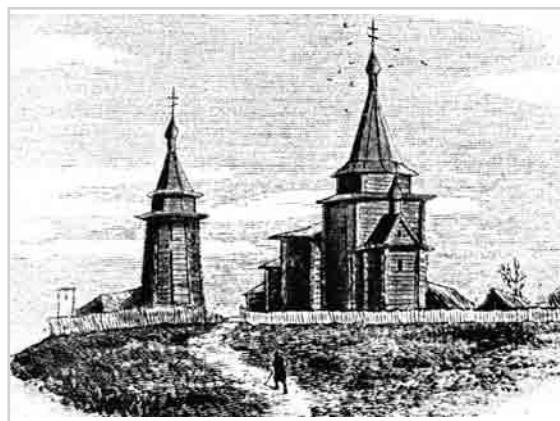
линым была основана слобода на р. Сухоне. Тогда же было дано разрешение на устройство слободы на Гридяхиной пустоши Сямской волости Вологодского уезда. В царствование Ивана IV появились слободки: Окладникова, Кузнецовская, Лампожня на Мезени, Долгощельская в устье Кулоя, Плотова у Выми Яренской, Усть-Цылемская и Ижемская на притоках Печоры. Это были слободы промыслового типа. Их жители занимались главным образом рыболовством, зверобойным и пушным промыслом, ремеслом, хотя и не порывали со скотоводством и земледелием. Слободки появлялись и в более южных районах Поморья: на Вятке, Устюге, Тотьме, Ваге. К тому же времени относятся слободки Строгановых в Приуралье. После завоевания Сибири царское правительство перенесло туда ставшую традиционной практику слободской колонизации.

Хотелось бы по подробней рассказать о строительстве Усть-Целимской слободы. На Печорском пути в Сибирь уже в XV в. образуются промышленные поселки — села и слободы. Так возникла Ижемская слободка недалеко от впадения р. Ижмы в Цильму; у впадения р. Цильмы в Печору основалась другая слободка — Усть-Цылемская, устроенная по жалованной грамоте царя Ивана Грозного новгородцем Ивашком Лесткою на месте, где стоял «лес черный», «от людей далече, верст за 500 и больше». Слободчик, пользуясь дарованными ему правами, стал призывать желающих поселиться в свою слободку, и уже в 1564 г. в Усть-Цильме было 14 дворов и в них людей 19 человек (взрослых женатых мужчин), а в 1575 г. — 16 дворов и 23 человека; это было в значительной мере частное предприятие, и слободчики, в качестве предпринимателей, продолжали пользоваться «третьего долею во всех угодьях». Промышленные поселки на Печоре пользовались известным самоуправлением. В Усть-Цильме при царе Борисе мы находим старост и целовальников; позднее Усть-Цильма была объединена с Ижмой, под управлением общего выборного «закащика», который является официальным представителем всех «слободчиков» в сношениях с Москвою и с местной администрацией и на котором лежит ответственность за порядок во вверенных ему слободках и за правильное исполнение тягла.

Слободское строительство за Уралом получило столь широкое распространение, что слобода стала здесь основным местом сосредоточения крестьянских дворов. Инициатива слободского строительства исходила из 3 воеводств: Тобольского, Верхотурского и Туринского.

Название «слобода» в XVII в. имело двоякий смысл. С одной стороны, это первоначальное поселение на отведенном для заселения участке, которое становилось центром для всех селений данного участка. Здесь находились острог, церковь, двор приказчика, государевы амбары. В слободе жили церковные причетники, судные дьячки, служилые люди (беломестные казаки). Здесь же находилась часть крестьянских дворов. Возле слободы расположены государевы десятины. С другой стороны, слобода — это территория, которая составляется из слободы в узком значении этого слова и всех «тянувших» к ней селений (деревень). Общие размеры этой территории обычно устанавливались (хотя и очень приблизительно) при первоначальном устройстве слободы, путем упомянутого выше отвода. Внутри этой территории и возникали деревни слободского присуда. Выселение за пределы этой территории затруднялось, так как наталкивалось на земли соседних слобод или соседних ясачных волостей».

Что же касается жителей слобод, то на первом этапе это были переселенцы из центральной части России, отправленные по правительственному распоряжению. В 1590 г. были направлены в Сибирь в пашенные крестьяне, 30 семейств, прибранных в Сольвычегодском уезде. В 1592 г. с П. Горчаковым были посланы в устраиваемый г. Пелым крестьяне из Пермской и Вятской областей. В 1600 г., при устройстве пашни, под Туринском были поселены казанцы, литовцы. В 1621 г. во вновь заведенную в Верхотурском уезде Невьянскую слободу «указали» перевести из казанских дворцовых сел 41 семейство. Перевод не всегда давал ожидаемых результатов.

13. Никольская церковь в селе Усть-Цельма. Старинная гравюра из книги *Русское деревянное зодчество Урала*, 1988 г.

Приказчик — в Русском государстве XVI в. выборные из среды уездных служилых людей правители городов и уездов; подчинялись наместникам

Беломестные казаки — представители служилых людей по прибору. В 1630-х гг. — нач. XVIII в. проживали в пограничных слободах и острогах и несли воинскую службу с «обеленной» пашни (не обложенной налогами и повинностями)

Государева десятинная пашня — казённая пашня, которую обрабатывали государевы пашенные крестьяне и дворцовые крестьяне в порядке феодалной повинности

14. Русские крестьяне и крестьянки. Гравюра. XVII в. // Короткова М. В. Путешествие в историю русского быта. — М., 2006. — С. 2

На Печорском пути в Сибирь уже в XV в. образуются промышленные поселки — села и слободы, первые жители которых были переселенцами из центральной части России, отправленные по правительственному распоряжению

«Указной» хлебопашец часто не справлялся с трудностями, связанными с коренной ломкой его хозяйства, тем более, что последняя бывала неоднократной. Так, часть переведенцев была направлена из Пельма в Туринск, из Туринска в Тару, а из Тары обратно в Туринск. На Таре государеву пашню, заводимую силами переведенцев, постигла явная неудача. При устройстве пашни было поселено 25 семей казанских, литовских переведенцев, взятых из-под Туринска. Однако государева десятинная пашня около города вскоре же оказалась «впусте», так как казанцев «для конского падежу», по грамоте Бориса Годунова, вновь перевели под Туринск. Недостаточная эффективность данного мероприятия, его до-
роговизна, жалобы на него населения поморских уездов заставили Москву довольно быстро отказаться от этой меры. Ее сменила вербовка добровольцев, которую проводили в поморских городах агенты сибирской администрации.

Согласно указу набирать следовало «Сыновей от отцов, племянников от дедьев». То есть тех людей, которые не обладали самостоятельным хозяйством. Устроить самостоятельное хозяйство на прежнем месте у таких крестьян не было возможности. Не было для этого ни денег ни свободной земли. А на Урале и в Западной Сибири земли было предостаточно, переезд на восток был открыт, правительство не мешало. Что же касается денег, то за этим дело не стало. Воеводская администрация не только за казенные деньги перевозила поселенца на новое место жительства, но по приезду давала подъемные и ссуду, на покупку всего необходимого и сверх денег давали по 5 четвертей ржи, чети ячменя, 4 чети овса и пуду соли. Например, в Чубаровой слободе сверх денежной подмоги и ссуды было предписано выдать по 2 лошади, корове и мелкий скот. Почти для каждой слободы давались «льготные годы». То есть время, данное правительством для того, что бы переселенцы могли устроиться, построить крестьянскую усадьбу, распахать пашню, собрать несколько урожаев. При этом слобожанин (житель слободы) освобождался от уплаты налогов. По истечении льготного периода, в качестве налога, слобожанин должен был пахать государеву десятину, или платить оброк.

Размеры подмоги и ссуды были очень рано поставлены в связь с размерами оклада государевой десятинной пашни. В 1645 г. в Ирбитской слободе взыскивали с ирбитских крестьян «что на ком взяти государевых ссудных денег на 1638–1639 год». Ссуду должны были возратить 23 чел. В росписи, по которой должны были взыскиваться ссудные деньги, отмечено несколько меньшее количество ссуд, так как иногда ссуда выдавалась двум людям. Иногда это, очевидно, братья. Одну ссуду взяли «Калинко да Максимка Володимеровы».

В других случаях одну ссуду брали лица, не связанные близким родством. Одну ссуду взяли Василий Назарьев и Друганко Кристантьев, другая ссуда числится за Малафейком Тимофеевыми и Никифором Яковлевым. В последних случаях ссуда бралась, повсей вероятности, лицами, занимавшими один участок. В списке упоминаются ссуды двух размеров: в 3 руб. и в 1.5 руб. При этом количество человек, взявших ссуду, не имеет значения. Так, на Федоре Фомине числится 3 руб., также 3 руб. записано за Киприянком Алексеевым. А Василием Назарьевым и Иванко Кристантьевым, обоими вместе, было получено в ссуду 1.5 руб. Полтора же рубля получил один Алексей Иванов.

Очевидно, количество человек, бравших единую ссуду, не влияло на ее размер. В том же 1645 г. в Ирбитской слободе в связи с выходом из льготы этих же крестьян была составлена другая роспись. В списке этих новоприборных оброчных крестьян приведены размеры их оброчного оклада и ссуды. В росписи из 27 человек ссуда указана для 23 человека. Она также двух размеров: в 3 и 1.5 руб. Двух же размеров и оброчный оклад:

- 1) 10 четей ржи и 12 четей с полуосминой овса;
- 2) 5 четей ржи и 6 четей с полуосминой овса.

Первый оброчный оклад приравнен полудесятине государственной пашни, второй четверти десятины. 13 крестьян, плативших оброк из расчета с полудесятины государственной пашни (10 четей ржи и 12 четей овса), получили ссуду в 3 руб. Остальные 14 крестьян, имевшие ссуду в 1.5 руб., платили оброк с чети десятины (5 четей ржи и 6 четей овса). В такой же связи с размерами государственной десятинной пашни находилась и подмога. В 1628 г. в Верхотурском уезде новоприборным пашенным крестьянам (57 чел.) «дано подмоги на 29 десятин с полудесятиною без полутретьи 36 рублей 16 алтын 4 деньги, по 3 рубля на десятину». Большие колебания размеров ссуды новоприборным пашенным крестьянам дает книга Туринского острога 1638–1639 и 1639/1640 гг. Здесь размеры ссуды колеблются от 2 до 12 руб. Очень большая ссуда, в 12 руб., в соединении с подмогой в 5 руб. и подмогой натуральной, указывается Буцинским для крестьян Чубаровой слободы в момент ее устройства. Значительность ссуды и подмоги в Чубаровой слободе обуславливалась требованием пахать на государя 2 десятины.

Иными словами, и эта ссуда равна той, которая давалась в Ирбитской слободе (3 руб. с полудесятины, 12 руб. с 2 десятин), как и подмога приблизительно равна подмоге, даваемой в 1628 г. в Верхотурском уезде (3 руб. с десятины, 5 руб. с 2 десятин плюс натуральная подмога). В свете этого сопоставления необходимо понимать и 12-рублевую ссуду книг Туринского острога 1638–1639 и 1639–1640 гг. Из такого же расчета выдана подмога и ссуда в 1654 г. в Белослудской слободе крестьянину Ивану Михайлову, севшему на пашню в полчетверти десятины. Из расчета 3 руб. ссуды и 1.5 руб. подмоги с полдесятины ему было выдано 25 алтын ссуды и 12 алтын 3 деньги подмоги. Наряду со стремлением сохранить соответствие между размерами ссуды и подмоги и размерами будущего тягла крестьянам выдается из расчета по 10 руб. на государственную десятину. И действительно, верхотурский воевода Хованский в 1625–1628 гг. выдавал подмогу именно в таких размерах. Приведенные выше примеры, относящиеся к несколько более позднему времени, говорят об уменьшении размеров подмоги. Это явление особенно отчетливо наблюдается со второй половины века. Воеводская администрация стремится уменьшить помощь вновь прибираемым, делая попытки обойтись совсем без подмоги, а иногда и без подмоги и без ссуды. Так, в Туринске еще в 1639 и 1640 гг. «деньги даваны из государевы казны для всякого заводу в кабалу с порукою годы на 2 и на 3». На лицо только ссуда. При этом, и ссуда иногда уменьшается. Так, в 1654 г. в Краснопольской слободе было указано «на ссуду давать против Верхотурского уезду слобод новоприборных крестьян на десятину по 1.5 р.; «а хто больши или меньши десятины оброчит и тем крестьяном потому ж бы есте давать по расчету». Размеры ссуды, указанные здесь, вдвое меньше приведенных выше. В 1671 г. верхотурский сын боярский П. Буженинов в своей челобитной указывал, что в бытность приказчиком Ирбитской слободы «прибрал вновь из гулящих вольных нетяглых людей в крестьяне 39 человек без вашего Великих государей денежного жалованья без ссудных и без подможных денег».

В поручных 1680 г. по Камышенской и Краснопольской слободам имеются указания только на льготные лета, без упоминания ссуды и подмоги. На такой же путь вступили еще в 1633 г. в Тобольске, устраивая в Ницинской слободе 5 крестьян без подмоги, «потому что они объявились прожиточны и семьянисты». О необходимости ограничения подмоги из Тобольска в то же время писали в Верхотурье, упрекая верхотурских воевод, что они прибирают пашню детей, братьев, племянников с подмогой, «а отцы их и братья прожиточны и им де мочно пахать твоя государева пашня и бес подмоги». Такую же эволюцию переживает и льгота. В отличие от ссуды и подмоги она удерживается весь XVII и переходит в XVIII в. Меняются ее размеры. Величина льготного периода связывалась иногда и с величиной ссуды и подмоги, будучи обратно пропорциональной им. Так, уже при устройстве Ницинской слободы в 20-х годах, новопашенные крестьяне получали льготы, при большой ссуде, лишь на 2 года. Обычно же в ранний период заселения льгота была больше. По Турин-

15. Постройка житницы. Фрагмент, XVII-XVIII вв. // Мишина Е. Русская гравюра на дереве, XVII-XVIII вв.

Круговая порука — групповая солидарная ответственность, когда все члены группы отвечают за обязательства одного

Челобитная — в делопроизводстве России XV – н. XVIII в. просьбы или жалобы, подававшиеся центральным или местным властям. Челобитные были основной формой обращения к Государю

Верста — русская единица измерения расстояния, равная пятистам сажням или тысяча пятистам аршинам (что соответствует нынешним 1 066,8 м, до реформы XVIII века — 1 066,781 м)

Название «слобода» в XVII в. имело двоякий смысл. С одной стороны, это первоначальное поселение на отведенном для заселения участке, которое становилось центром для всех селений данного участка. Здесь находились острог, церковь, двор приказчика, государственные амбары. С другой стороны, слобода — это территория, которая составляется из слободы в узком значении этого слова и всех «тянувших» к ней селений (деревень). Общие размеры этой территории обычно устанавливались при первоначальном устройстве слободы, путем упомянутого выше отвода. Внутри этой территории и возникали деревни слободского присуда

скому острогу в 1639 и 1640 гг. при нормальной ссуде давалась 6-летняя льгота. В Верхотурском уезде уже к середине века перешли к 3-летней и 4-летней льготе. В это же время в слободах Тобольского уезда продолжали давать льготу на 6 лет. Это вызвало в 1644 г. заявление приказчика Ирбитской слободы В. Муравьева о чрезвычайной невыгодности подобного положения для верхотурских слобод. «Велено призывать пашенных крестьян, а льготы им велено давать на 3 и на 4 года, а из Тобольска, которые слободы приказчики строят тут же близко Ирбитские слободы верстах в семи и в пятнадцати и больше и призывают по государеву указу вновь и льготу им дают на 6 лет. И многие крестьяне в тех слободах селятся и проходят всякие люди мимо Ирбитскую слободу». В том же 1644 г. Муравьеву было раз решено «льготы давать на 5 и на 6 лет, а ссудные и подможные деньги и хлеб... давать против наказа» по прежнему. А в 1654 г. по Верхотурскому уезду льгота, при уменьшенной ссуде, давалась уже на 5 лет. В 1671 г. на челобитной о записи в крестьяне в Арамашевскую слободу помечено: «велеть ему быть на льготе, а льготы дать им на 2 года». В 1680 г. приказчик Иван Албычов прислал на Верхотурье поручные записи на новых крестьян Камышенской слободы. Согласно тексту записей, крестьяне посажены на оброк из-за льготы, без ссуды и подмоги.

Так, в 1672 г. дана льгота оброчному крестьянину Ирбитской слободы Лаптеву по случаю пожара, во время которого сгорело все его имущество. В том же 1672 г. крестьянину той же слободы Д. Важнину, по его челобитной, дана льгота как безлошадному. Годовая льгота дана также крестьянину Тагильской слободы М. Полякову, писавшему в челобитной, что он «человечишко одинокое, один был сынишко и тот умерл, а скотишка... была одна лошаденко и та пала собою, а две коровы убил зверь». В 1672 г. крестьяне Ницинской слободы били челом о выдаче денежной ссуды на покупку скота, так как в слободе был скотский падеж. Довольно часто экстренные ссуды давались хлебом «на семена и обмена». Записи о заемном крестьянском хлебе нередко встречаются в сметных списках. В 1662 г. тобольский воевода И. Хилков писал по этому поводу верхотурскому воеводе И. Камынину: «А впредь опричь пашенных и оброчных крестьян никаким людям государева хлеба в займы не давать... да и крестьяном давать бы... поневелику, чети по 3 и по 4 на семена, смотря по людям».

Установить точно размеры и принципы выдачи этого рода ссуд и льгот по самому их характеру, разумеется, нельзя. На проведение указанных мероприятий правительство, особенно первое время, расходовало значительные средства. В 1625–1626 г. Федор Буженинов при устройстве новой слободы израсходовал 139,5 руб. на подмогу и 364 руб. на ссуду. В 1623 г., за один год, на ссуду и подмогу при устройстве Чубаровой слободы было выдано 350 руб. По Туринскому острогу в 1638–1639 г. на одну ссуду израсходовано 51 руб., а в 1639–1640 г. — 248 руб. Несомненно, это дало немалый эффект. Возможность получения значительной помощи привлекала широкую волну поселенцев. И наличие этой волны, как было указано выше, позволило правительству постепенно свертывать эту деятельность, сжимать расходы на помощь для устройства поселенцев. Во второй половине века в этом отношении стремятся обойтись одними льготными годами.

Большинство слобод на Урале были построены вдоль путей, ведущих из Центральной России в Сибирь. Как показывают сметные слободские книги, слободы были прибыльным делом. В сметной книге Ницинской слободы записано, что за 1637 г. израсходовано 72 рубля, а сбора с разных пошлин взято 140 рублей 57 к.. Из сметной книги Чубаровой слободы видно, что доходы здесь не такие большие, но и расходы совсем ничтожны: за 1637 г. — 33 рубля, за 1638 г. — 28 рублей, 62 коп. Израсходовано не более полутора рублей, в основном на бумагу и чернила.

Существовало два вида слобод: построенная на государевы деньги слободским приказчиком и организованная на частный капитал одним или несколькими лицами — слободчиками. Слободы построенные слободчиком или слободским приказчиком, внешне не отличались друг от друга. И те и другие получали разрешение

или указание от местного воеводы. Основное воеводское указание по поводу строительства слобод гласило «пашни заводить и амбары ставить». Иногда инициатива по строительству новых слобод исходила не только от воеводы или слободчика, но и от приказчиков. Так идея о строительстве нескольких слобод исходила от сына боярского Андрея Буженинова. Его стараниями были построены Ницинская, Мурзинская, Верх-Ницинская и ряд уральских слобод. На первом этапе строительства слободы происходило наделение слобожан землей под заимки и деревни. Затем ставились казенные и частные амбары для хранения зерна, так же строили и судебную избу для рассмотрения спорных дел и тяжб незначительного уровня. Обязательным атрибутом слободы была церковь. Так крестьяне Чубаровой слободы писали воеводе: «слобода уже как год построена, а церкви в ней до сих пор нет, и жить в такой слободе они не хотят, поэтому просят воеводу либо построить церковь или разрешить им уйти из этой слободы». На картах того времени слободы обозначались рисунком, на котором был изображен небольшой Храм. А завербованные крестьяне новой слободы на речке Сусатке, что недалеко от Туринска, били челом государю, что им без храма быть невозможно и чтобы государь велел устроить храм и пожаловал книги, образа и колокола, а священнику денежное и хлебное жалование. Храм во имя Благовещения Богородицы, был построен в слободе в 1642 году, через два года после ее основания. С тех пор слобода стала именоваться как Благовещенская.

А вот острог в слободе был не всегда. Строился он только тогда, когда воевода считал, что на слободу могут напасть местное калмыцкое или башкирское население. На Урале остроги ставили в тех слободах, которые были ближе всего к башкирским и калмыцким территориям, где происходили постоянные стычки с этими народами. Слободы построенные на внутренних, уже освоенных территориях острогов не имели. Во время очередного башкирского восстания приказчик Камышловской слободы сообщает, что он отправил письма в соседние слободы с указанием привести в его слободу казну и канцелярию, так как в их слободах острогов нет, а башкиры вот вот могут напасть. Например остроги в Арамашевской, Аятской, Невьянской слободах возникли через несколько лет после их основания. Так в 1626 году крестьяне Невьянской слободы били челом государю, чтоб им было разрешено поставить в слободе острог «для приходу от калмыцких людей». Разрешение дано, но неизвестно, в каком году построен был острог; несомненно только то, что острог поставлен в новой Невьянской слободе, что «на безводных полях». Слободские остроги представляли собой небольшие деревянные крепости, вокруг, сажень 40 или 50, огороженные частоколом, высотой до 7 метров, с несколькими рубленными башнями, в одной из них были ворота. Защитниками острога в первое время были служилые люди, временно присылаемые из городов. Но подобные посылки скоро были отменены, и временные защитники заменены постоянным войском, состоящим из беломестных казаков. Эти служилые люди набирались большей частью также из охочих людей, но они служили в острожках не за жалованье, а «с пашни», т.е. за свою службу получали земельный надел и за пользование последним не платя никаких налогов. Около 1635 года в Невьянском острожке было 17 беломестных казаков, а вооружение заключалось в 4 пищалях затинных, полковой медной пищали и 27 пищалях солдатских со всеми необходимыми принадлежностями. Как ни ничтожен был этот острожек, но он все-таки пугал калмыков и башкир.

Строительство острога скорее всего происходило за счет жителей слободы. Так после очередного восстания башкир, верхотурский воевода пишет приказчикам в слободы: «Остроги жителям слобод поставить в короткие сроки. А местным крестьянам объясните, что это не тягость для них, а нужно для их защиты».

В зависимости от того, на частные или на государевы деньги строилась слобода, во главе ее стоял слободчик или приказчик. Функции их были одинаковы. В наказе приказчику Аятской слободы было написано: беломестных казаков и крестьян судить меж собою в делах, наказание за которые не превышали бы 10 рублей, по более крупным делам и делам касающихся разбоя или убийства, так же дела между русскими и местным населением разбирательство должно было проходить в во-

Заимка — название (чаще в Сибири) поселения, обычно однодворного, и земельного участка, занятого кем-либо по праву первого владения, вдали от освоенных территорий.

Затинная пищаль — средне- и длинноствольное огнестрельное оружие, предназначенное для стрельбы «из-за тына» (частокола)

еводском суде. Получалось, что приказчик выступал в качестве местного судьи по не особо крупным делам. В обязанности приказчика так же входило взимание различных пошлин с мелкой торговли. Поддержание общественного порядка в слободе так же ложилось на плечи приказчика, «смотреть чтобы крестьяне в слободе нигде не воровали и не грабили, и драки и ножевины не чинили, и зарню и карты не играли, и корчмы бы и блядни и табаку и у себя не держали». Слободской приказчик, за свою службу не получал никакого жалования. Будучи на содержании у слободских жителей он мог вести собственное хозяйство. Приказчиками в слободы назначали людей не знатного происхождения, среди них были стрельцы, казаки, стрелецкие и казьи десятники, за особые заслуги в управление слободами им могли присвоить дворянское звание (дети боярские).

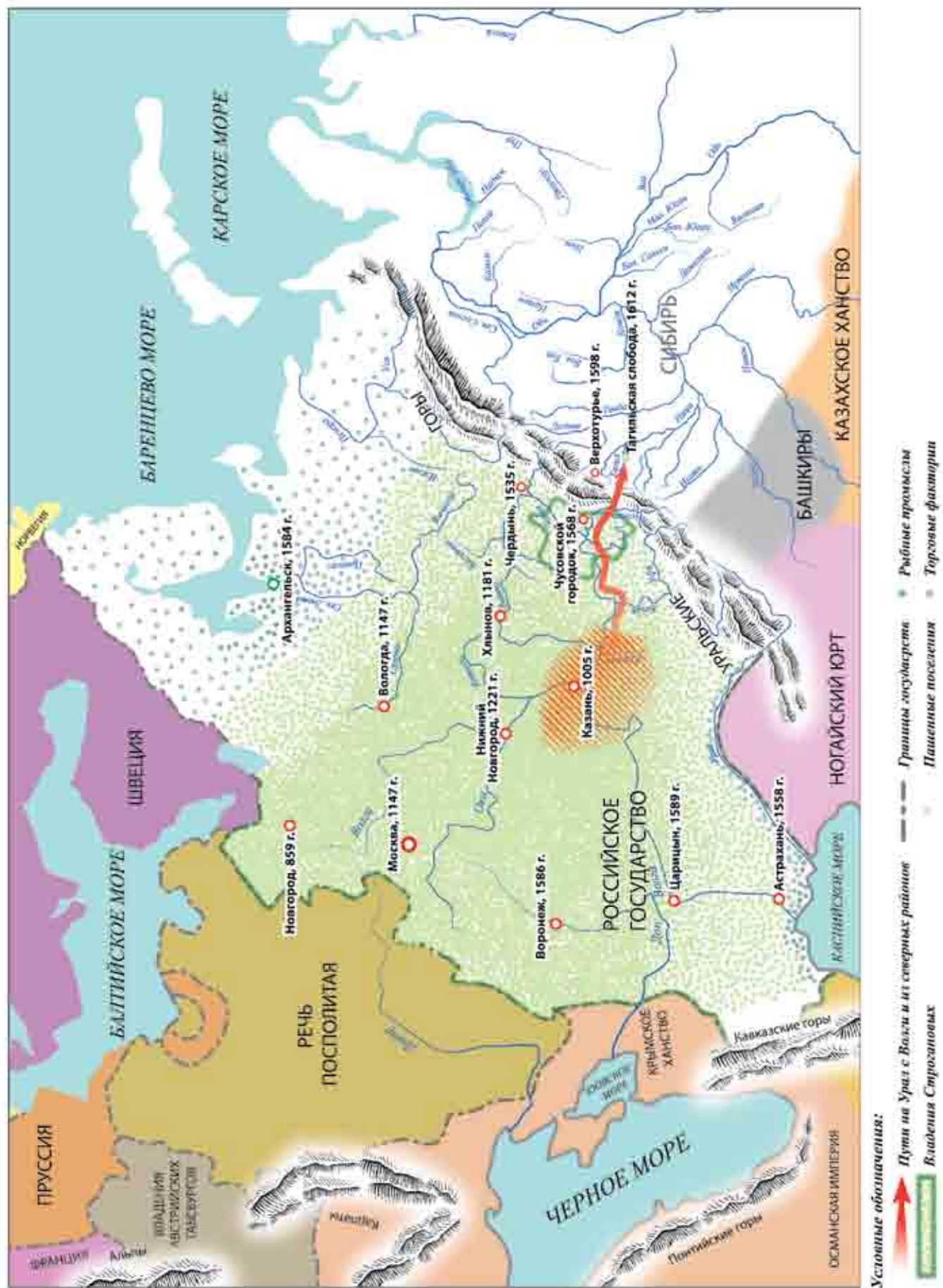
На первом этапе колонизации (приблизительно 1581–1618 гг.) ведущая роль в ней принадлежала государству, но очень скоро инициатива переходит из рук воеводской администрации непосредственно к переселенцам. Устройство слобод перестало быть исключительной прерогативой государевых людей. Большое число такого рода поселений возникло благодаря деятельности и предприимчивости частных лиц — слободчиков. Они находили «угодное» и незанятое место и подавали челобитную об отводе этих земель, о даче «памяти слободной, чтоб слобода взводить» и «государева ящика за своею государевою печатью».

Слободчиками становились обладавшие средствами выходцы из различных слоев населения (крестьян, служилых людей). Среди них можно встретить беломестных казаков, крестьян среднего достатка, мелких торговых людей. На деньги взятые в кредит, иногда у государства, слободчики начинали строительство. Такое предприятие начатое без всякого капитала сулило большой доход. Слободчик действовал «на пустом месте», без конкуренции выделял себе самый лучший участок, пользуясь наравне с другими жителями льготными годами, обзаводился крепким хозяйством и вскоре становился зажиточным крестьянином. А по истечению льготного периода переходил в оброчные крестьяне, продолжая жизнь на уже привычном ему месте.

Но были и другие слободчики. Это были довольно состоятельные люди, имевшие значительный капитал, чтобы вместе или в одиночку самостоятельно построить слободу. Место ими выбиралось основательно. Зачастую расчет был на торговлю, поэтому старались найти пусторожнее место не далеко от дороги «Местро то на реке Чусовой, не далеко от дороги, доход будет с того не малый». Так писал о Чусовой слободе, слободчик Гилев. После землеотвода, слободчики отправляли своих агентов, для поиска людей желавших поселиться в новой слободе. Переезд новых слобожан и обустройство на месте стоило не малых денег. Так слободчик Иван Стельков пишет, что доставка и обустройство поморских крестьян обошлась ему в 450 рублей, (когда корова стоила 2 руб.).

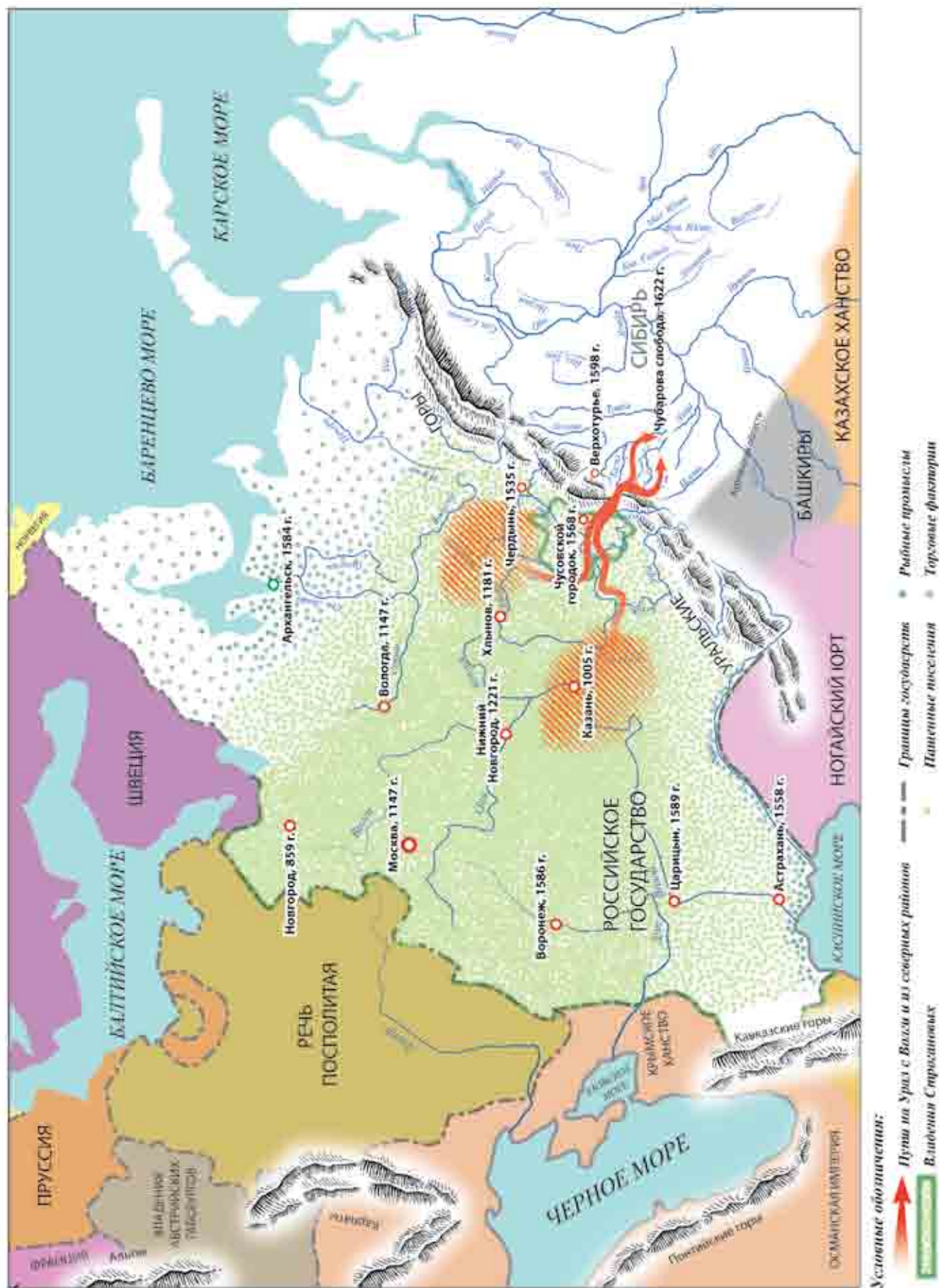
Значительного вложения требовала распашка целины. Так сибирский слободчик Потапов писал, что распашка земли близ Братского острога, для новоприбывших на льготу пашенных крестьян обошлась ему в 300 рублей. Позже за свои заслуги в организации слобод и снабжения хлебом правительственных экспедиций этому предпринемателю пожаловали дворянское звание — сын боярский с окладом в 10 рублей. Таких слободчиков называли еще «садчиками». Потому, что они искали крестьян в новую слободу и сажали их на землю. Основной доход садчика, как предпринимателя, заключался в процентах на ссуженный поселенцам капитал. Крестьянские «садчики», как правило, сажали на землю лиц, оказавшихся в Сибири по своей инициативе. Однако имели место случаи и более широкой деятельности. Так, Гилев, для Уткинской слободы набирал крестьян в Усольском уезде. Иногда в грамотах того времени встречаются, как слободские приказчики так и садчики. Возможно это были комбинированные слободы создаваемые на государственные деньги с привлечением частных инвестиций.

Одним из состоятельных слободчиков был Пятунька (Пятка) Ощепков. Им устроены Ницынская и Усть-Ирбитская слободы. В 1645 г. слободчик сообщал, что он в новую Усть-Ирбитскую слободу «гулящих людей двух человек Мишку Оверь-

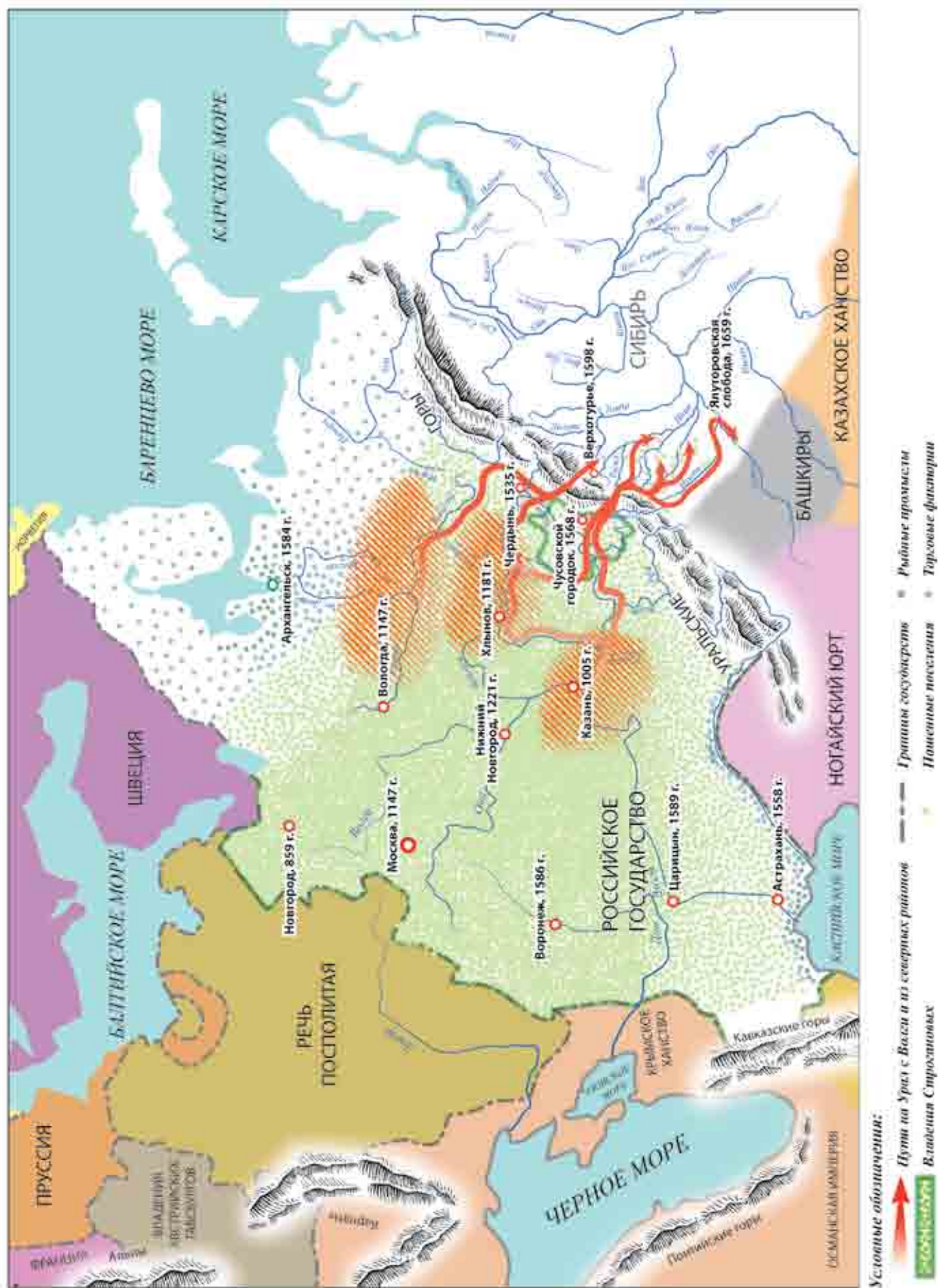
16. Карта «Освоение Сибири. Образование слобод, нач. XVII в.»

Освоение Сибири. Образование слобод, сер. XVII в.

17. Карта «Освоение Сибири. Образование слобод, сер. XVII в.»

Освоение Сибири. Образование слобод, кон. XVII в.

18. Карта «Освоение Сибири. Образование слобод, кон. XVII в.»

19. Дозорная башня в селе Торговище XVII в. Художник А. Тумбасов, из книги «Русское деревянное зодчество Урала». Такие дозорные башни строились почти в каждой слободе. Простое деревянное строение в случае опасности могло спасти не одну жизнь

Существовало два вида слобод: построенная на государевы деньги слободским приказчиком и организованная на частный капитал одним или несколькими лицами — слободчиками

20. Так работали мостники в Древней Руси // Семенова М. Мы — славяне! — СПб., 1998. — С. 28

киева Чашина да Селуянка Никонова пиняжанина вновь в оброчные крестьяне призвал и по ним взял поручные записи и в ссудных деньгах кабалу». Впоследствии Усть-Ирбитская слобода перестала существовать.

В слободском деле преуспели жители Сибири, выходцы из поморских городов. Не исключено, что свой стартовый капитал они заработали на пушном промысле. Пользуясь тем, что Тобольские и Тюменские воеводы при основании слобод предпочитали основывать слободы на частные инвестиции, слободчики Елесе́й Гилев и Петр Ульянов, за свою жизнь основали несколько слобод. В своих слободах они имели большие запашки в которых работали несколько «поставленников». Центром их слобод были дворы самих слободчиков на которых стояли «дворовые хоромы»: две горницы, одна с подклетью, другая с жилой комнатой, двое сеней больших, три конюшни больших стойных, хлев, сарай новый, да «для сенных приводов» сарай большой покрытый; двор был окружен забором и заплотами с тремя воротами,

из них одни с «приворотьем». Такой «дворовый завод» стоил больше 200 руб. В нем у хозяина слободы хранилось всякого инвентаря — «заводу деревенского» — всякой житейской посуды и платья, и хлебных, и харчевых запасов на 300 руб. Помимо таких дворов в собственности у слободчика была мукомольная мельница, которая приносила довольно большой доход, так как ее услугами пользовались все жители слободы.

В 1659 г. эти слободчики «слободу построили и острог поставили и крестьян и беломестных казаков прибрали и поселили и завели и... государевы пашни распахали и крестьян ссужали своими статченками». Во время строительство слобод Гилев не раз вступал в конфликт с властями. Так во время обустройство Чусовской слободы из Верхотурья был прислан приказчик, который выгнал Гилева. После разбирательства приказчика отозвали. Другой интересный случай с ним произошел 1667 году. Елесе́й Гилев получил от Тобольского Воеводы Петра Годунова, разрешение о строительстве слободы на реке Камышенке. Строитель слободы приказчик Будаков в 1668 г. жаловался своему воеводе, что на то же место приехали строить слободу по наказам из Тобольска. Верхотурский воевода Колтовской писал по этому поводу, что тобольский воевода Петр Годунов посылает своих людей на Камышенку «для ссоры», «приметывается к нему во всем». А в следующем году Петр Годунов отправляет часть Тобольского гарнизона во главе с сотником Клеповым выбить Будакова из слободы. Сотник не только провел захват слободы, но и в 1669 г. осадил воеводу Колтовского у себя на Верхотурье. Необычное военное положение города вызвало волнение служилых людей. Верхотурские дети боярские кричали воеводе: «город запер, с ума шел». Через какое-то время конфликт был разрешен. Но Камышенская слобода осталась за Гилевым.

Еще одним источником дохода слободчика была продажа хлеба. К середине 16 века уральские и сибирские слободы могли спокойно обеспечивать хлебом все потребности Сибирского приказа. Со временем хлеб полученный в качестве оброка с государевой запашки уходит на второй план. Полученные доходы от пушного промысла позволили властям организовывать государственную закупку хлеба для выдачи жалования служилому сословию. Размеры казенных закупок уже в первом полустолетии были значительны. В 1637 г. по распоряжению из Москвы тобольские воеводы в уральских уездах закупали более 5 000 четвертей ржи. В 1639 г. на Тюмени, в Туринске и Верхотурьи купили 3 560 четвертей ржи. На следующий год некий патриарший крестьянин Яким Ящуров, произвел гос. закупку зерна на 8 000 рублей. Зерно он покупал в Ирбитской, Киргинской, Чубаровой, Верхней и Нижней Ницинских слободах. Интересно то, что хлебные возможности слобод не исчерпывались размерами централизованных закупок. Крестьяне Чубаровой слободы ежегодно доставляли в Тобольск значительное количество разного хлеба с государевой пашни, а равным образом и для себя столько об-

рабатывали земли, что могли ежегодно продавать правительству по 400 и 500 четвертей ржи. Вообще туринские слободы не были ориентированны на активное участие в торговле — они строились в отдалении от проезжих дорог, с небольшим числом жителей, но зато и урожай на их пашнях был высок.

Помимо централизованных хлебных закупок, были еще и закупки местной администрацией. В 1641 г. сибирские приказчики и служилые люди должны были купить ржи в Верхотурском уезде на 500 рублей, в Туринском на 600 рублей. В 1646 г. в Верхней и Нижней Ницинских слободах агент московской администрации купил 2,63 чети ржи. Одновременно с ним по заданию тобольского воеводы было куплено 1 250 четей ржи. Сверх этого жители уральских слобод продавали хлебные припасы торговым и промышленным людям Сибири. Об этой торговле в Сибирском приказе писали: «Жить в этих слободах прибыльнее, так как торговые люди покупают хлеб дорогой ценой и делают для его сплава суда, а крестьяне от дел этих имеют цену большую». Государственная запашка в этих полях давала в то время не более 1 500 четей. По мимо этого слободские крестьяне умудрялись приторговывать в Поморские и Пермские города. Об этом свидетельствуют постоянные государственные наказы о досмотрах на дорогах в Поморье и об устройстве застав. Главными правительственными агентами по закупке хлеба были торговые люди поморских городов.

Больше половины, а именно 62% всех сделок, падает на сравнительно небольшие продажи, от 1 до 5 четвертей. Около четверти (23%) составляют сделки от 6 до 10 четей. Остальные 15% дают сделки более чем в 11 четей. Отдельные из них достигают внушительной цифры. Наибольшие продажи были в 407, 505 и 571 четь (3256, 4040 и 4568 пуда). Величину продажеспособности отдельных продавцов можно без ошибки увеличить, так как часть из них продавала хлеб не по одному разу. Большинство продавцов были крестьяне. Среди продавцов встречаются перекупщики, как жители Тобольского уезда, так и нетобольяне. Например, торговый человек Михаил Попов, уSOLEЦ, продал 150 четей, Максим Бозезин — 100 четей, тобольский посадский человек Михаил Шапочник — 100 четей.

Но наряду с ними мы встречаем посадских людей, служилых, церковных причетников, приказных. Среди последних обращает на себя внимание житничий дьячок Невьянской слободы, продавший две очень большие партии — в 143 и 333 чети. Большие же партии продавали дети боярские, бывавшие на приказе в слободах (А. Буженинов продал 407 четей, П. Перхуров — 143 чети). Теперь понятно рвение боярского сына Андрея Буженинова. В грамотах Верхотурской приказной избы именно он выступает инициатором строительства ряда слобод в Верхотурском уезде. А однажды он даже был посажен на несколько дней в колоду, за то что переманил крестьян с соседней слободы.

Деятельность сибирских слободчиков, напоминавшая деятельность подрядчиков-локаторов (агентов по заселению новых земель в средневековой Европе) продолжалась до конца XVII в. Слободчики с ведома властей занимались первоначальным устройством крестьян (на льготных условиях) и управлением ими. Как заметил Н.Н. Оглобин, «для малонаселенной Сибири эти слободчики были находкою». Действительно, в 1630–1690 гг. ими было основано 25 слобод (главным образом в Западной Сибири), куда стекалось гораздо больше крестьян, чем в селения, основанные по правительственной инициативе. Тем не менее, царская администрация часто не доверяла слободчикам и стремилась поскорее отстранить их от власти. Самый значительный в Западной Сибири очаг земледелия образовался в первой половине XVII в. в Верхотурско-Тобольском районе, через который проходило большинство дорог из Европейской России в Сибирь. Здесь основным типом крестьянского поселения стала слобода.

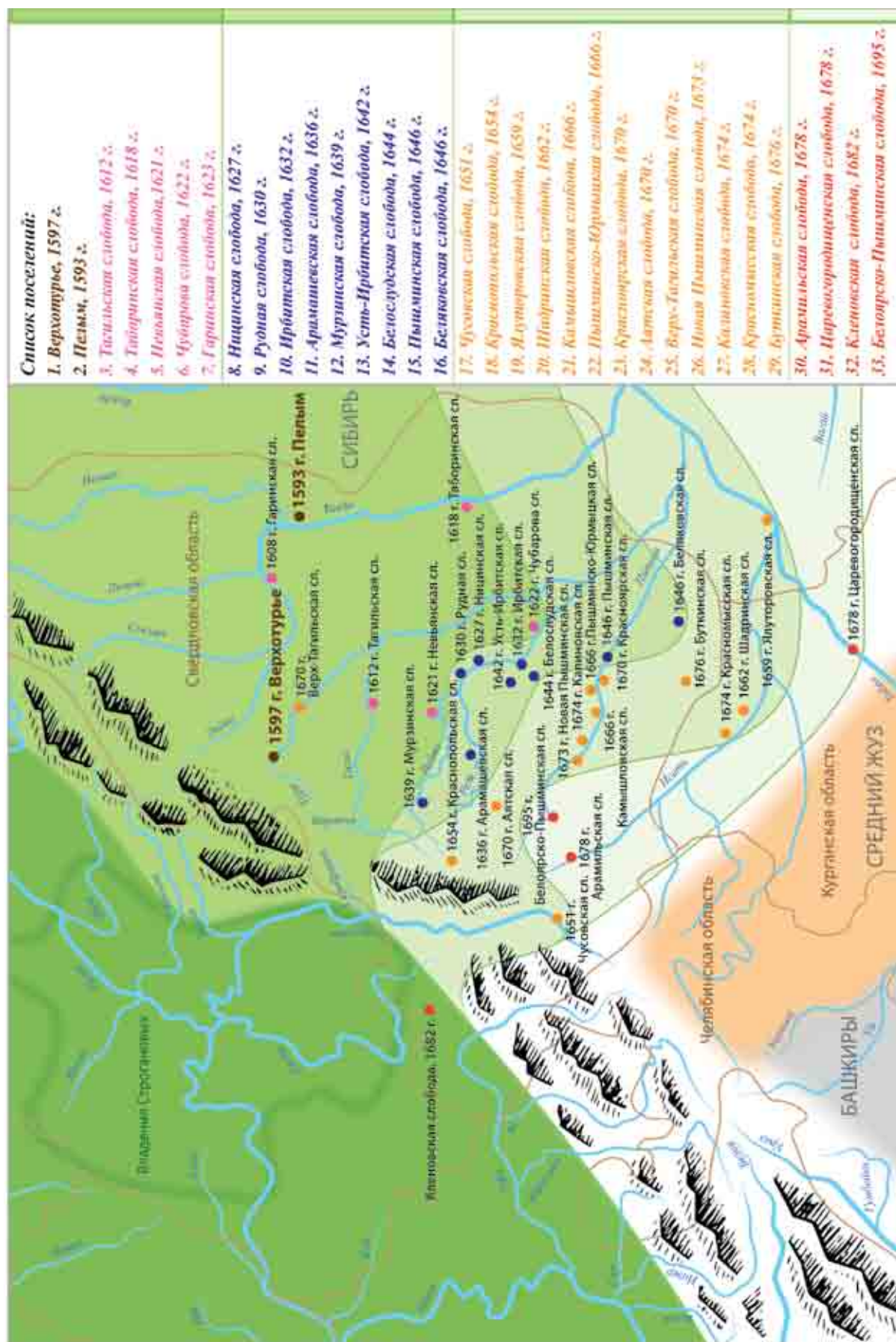
21. Старинная изба с одним косячатым и остальными волоковыми окнами из книги «Русский традиционный быт: Энциклопедия слов», 2003

Посадские люди — сословие средневековой Руси, жители городов, в обязанностях которых было платить денежные и натуральные подати, а также выполнять повинности

22. Церковь Преображения. Около 1702 г. Художник А. Тумбасов, из книги «Русское деревянное зодчество Урала». На примере этого рисунка можно представить как выглядели слободские церкви

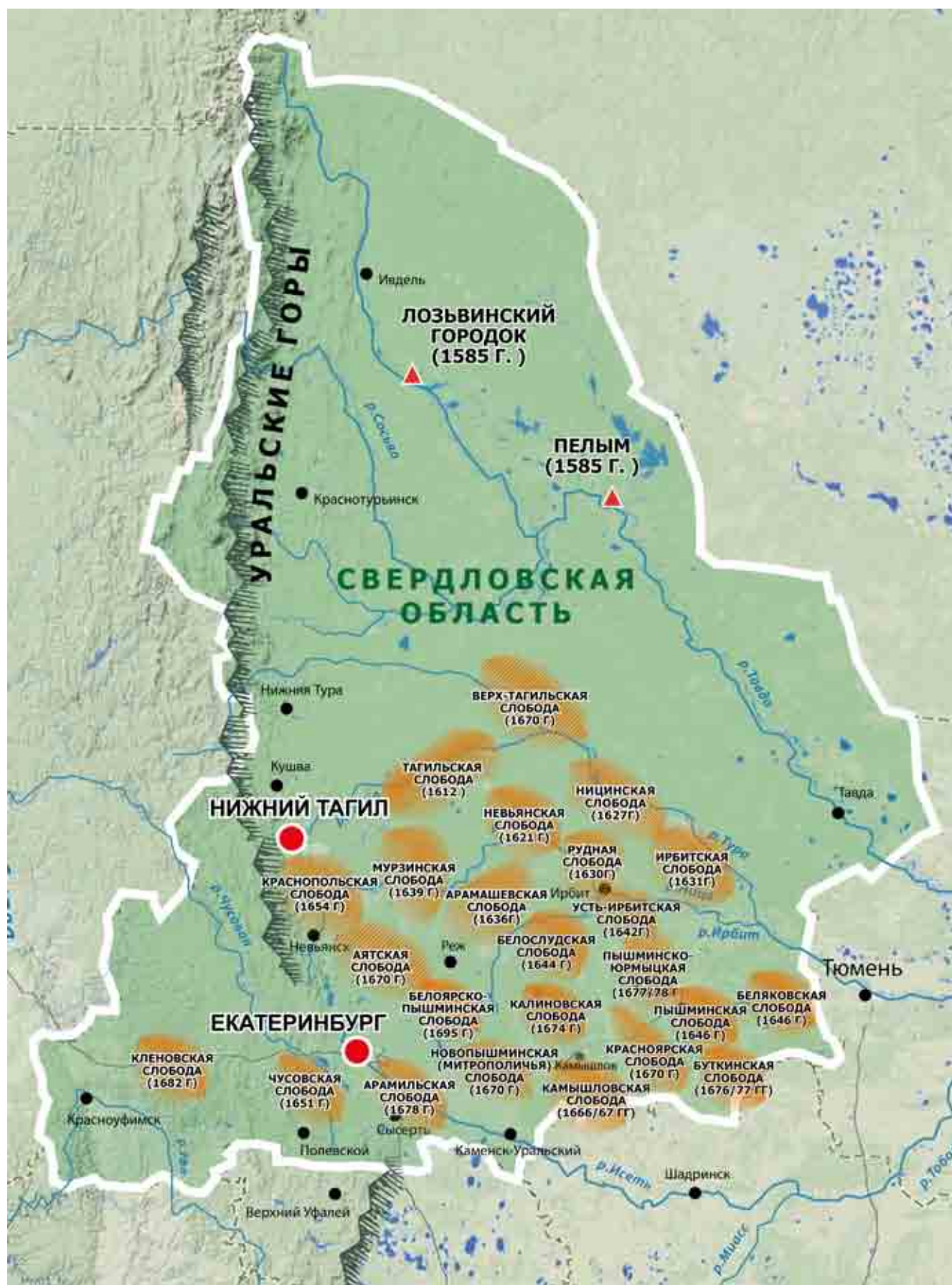
Заселение русскими Урала, 1581–1700 гг.

23 Карта «Заселение русскими Урала, 1581–1700 гг.»

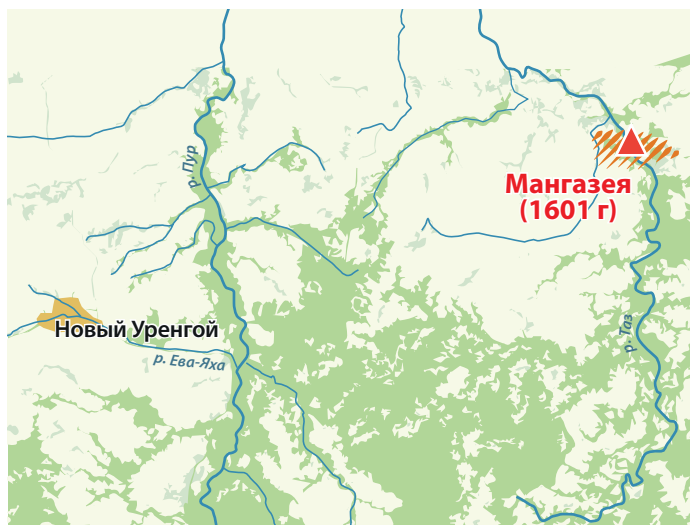
СПИСОК НЕКОТОРЫХ УРАЛЬСКИХ СЛОБОД И ПОСЕЛЕНИЙ

Ниже мы представляем список некоторых уральских поселений, образованных с конца XVI по конец XVIII века. Для каждого поселения указана дата основания. Большинство слобод сохранились до наших дней в качестве деревень или поселков, в ряде случаев — городов, в этом случае стоит обозначение «н.вр.». Если известна дата окончания существования слободы как административной единицы, эта дата указана. Если неизвестно, существует ли слобода как самостоятельное поселение до сих пор, либо когда она закончила свое существование — стоит знак вопроса. Для каждой слободы приведена карта с обозначением примерных (или точных) границ слободы, а также (если имеются подобные сведения) — обозначены изменения границ слободы с течением времени. Ряд слобод сопровождают иллюстрации фрагментов с карт из «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова, на которых была отмечена эта слобода. Название каждого отдельного поселения в списке сопровождается его описанием, включающим сведения, известные об этом селении.

1601 г. МАНГАЗЕЯ

Мангазея — первый русский заполярный город XVII века в Сибири. Располагалась на севере Западной Сибири, на реке Таз в месте впадения в неё р. Мангазейки.

Название города, предположительно, происходит или от имени самодийского князя Маказея (Монгкаси), или от старинного названия реки Таз.

Мангазея основана была по инициативе царской администрации — в качестве опорного пункта для продвижения русских вглубь Сибири и укрепленного центра сбора ясака.

В 1600 году по указу царя Бориса Годунова из Тобольска на реку Таз отправлен был отряд из 100 стрельцов и служилых казаков во главе с воеводой Мироном Шаховским и письменным головой Даниилом Хрипуновым. В пути немногочисленный отряд подвергся вооруженному нападению «воровской самоеды» — предположительно юраков или селькупов. Потеряв в бою около 30 человек, служилые люди сумели, однако, добраться до реки и заложить деревянный острог и церковь.

В следующем 1601 году из Тобольска, Surguta и Березова на помощь им отправлен был более крупный отряд в 200 человек служилых людей во главе с воеводами Василием Мосальским и Савлуком Пушкиным. Они помогли завершить возведение деревянного острога и основать посад. Строительство велось на правом, высоком берегу реки Таз, в 300 км от её устья.

В 1603 году в Мангазею послан был воеводой Федор Юрьевич Булгаков, основавший там гостинный двор и доставивший туда священника и церковную утварь.

В 1607 году начато было строительство городских крепостных укреплений — возведены Давыдовская, Ратиловская, Успенская, проезжая Спасская и Зубцовская башни. Четырёхстенный пятибашенный город сразу стал значительным экономическим центром. В 1608 году в Мангазею регулярно доставлялся уже ясак не только местными племенами — самоедами (ненцами) и остяко-самоедами (селькупами) — но и проживавшими значительно южнее енисейскими остяками (кетями) и тунгусами (эвенками).

В 1616 году архангелогородцы, следуя вдоль Мезенских и Пустозёрских берегов через Вайгачский пролив в Карское море, спустились по протекающей поперек полуострова Ямал реке Мутной до озера Зеленого, откуда вышли в Обскую губу, проложив таким образом морской путь в Мангазею из Архангельска.

Однако 1620 году — в начале правления Михаила Фёдоровича Романова — плавания по сибирским рекам в Мангазею под страхом смертной казни были запрещены. Есть несколько версий о причинах запрета. Контролировать морской путь не представлялось возможным, в то время как все наземные пути были перекрыты таможенными постами, и невозможно было провезти ни одну шкурку соболя, не заплатив пошлину.

Вторая причина — пользовались морским путём в основном поморы, подрывая «монополию» купечества на пушнину.

В 1940–1941 годах экспедиция на советском гидрографическом судне «Норд» обнаружила на островах Фаддея и в заливе Симса на восточном побережье полуострова Таймыр остатки зимовья русских землепроходцев и предметы начала XVII века. Дальнейшие исследования находок, в том числе человеческих останков, проведенные археологами во главе с А. П. Окладниковым, позволили заключить, что около 1618 года русские мореходы под предводительством Акакия Мурманца сумели обогнуть полуостров Таймыр, попав в море Лаптевых северным морским путем.

В 1956 году известный полярный исследователь и историк географических открытий М. И. Белов предложил руководителем безвестной экспедиции считать мангазейского жителя Ивана Толстоухова.

Третьей причиной называется опасение перед иностранной экспансией западноевропейских торговых компаний к богатым пушнинной районам Сибири. Хотя состоятельность последней версии ставится некоторыми историками под сомнение, совершенно очевидно, что указанными путями легко могли воспользоваться тогда англичане или голландцы, располагавшие, в отличие от России, морским флотом.

Раскопками установлено, что Мангазея состояла из кремля-детинца с внутренними постройками (воеводский двор, съезжая изба, соборная церковь, тюрьма) и посада, делившегося на торговую половину (гостиный двор, таможня, купеческие дома, 3 церкви и часовня) и ремесленную (80–100 жилых домов, литейные мастерские, кузницы и др.). Всего в городе было четыре улицы и свыше 200 жилых домов.

В городе, кроме казаков, стояла сотня стрельцов с пушками. Мангазея ведала всеми «тазовскими и нижнеенисейскими инородцами» — главным образом ненцами и селькупам — которые уплачивали наложенный на них ясак пушниной.

Местные жители вели меновую торговлю (выменивали меха, особенно соболя) с окружающим местным населением, сами промыслили соболя, занимались также рыболовством, скотоводством, судоходством, ремёслами (литейное, косторезное и другие).

О богатстве города ходили легенды, за Мангазеей прочно закрепилось прозвание «златокопящая». Только за период 1630–1637 годов — время для Мангазеи далеко не лучшее — отсюда было вывезено около полумиллиона шкурок соболей. Торговые связи города выходили далеко за пределы России: через поморские города он был связан с крупными компаниями Западной Европы. Массы крестьян различных категорий, представители крупнейших торговых домов — именитых «гостей» Усовых, Ревякиных, Федотовых, Гусельниковых, Босовых и других — впервые обьявились именно в Мангазее.

Во времена расцвета города (первая треть XVII века) здесь скапливалось до 2 тыс. купцов и промышленников.

После пожара 1619 года и ввиду невероятных трудностей по доставке в город провианта и прочих запасов, а также вследствие уменьшения поголовья пушных зверей в Тазовском крае и основания Туруханска и Енисейска, влияние Мангазеи стало уменьшаться. Второй большой пожар в 1642 году привёл к быстрой деградации города, который окончательно запустел в 1662 году.

В 1672 году вышел официальный указ царя Алексея Михайловича об упразднении города. Окончательно Мангазея была оставлена в 1677 году, а её гарнизон был переведён на Енисей — в Туруханское зимовье, на месте которого в 1672 году был заложен город Новая Мангазея (Старотуруханск) (с 1780-х годов назывался Туруханском).

1585 г. ОБСКИЙ ГОРОДОК

Поздней осенью 1585 г. отряд воеводы Ивана Алексея сына Мансурова, совместно с атаманом Грозой Ивановым и другими ермаковцами, добрался до Обь-Иртышского междуречья и основал здесь первый русский опорный пункт, получивший название Обского, или Мансуровского, городка.

Обстоятельства возникновения Обского городка хорошо известны из сибирских летописей. Самый ранний рассказ об этом содержится в «Повести летописной» Черкаса Александрова, дошедшей в составе Погодинского летописца. «И послаша с Москвы воеводу Ивана Мансурова, — говорится здесь, — а с ним семсот человек служилых людей розных городов, казаков и стрелцов». Увидев, что город Сибирь уже захвачен татарами, воевода «не преста ко берегу, и поплыша вниз по реке Иртышу, доплыша же до великой Оби. И бе бо тогда уже осень, и лед в реках смерзаетца. И видя то, яко наставше зима, и повеле на реке Оби на другой стране против иртышского устья постави городок, и зимова тут с войском». Далее Черкасом Александровым приводится известный эпизод о попытке окрестных остяков «зимним временем» взять городок приступом, закончившейся неудачей после того как метким выстрелом из пушки был вдребезги разбит принесенный ими под городок идол. «А Иван Мансуров, — завершается рассказ, — в том городке жил многое время и до весны».

Сам Черкас Александров в описанных событиях участия не принимал, поскольку возвращался

в это время с другими ермаковцами северным «чрезкаменным» путем домой. Узнать о них он мог либо в конце зимы 1586 г. от мансуровских посланцев в Москве перед своей отправкой в составе отряда В.И. Сукина и И.Н. Мясного за Урал для строительства Тюмени, либо уже в Тобольске, который он ставил в 1587 г. вместе с ратниками письменного головы Данилы Даниловича Чулкова. В последнем случае его информаторами также могли являться очевидцы, так как И.А. Мансуров, двинувшийся со своим отрядом летом 1586 г. обратно на Русь, оставил, судя по всему, в Обском городке небольшой гарнизон, снабженный необходимым вооружением и продовольствием. Очевидно, именно активные действия этих людей по объяснению остяков Нижнего Приобья заставили казымского князя Цын-гопа (Сенгепа) по примеру своего соседа Лугуя отправиться зимой 1586/87 г. в Москву и исхлопотать здесь себе аналогичную царскую грамоту.

Прямое указание на факт существования в Обском городке мансуровского гарнизона вплоть до 1587 г., то есть до появления Тобольска, содержится в Строгановской летописи, автор которой, судя по всему, опирался в данном случае на какие-то устные рассказы бывших ермаковцев. Согласно этому памятнику, покинувший Сибирь отряд атамана Матвея Мещеряка отправился домой вверх по Тоболу и на Туре встретил И.А. Мансурова, к которой и присоединился. Впоследствии, как это следует из контекста летописи, мещеряковцы прибыли из Обского городка в Тобольск и даже приняли участие в пленении князя Сейдяка

24. Отряд Ивана Мансурова в устье Иртыша. 1585 г. Строительство городка. Рис. С.У. Ремезова

(Сейид-Ахмата), последнего правителя Старой Сибири. Несмотря на ряд фактических и хронологических неточностей, этот рассказ заслуживает внимания.

Обской городок просуществовал почти 9 лет. Судя по всему, он был неплохо укреплен и вооружен. Весной или в начале лета 1586 г. отряд Мансурова покинул его, отправившись на Русь северным «собским» путем. Но обезлюдевшая крепость, как это ни парадоксально, не прекратила своего существования. Сжечь ее велено было только в 1594 г. Мансуровский городок некоторое время использовался «годовальщиками», которых присылали сюда «для удержания в повиновении обских остяков и сбора с них ясака».

Возникает вопрос: в каком же месте он располагался? На первый взгляд, ответ содержится в «Книге Большому Чертежу», где приводится перечень городков (преимущественно угорских), стоявших в XVI в. на Оби и ее притоках, в том числе и в интересующей нас местности: «Карымкан; а выше 60 верст Эмдырь; а выше 20 верст Калым; а выше 10 верст Обской Большой. А против того з другие стороны в Обь реку пала река Иртыш...». Под Карымканом здесь, несомненно, подразумевается Карымкар, или Каринг-ваш (Стерляжий городок), стоявший на правом берегу Оби и входивший в состав Кодского княжества. Его местоположение четко ло-

кализуется, в том числе материалами разведок екатеринбургских археологов.

Эмдырь, судя по всему, находился на левом берегу Оби, в районе Ендырской протоки, имеющей весьма значительную протяженность. Единственные «следы прежней старой остяцкой крепости» близ нее зафиксировал в 1740 г. в своих «Путевых описаниях» Г.Ф. Миллер. Располагались они на речке Ваш-яга (Городовая речка), впадающей в Байбалакову протоку недалеко от соединения последней с Ендырской протокой. Местонахождение этого городка пока не обнаружено.

Для определения местоположения Калыма и Большого Обского городка, упомянутых в «Книге Большому Чертежу», равно как и Обского (Мансуровского), необходимо вновь обратиться к «Путевым описаниям» Г.Ф. Миллера, которые он делал в процессе своего плавания вниз по Оби от Сургута до Березова. Вот что он пишет:

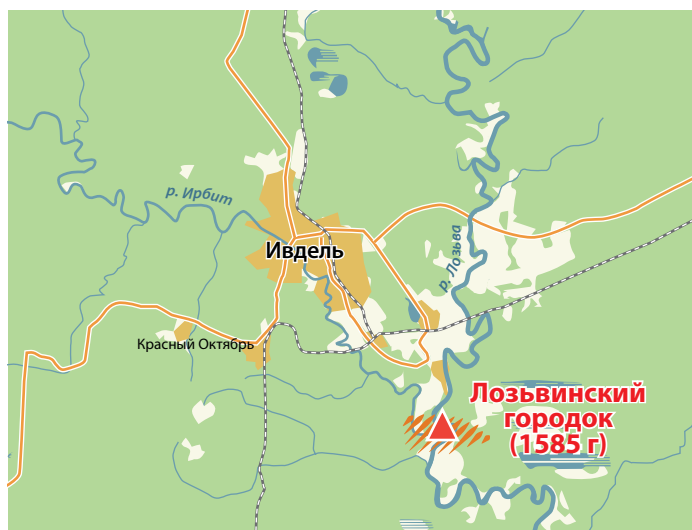
«Напротив устья реки Иртыша на правом берегу р. Оби возвышаются высокие горы, которые постоянно сопровождают Обь вниз по течению и здесь называются Белыми горами. От них здешняя остяцкая волость получила название Белогорской. Guland-wash, бывшее остяцкое укрепление на правом гористом берегу р. Оби, прямо напротив устья реки Иртыша, следы которого еще заметны. Название Guland означает восход солнца... Березовская протока... рукав Иртыша, впадает в 6 верстах от предыдущего большого устья в Обь и имеет такое название от того, что по нему осуществляется езда из Иртыша в Березов. Старое Городище, на правом берегу, напротив устья предыдущей протоки, является местом, где стоял первый русский острог на реке Оби, вместо которого позднее был построен город Сургут».

Если исходить из того, что названный Миллером Гуланг-ваш — это Калым (в русских источниках начала XVII в. он также именуется Муалымом или Муалымским городком), то, следовательно, Обской Большой и Обской (Мансуровский) городки — это вовсе не одно и то же, а давняя историографическая традиция их отождествления основана лишь на созвучии обоих названий. Опираясь на указание «Книги Большому Чертежу» о 10 верстах, разделяющих Калым и, последний следует искать выше по Оби. Большой Обской городок мы действительно находим в устье Назыма, правого притока Оби. Вот как описывает этот городок Миллер: «Там где Назым впадает в сор, на его западном берегу на горе имеется старая остяцкая крепость, которую остяки называют Jank-wash. Слово Jank означает клин, и крепость получила название от того, что гора, на которой она находится, заострена наподобие клина».

Таким образом, исходя из указаний Г.Ф. Миллера, которые он позднее повторил в своей «Истории Сибири», Обской (Мансуровский) городок, который остяки называли также Руш-ваш (Русский городок), располагался на правом берегу Оби прямо напротив устья Березовой протоки. В двух с небольшим километрах от этого места ниже по реке начинается Белогорский остров, а в шести с небольшим километрах выше находятся остатки хантыйской крепости Гуланг-ваш (Восточный городок, он же Калым или Муалым). Примерно в 12 километрах от названной крепости вверх по Оби, на горе в устье Назыма, следует искать еще одно древнее хантыйское укрепление — Янк-ваш (Клин-городок).

1585 г. ЛОЗЬВИНСКИЙ ГОРОДОК

хovieв Вишеры, на мысу при впадении реки Ивдель в Лозьву, он приступил к строительству Лозьвинского городка, ставшего отныне не только центром нового обширного уезда, но и главной перевалочной базой на пути в Сибирь: указом царя Федора Ивановича велено было «возити на Лозьву городок хлебные запасы от поморских городов на жалование сибирским ратным людям». Потерявший свое значение Верх-Тагильский городок был «покинут впусе», а его гарнизон перевели на Лозьву. Через год тагильские стрельцы были заменены устюжскими, прибывшими сюда вместе с князем Иваном Михайловым сыном Вадбольским, отправленным из Вологды. А вскоре здесь появился новый воевода — Иван Григорьев сын Нагой. В результате всех этих перемен дорога через Тагильский волок постепенно прекратила свое существование.

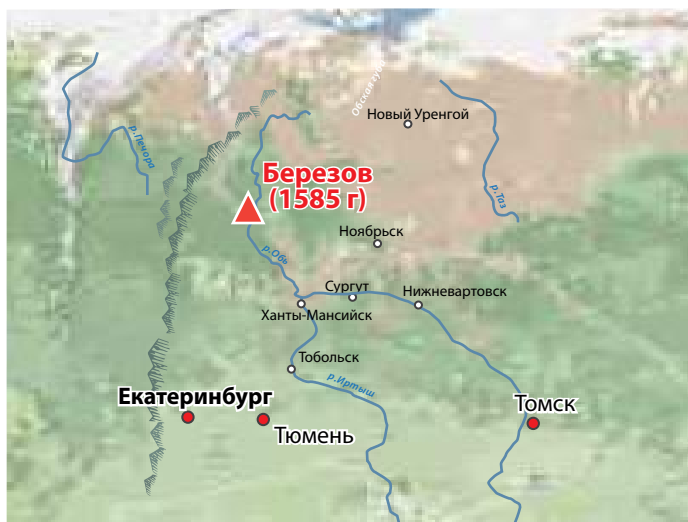
Лозьвинский городок был обнесен двойными рублеными стенами с земляной засыпкой (так называемыми «городнями»), имел шестигранные башни по углам, а также был укреплен острогом. В самом городе, помимо воеводского двора и других построек, имелась Троицкая церковь. Близ города была, кроме того, построена первая в Сибири судоверфь, заведена государева кузница, в казенных житницах и амбарах хранились хлеб, соль, боеприпасы и кладь проезжих торговцев. В зимнее время, перед началом навигации, здесь скапливалось до 900 тонн различных грузов, более двух с половиной тысяч подвод и до трех тысяч человек временного населения. Сам же гарнизон городка состоял примерно из полусотни стрельцов и казаков.

Проложенная Ермаковыми казаками дорога за Камень через Тагильский волок просуществовала до конца XVI столетия. По ней шли в Сибирь отряды русских служилых людей, возводивших один за другим зауральские города и остроги. Но «сначала первой городок поставлен был вверх реки Тагила и назван был Верхтагильской город», о чем сообщает ранняя редакция Сибирского летописного свода, так называемая «Книга записная». Здесь же содержится один любопытный эпизод из начальной истории Верх-Тагильского городка: «А воевода в нем был с Москвы Рюма Языков. И был у тово воеводы с собою привезен казанской кот большей. И все де ево подле себя держал Рюма. И тот кот спящему ему горло пряде и до смерти заяде в том городке».

Новым начальником гарнизона «в Тагильском остроге» стал «голова муромец Григорей Елизаров». Через два года воеводами «на Тагиле» были ржевские дворяне Василий Андреев сын Квашнин, переведенный вскоре в Новгород, и Иван Иванов сын Ордин-Нащокин.

Между тем около 1588 г. служилым людям из Тобольска удалось привести к покорности Пелым и Большую Конду, а их князья Аблегири и Агай, находившиеся до этого в вассальной зависимости от хана Кучума, обязались с 1589 г. платить ясак русским. Путь из Чердыни через Вишеру на Лозьву и Тавду стал теперь свободным. В связи с этим тагильскому воеводе Ивану Ордину-Нащокину приказано было перебраться на другое место. За горным перевалом, начинавшимся с вер-

1585 г. БЕРЕЗОВ

Разгром Кучумова «царства» дружиной Ермака и первые шаги в освоении Сибири русскими служилыми людьми коренным образом изменили общественно-политическую ситуацию в Обь-Иртышском междуречье. Появление здесь Обского (Мансуровского) городка, а вслед за ним Тюмени и Тобольска позволило довольно быстро обложить постоянной государственной податью (ясаком) местное татарское и остяцко-вогульское население. Сложнее обстояло дело в нижнем течении Оби, ибо «в том месте были многие остяки и самоедь, а нашего ясаку с себя не платили. И ис Тобольска де воеводы посылали к тем остяком и к самоеди тобольских служилых людей для нашего ясаку. И те де остяки и самоедь тобольских служилых людей побивали, а ясаку де нам не платили. А которые де торговые люди езживали с Руси и ис Тобольска в Монгазею со всякими товары, а из Монгазеи к Руси и в Тоболеск, и те де остяки и самоедь торговых людей побивали же». Сложившееся положение требовало от московского правительства дополнительных мер.

Вскоре ситуация еще больше обострилась: в 1590 г. сибирский хан Кучум начал активные военные действия против русских неожиданно появился под Тобольском. Не решившись штурмовать хорошо укрепленный город, он разорил его окрестности и ушел в степи. Одновременно вогульские князья Аблегиризм Пелымский и Агай Кондинский, находившиеся в сговоре со своим бывшим сюзереном, «изменили» московскому царю и подняли антирусское восстание. И хотя

в 1591 г. кучумляне были наголову разбиты тобольским воеводой Владимиром Кольцовым-Масальским у озера Чиликуль на Ишиме, сопротивление пелымско-кондинских вогулов продолжалось. Проезд по Лозьве и Тавде вновь стал небезопасным.

Летом 1592 г. началась широкомасштабная подготовка к ликвидации вогульского мятежа. Предполагалось, что с наступлением осени из Лозьвинского городка на Тавду выступит с судовой ратью находившийся в Чердыни воевода Никифор Васильевич Траханиотов, а «к перевозимью в войну на Пелымского» двинется войско, которое прибудет из Москвы. Однако из-за задержек план кампании к январю 1593 г. изменился. Теперь, по замыслу московских стратегов, служилые люди Траханиотова должны были объединиться в Чердыни с посланной из Москвы ратью князя Петра Ивановича Горчакова и, поднявшись по Вишере, пройти через Уральские горы к городку на Лозьве, а летом, спустившись на судах в Тавду, построить в Пелымском княжестве опорный пункт — присмотрев «под город место, где пригоже», поставить его или «в Тоборах», или «старой город занять», то есть обосноваться на развалинах прежней столицы княжества, уничтоженной русскими еще в конце XV в. и расположенной при впадении Пелыма в Тавду (новая столица местных вогулов находилась выше по течению Пелыма). После этого Горчаков со своими людьми должен был «приманить Пелымского князя Аблегиризма, да сына его большого Тагая, да племян-

ников его, да внучат Пелымского; тех всех, приманив, извести, и лучших его людей пятишти, которые самые пушйё, от которых смута была, про тех, сыскав, переимав их, извести». В том случае, говорилось далее в царском наказе, данном Горчакову, если Аблегириим, разгадав коварный замысел, «к воеводам не появитца, а почнет бегать, и воеводам... став против Пелымки на старом городище, послать ратных людей в малых судах... искать Аблегириима Пелымского, и жоны их, и дети их и люди воевать и побивать, а городок его жечи...».

Как показывал опыт московских походов еще второй половины XV в., разгромить Пелымское княжество лобовым ударом, без ликвидации его тылов на Конде, было практически невозможно. Помог случай. Траханиотов, не дождавшись подхода московских войск, решил, как и было задумано изначально, закрепиться в устье Северной Сосьвы (это, кстати, тоже входило в московский план, но на последней его стадии). Уже оттуда можно было совершить вторжение в Кондинское княжество, используя помощь и боевой опыт служилых остяков нижеобского Кодского княжества — давних врагов кондинских вогулов. Одновременный удар Горчакова из Лозьвинского городка по Пелыму должен был завершить дело.

Следуя этому плану, «воеводы Микифор Траханиотов, князь Михаило Волконской да голова Иван Змеев, а с ними... ратных людей триста человек», взяв с собой для плотницких работ «даточных людей с Вятки, с Перми, с Выми, от Соли Вычеготцкой полтораста человек», двинулись в начале 1593 г. из Чердыни «через Лозву зимним путем». Не решившись идти по Тавде, где русских наверняка ждали засады пелымцев, Траханиотов свернул с Лозьвы направо и вышел на верховья Туры, то есть как раз в те места, где через пять лет будет построен русский город Верхотурье. Далее его путь лежал по льду вниз по Туре и Тоболу до Иртыша и Оби. Войдя в устье Северной Сосьвы и преодолев около двух десятков верст, он остановился. Здесь, по соседству с остячко-вогульским городком Сугмут-ваш, был в течение весны и лета построен русский город Березов, представлявший собой квадратную в плане крепость с рублеными стенами и башнями по углам. Вдоль Вогульской протоки к городу был пристроен вытянутый в виде неправильного прямоугольника пятибашенный острог. Стратегически местоположение Березова являлось исключительно выгодным: отсюда можно было осуществлять контроль как за старой Зырянской дорогой, ведущей на Русь, так и за передвижениями по всему нижнему течению Оби от Иртыша до Обдори.

Помимо оборонительных и жилых сооружений, в городе с самого начала была построена Троицкая церковь с приделом во имя св. Николая Мирликийского. Позднее, в 1605 г., на посаде появилась еще одна церковь — Воскресенская.

К осени основные строительные работы были закончены, только «город покрыть не успели. И которые де ратные люди присланы были на житье, те учали селитца дворами». Что же касается прибывших «даточных людей», на плечи которых и легла вся тяжесть городского и острожного строительства, то они, перезимовав, весной 1594 г. были распущены по домам. Позднее старожилы вспоминали, что «служилые де люди Березова города не ставили и лесу на городское дело не ронили, а были в те поры на отводных караулах от остяков и в розсылке на государских службах». Помогали им в этом кодский князь Игичей Алачев и его двоюродный брат Онжа Юрьев, прибывшие со своими воинами в строящийся Березов.

Следует отметить, что в свое время Г.Ф. Миллер в отношении обстоятельств возникновения русского города Березова высказал особые соображения. Сомневаясь в справедливости местных преданий о том, «что во время государствования царя Иоанна Васильевича жили уже в Березове российские люди, которые морем туда пришли» (аргументом не в пользу этой версии являлась, по мысли историка, известная царская жалованная грамота 1586 г., в которой «Березов городок» назван в числе владений куноватско-ляпинского князя Лугуя), он тем не менее допускал, «что вскоре по том, и еще прежде заложения города Березова, с Выма реки начали там строить небольшой русской острог с определением малаго числа гарнизону». Факт его существования подтверждался, по мнению Миллера, рассказом березовских аборигенов о том, что некогда по старой Зырянской дороге, издревле соединявшей Приуралье с низовьями Северной Сосьвы, «привезена была в Березов на санях пушка». Произошло это, как считал Миллер, до 1593 г., то есть до основания города воеводой Н.В. Траханиотовым, поскольку все последующее снабжение русского населения Нижнего Приобья осуществлялось через Тобольск.

Гипотезу Миллера о существовании русского острога на месте будущего Березова развил двести лет спустя А.И. Андреев. В настоящее время она также находит поддержку в работах некоторых ученых. Действительно, существование зырянско-русского торгово-промыслового поселения в этих местах до 1593 г. вполне допустимо (во всяком случае, московские дьяки были хорошо информированы о «Березовом острове» в низовьях Северной Сосьвы, где Траханиотову надлежало поставить город), но маловероятно существование здесь в то время «государева» острога с гарнизоном и артиллерией.

1585 г. ПЕЛЫМ

Неподалеку от старого вогульского городища при впадении Пелыма в Тавду был заложен новый русский город. По замыслу воевод, он должен был представлять собой обычный рубленый четырехугольник с башнями по углам: двумя проезжими, расположенными над рекой, — Рождественской и Никольской, и двумя глухими — Пелымской и Тюменской. Однако сразу это сделать не удалось. Как жаловались пелымцы даже спустя два года, «на Пелыми деи города нарубать и покрыть некому, плотников нет, а служилых людей мало ж». Поэтому, «чтоб в городе сидети было безстрашно», около недостроенной крепости поставили острог из «березового жердя» с семью наугольными и воротными башнями. Около острога выкопали еще и ров.

С самого начала в Пелыме была воздвигнута церковь Рождества Богородицы с приделом во имя св. Николая Мирликийского. «Образа и книги и все церковное строение» для храма князь Петр Горчаков привез с собой из Москвы, «а попа в тот новый город» ему велено было «взять из Перми» (этот поп был сослан сюда из Углича), «а дьякона, едучи в Сибирь, взять в Ростове, которого владыка велел выбрать».

Первоначально русское население Пелыма, помимо служилых людей — стрельцов и казаков, прибывших с Горчаковым и Ушаковым, — составляли каргопольцы, сосланные сюда за бунт, а также пермичи и вятчане (их усилиями в Табаринской волости была заведена пашня, ибо, в отличие от Березова, где из-за суровых погод-

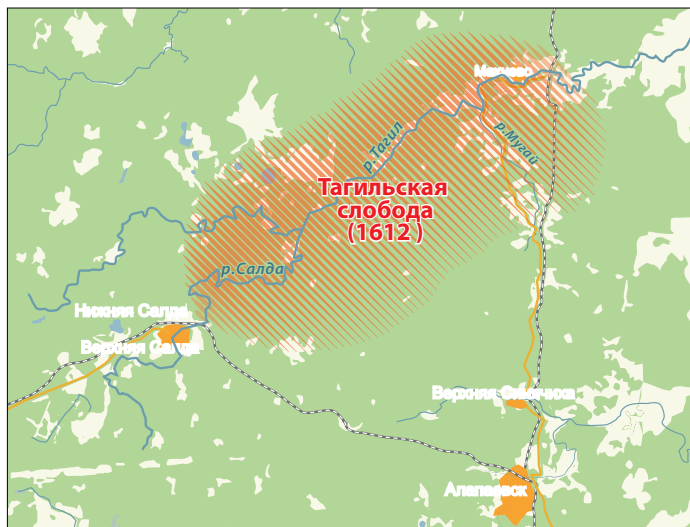
ных условий заниматься земледелием считалось бессмысленным, в Пелыме с самого начала планировалась обработка государственной пашни). Почти сразу же сюда сослали и 60 семей угличан (более 200 человек), замешанных в майском восстании 1591 г., вспыхнувшим в связи с загадочной смертью царевича Дмитрия, и группу калужан, распространявших слухи, будто полчища крымского хана Казы-Гирея навел на Москву Борис Годунов.

Как только строительство обоих опорных пунктов, Березова и Пелыма, было в основном закончено, начался завершающий этап ликвидации вогульского мятежа. С наступлением зимы 1593 г. посланные из Березова русские казаки и стрельцы под командованием письменного головы Ивана Змеева, поднявшись вместе со «служилыми» остояками Игичея Алачева по Оби, прошли, громя все на своем пути, от устья Конды до столицы Кондинского княжества городка Карта-уша. Участники похода нанесли сокрушительное поражение местным вогулам: многих «людей... побили, и иных в полон поймали», «юрты их разорили, и животы и статки все поймали...» Сам кондинский князь Агай вместе с братом Косякмой и старшим сыном Азыпкой попал в плен.

Одновременно начал активные военные действия против пелымских вогулов и воевода Петр Горчаков. В конце концов князь Аблегириг, лишившийся своих тылов на Конде, вынужден был сдаться на милость победителей, очевидно, не зная, что ему уже давно подписан русскими властями смертный приговор. В плену оказались также его младший сын Таутей и внук Учот, сын Тагая.

1612 г. ТАГИЛЬСКАЯ СЛОБОДА

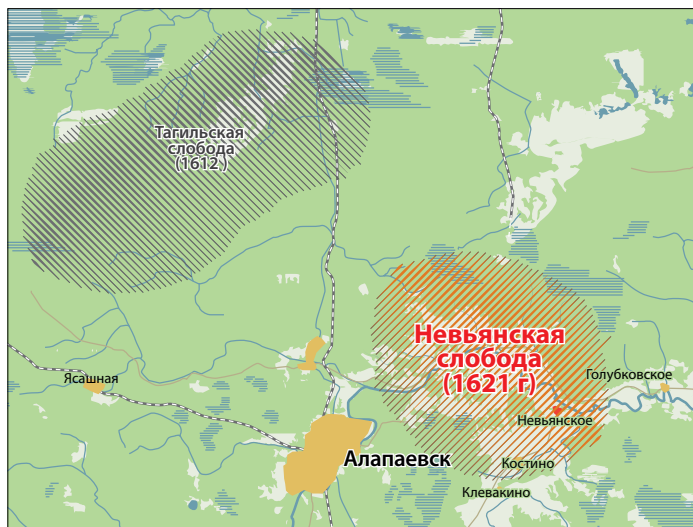
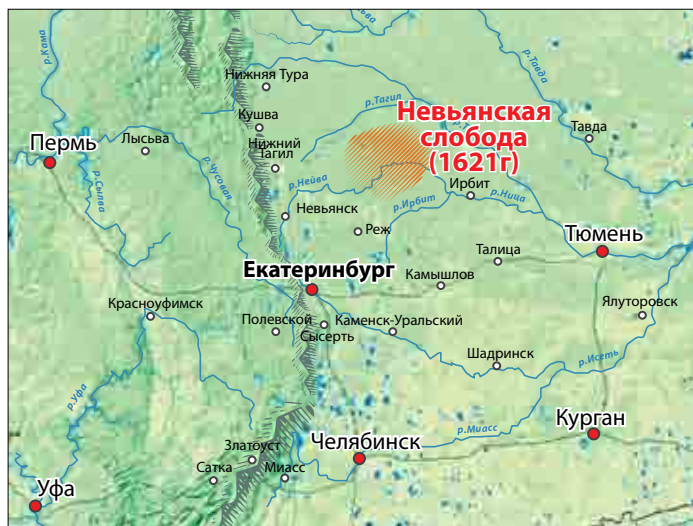

Официальное санкционирование Тагильской слободы было дано грамотой от 31 декабря 1612 г.

Обстоятельства появления в уральской топонимике понятия «Тагильская слобода» не прояснены до сих пор. В литературе сведения о возникновении Тагильской слободы противоречивы: обобщающие академические издания обходят этот вопрос молчанием либо относят ее появление ко времени после переписи населения Верхотурского уезда М. Тюхина 1624 г., в публикациях разных лет можно встретить различные даты основания Тагильской слободы.

Объяснение подобных разночтений следует искать в истории Тагильской слободы, складывавшейся в качестве административной единицы не так, как абсолютное большинство уральских слобод. Обычно будущий слободчик получал грамоту из верхотурской или тобольской воеводской канцелярии на заведение новой слободы в местах необжитых, неосвоенных русским населением, на нераспаханных землях. Классическая слобода становилась центром округа, именовавшейся «чертежом» данной слободы, постепенно обрастая деревнями. Таким образом, слобода как административная единица получала именование по названию слободы — населенного пункта. История Тагильской слободы в эту схему не вписывается. Официальная грамота о ее санкционировании была дана высочайшей российской властью 31 декабря 1612 года. Текст этой грамоты дал верхотурцам законное основание селиться по рекам Тагилу и Мугаю и таким образом, по-видимому, и положил начало Тагильской слободе как одной из важнейших административных единиц Верхотурского уезда XVII в.

1621 г. НЕВЬЯНСКАЯ СЛОБОДА

Невьянская слобода была основана в 1621 г. Основателем ее был Федор Иванович Тараканов, проводивший в 1621 г. перепись Верхотурского уезда.

В ходе переписи и был осуществлен прибор «на новые места меж Верхотурья и Туринского острогу в стороне на поле от Верхотурья сто тридцать верст на Невью реку и на Режу реку».

Территориально Невьянская слобода в 1624 году занимала земли по Нейве и Режу вверх от их слияния. По Нейве — до Богоявленского монастыря, по Режу — до впадения речки Ошкарки. Но переселенцам эти границы были тесны и они почти сразу начали их расширять. 15 мая 1623 года невьянским пашенным крестьянам Обросиму Голубчикову, Григорию Новоселову и Устину Зогзину ясачный человек Туринского уезда Никита Телтяков продал «на Нице водчину свою на нис Нице на левой стороне с верх конца с Кедровского болота вниз по реке по Боровой большой бор». В результате этой сделки границы угодий невьянских крестьян (фактически — Невьянской слободы) отодвинулись в восточном направлении до нынешней границы Алапаевского и Ирбитского районов.

Как административно-хозяйственная единица Невьянская слобода окончательно оформилась к 1625 г. Тогда же была предпринята попытка создать еще одну слободу на Нейве. Новая слобода заняла земли вверх по Нейве от Невьянского монастыря до речки Алапаихи, но как самостоятельная административная единица она не сложилась, после чего произошло слияние Новой и Невьянской слобод, в результате чего границы Невьянской слободы на западе достигли места, где в дальнейшем был построен Алапаевский завод. Монастырские владения в результате слияния оказались внутри территории Невьянской слободы.

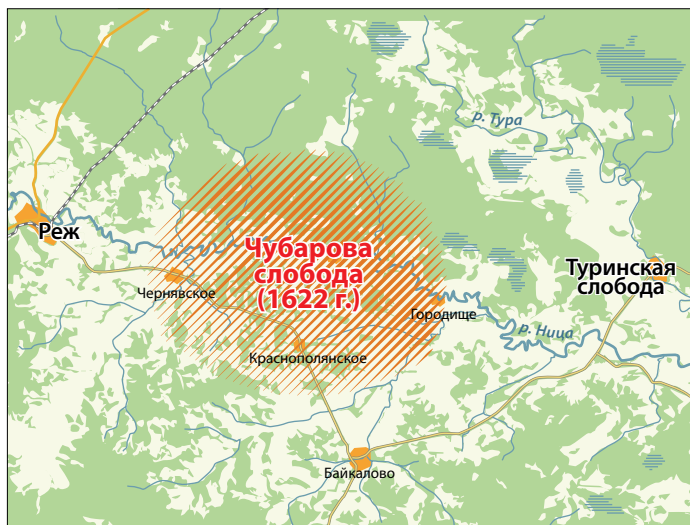

1622 г. ЧУБАРОВА СЛОБОДА

Чубарова слобода была основана туринскими властями в 1622/1623 гг.

Слобода располагалась на правом берегу реки Ницы, впадающей в реку Туру, в 68 верстах (72,48 километрах) от ее устья, 12 верстах (12,79 километрах) от Верх-Ницинской слободы, 54 верстах (57,56 километрах) от Краснослободского острога. Слобода была названа Чубаровой потому, что на ее месте в древние времена располагалась татарская крепость, называемая татарами Цубартура, и еще до построения слободы это место называли Чубаровым городищем.

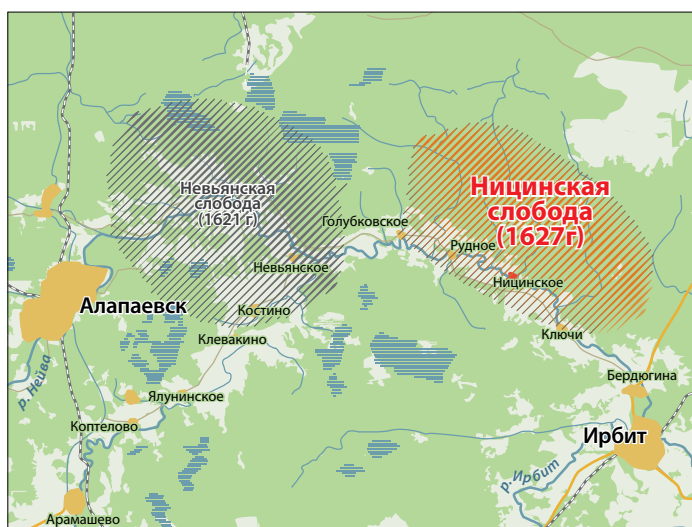

1627 г. НИЦИНСКАЯ СЛОБОДА

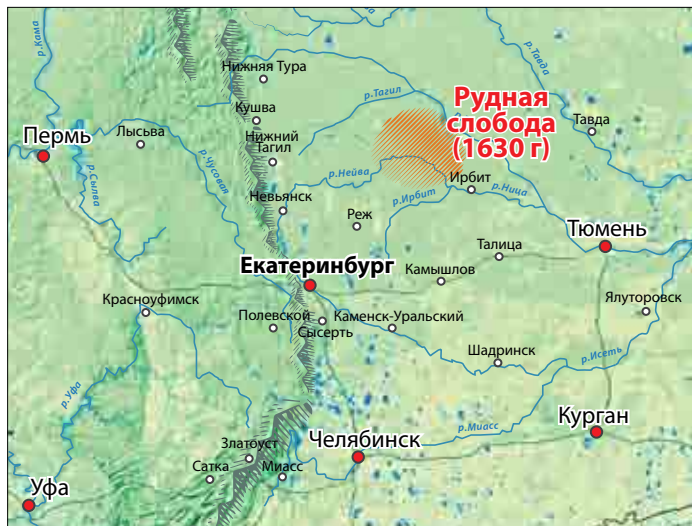
В 1627 г. верхотурский воевода князь С.Н. Гагарин прибрал первых крестьян «на реке Нице в новой слободе на Красном яру», положив начало Ницинской Ощепкове слободе, занимавшей северо-западную часть нынешнего Ирбитского района.

До этого у самого устья реки Режа на Нице стояло несколько дворов известного «проведывателя» новой дороги из Соликамска к Верхотурью — Артемия Бабинова. По имени строителя Ощепкова, новая слобода и называется в документах «Ощепковой-Ницинской». Первыми ее жителями были 12 ссыльных, переведенных сюда из Тобольска и Тюмени.

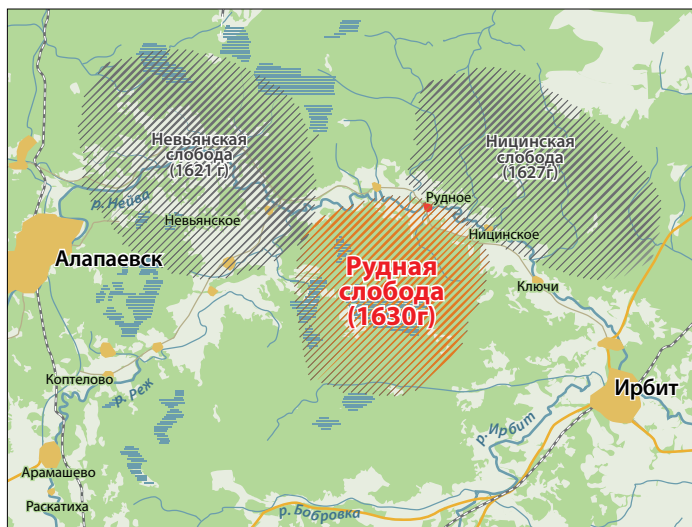

1630 г. РУДНАЯ СЛОБОДА

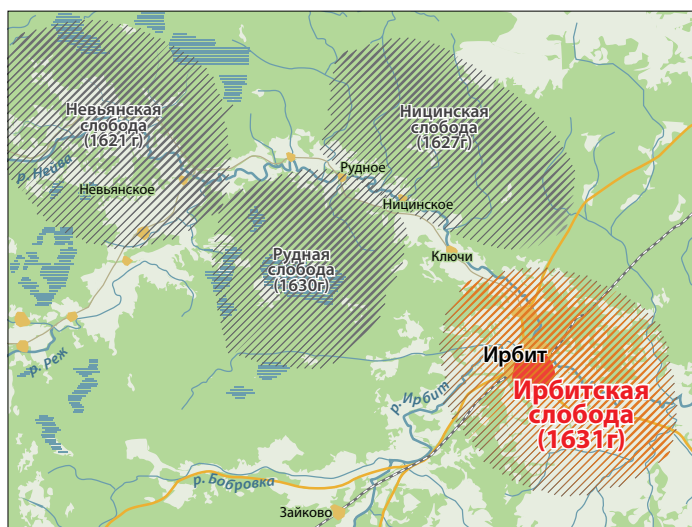
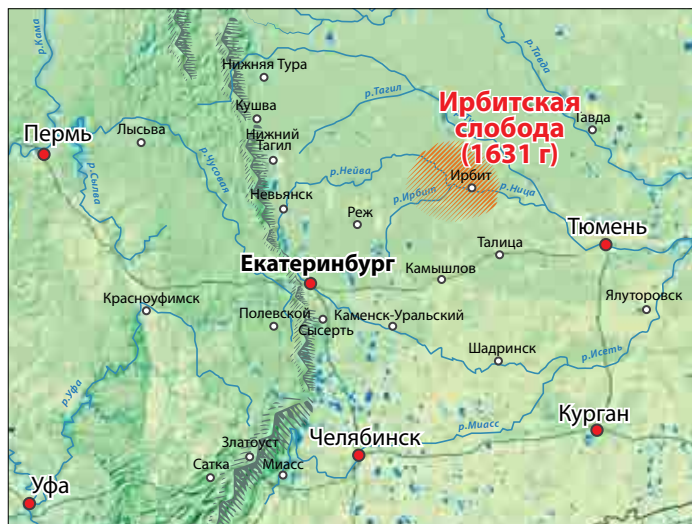

В 1630 г. левом берегу реки Ницы, между двух устьев речек Боровой и Татарки, и выше Ницинской–Ощепковой слободы, была основана Рудная слобода.

В 1628 г. на месте Рудной слободы был открыт железный рудник, где был устроен первый на всем Урале казенный Ницинский завод. Для работ на этом железоделательном заводе правительство и поселило в Рудной слободе 16 семейств новоприборных крестьян, которые обязаны были работой на заводе с 1 сентября по 9 мая, с условием выделки за это время 400 пудов железа и с освобождением за то от всяких податей и повинностей, с правом пользования землей без уплаты «пятинного снопа» и даже с жалованием по 5 рублей в год. Несмотря на все эти льготы, заводская работа казалась крестьянам столь тяжелой, что они часто покидали слободу и разбегались.

1631 г. ИРБИТСКАЯ СЛОБОДА

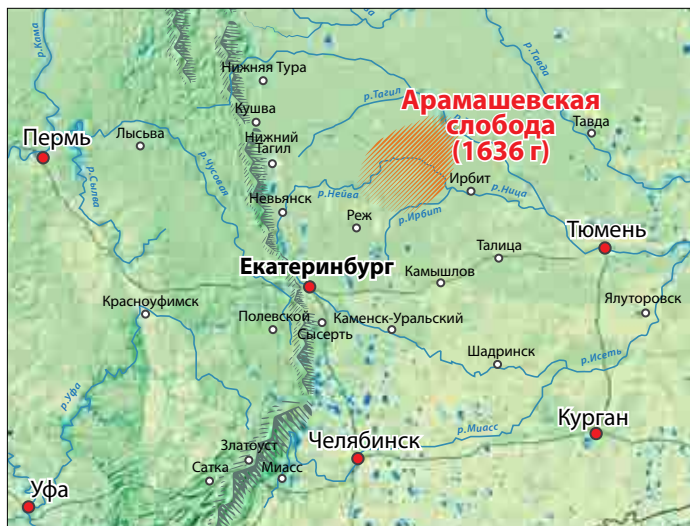
В литературе можно встретить несколько различных дат основания Ирбитской слободы. Прямые указания документов дают 7140 год, то есть время с 1 сентября 1631 г. по 31 августа 1632 г. Е. В. Вершинин относит время основания слободы к 1632 г. исходя из того, что первые крестьяне были прибраны «при подьячем при Втором Шестакове», а Шестаков прибыл в Верхотурье в феврале 1632 г.

Непосредственно привлечением крестьян в слободу и организацией их поселения занимался слободчик Иван Шипицын. Подьячий только вел делопроизводство. С сентября 1631 по февраль 1632 года в Верхотурье подьячего не было. Вряд ли слободчик и все остальные в Верхотурье остановили текущие дела и ждали нового подьячего. Поэтому, возможно, что Ирбитская слобода была основана еще в конце 1631 г., а прибывший в начале 1632 г. Второй Шестаков только официально оформил «прибор» крестьян. Это соображение заставляет документально обоснованным временем основания Ирбитской слободы считать сентябрь 1631 – август 1632 гг., а более точная дата еще требует уточнения.

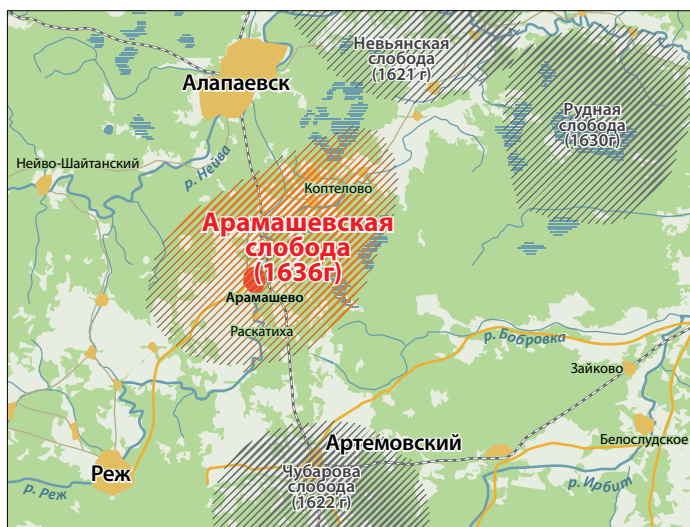
О первых годах деятельности Ивана Шипицына на Ирбите прямых известий нет. Но, очевидно, что он занимался тем же, чем и любой другой основатель нового поселения — вербовал поселенцев, наделял их землей и угодьями, обеспечивал ссудами, утрясал возникающие проблемы с властями, поддерживал отношения с пограничными слободами, в том числе и Тобольского уезда. Последние годы Иван Шипицын исполнял обязанности слободчика уже утратив привилегированный статус. В крестьянской книге 1640 года он идет в общем списке.

1636 г. АРАМАШЕВСКАЯ СЛОБОДА

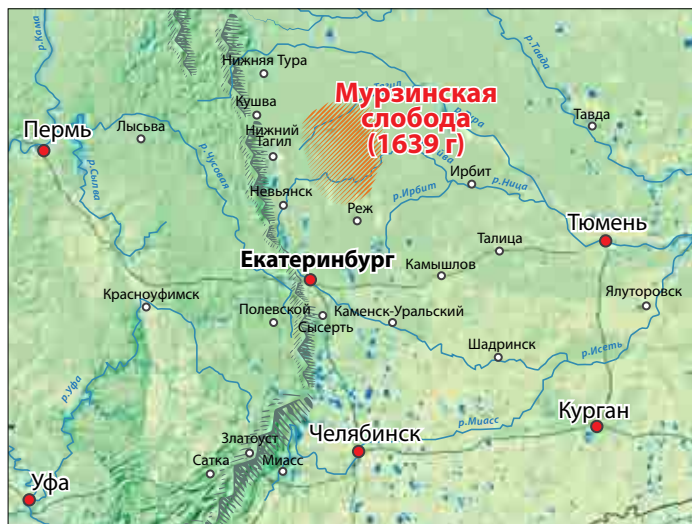
Арамашевская слобода была основана в 1636/37 году. Она располагалась от Ошкарки до нынешнего города Режа, северная ее половина входит сейчас в Алапаевский район, южная — в Артемовский и Режевской.

Историком Г.Ф. Миллером была выдвинута ошибочная версия о ее основании в 1630 г. Основанием ее служило упоминание о слободе «на реке Реже». Но по Режу в это время стояли деревни Невьянской слободы, центр которой находился вблизи слияния Нейвы и Режа. Поэтому, под «слободой на Реже» надо понимать именно Невьянскую. К тому же документы сохранили прямое известие о времени создания Арамашевской слободы. В крестьянской книге Верхотурского уезда 1636/37 года сказано: «Да в нынешнем же во 145-м году при воиводе ж при Иване Еропкине да при подъячем при Иване Селетцыне в Верхотурском ж уезде на Невье заведена на речке на Акшарке слобода вновь. Крестьян в ту слободу призвано на льготу. Льготы им дано до 149-го году. А со 149-го году государевы пашни пахать». Речка Акшарка (сейчас — Ошкарка) была границей между Невьянской и Арамашевской слободами. Поэтому последняя и называлась некоторыми ранними документами слободой «на Акшарке», то есть — начинающейся от речки Акшарки. Следовательно, самой ранней ранней возможной датой возникновения любой арамашевской деревни является 1637 год.

Раньше 1662 года названий деревень в списках Арамашевской слободы не встретилось, так как податной единицей был крестьянский двор. А отдельная деревня как таковая делопроизводителей не интересовала, особенно на раннем этапе освоения, когда число крестьянских дворов в слободе ограничивалось несколькими десятками.

1639 г. МУРЗИНСКАЯ СЛОБОДА

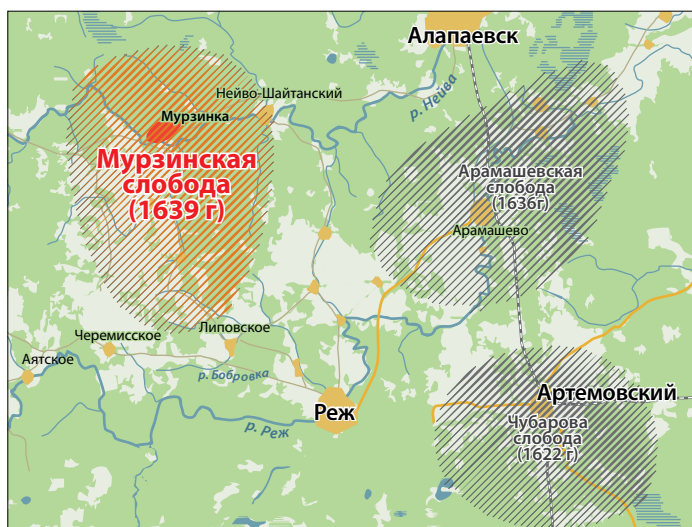

Мурзинская слобода была основана в 1639 г. на реке Нейве.

Среди ее первопоселенцев были выходцы из Невьянской слободы. Основатель слободы — Андрей Буженинов — докладывал в Тобольск: «прибрал де он в Мурзинскую слободу, а на речку Алыпайку в оброчные крестьяне охочих из старых из невянских ис пашенных крестьян, от отцов детей, и от братьи братью, и от дядь племянников, 18 человек, изо льготы на 6 лет».

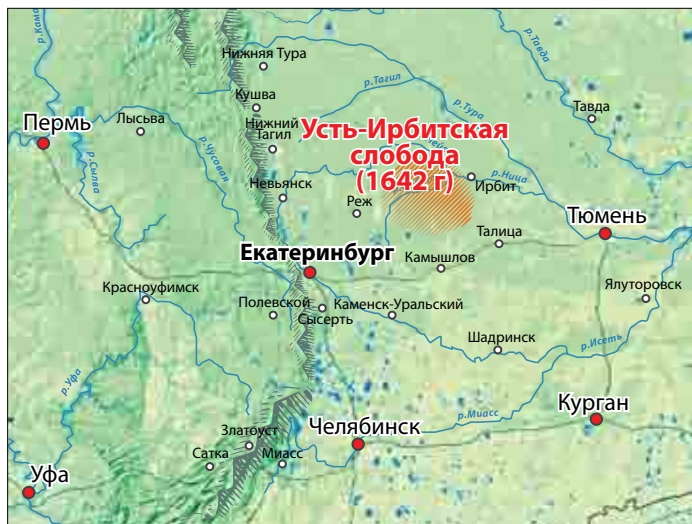
Мурзинская слобода строилась на территории Верхотурского уезда верхотурским сыном боярским усилиями верхотурских же крестьян, но по указу тобольского воеводы (князя Петра Пронского) и входила в дальнейшем в Тобольский уезд. В 1661 г. Мурзинская слобода фигурировала в спорном земельном деле, касающемся попытки основать новую слободу. В августе этого года верхотурский казак Арамашевской слободы Иван Смола «с товарищи» запросил в Верхотурье разрешение поставить новую слободу на якобы пустующих землях «верх Режи реки с усть Глинки речки да вверх по Режу по обе стороны до верхних Сапов речки на вершину Глинки речки, а с верх Глинки речки до устья тое ж Глинки речки да по Бобровке реке по обе стороны». Но выяснилось, что земли эти числятся в «чертеже» Мурзинской слободы. Более того, там уже имеется два крестьянских двора, в которых живут Васька Лукьянов «з женою и з детьми и со внучаты», числившиеся в переписи 1657/58 гг. Спор был решен в пользу Мурзинской слободы.

В 1708 г. в России была проведена большая административная реформа. Мурзинская слобода была передана из Тобольского уезда в Верхотурский.

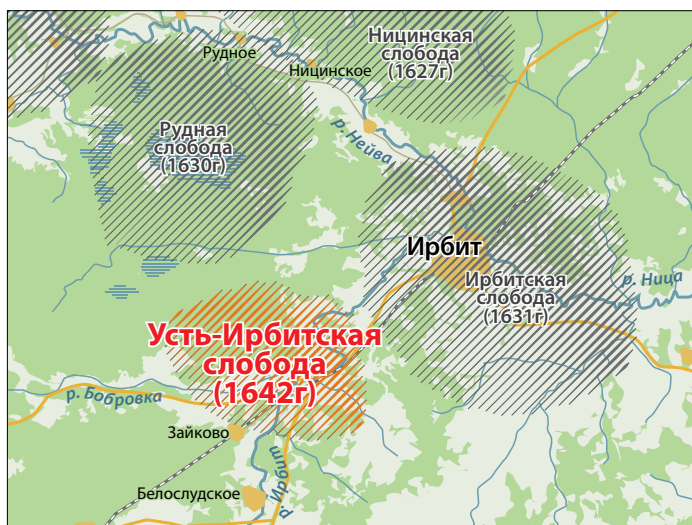

1642 г. УСТЬ-ИРБИТСКАЯ СЛОБОДА

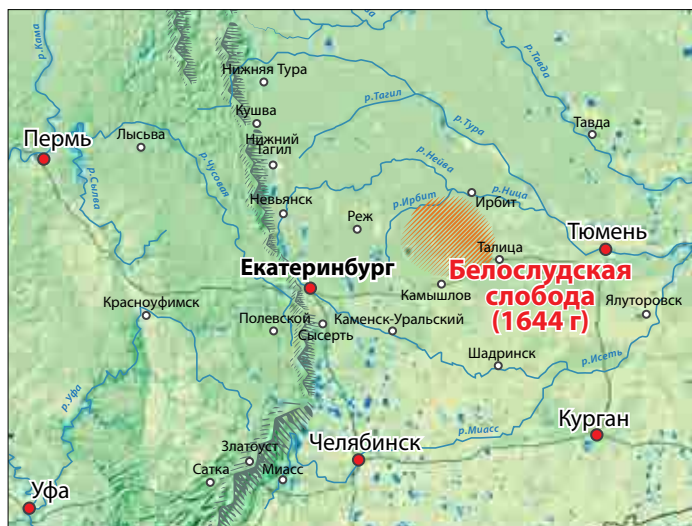

Усть-Ирбитская слобода была основана в 1642 году, во время воеводства Максима Федоровича Стрешнева, при впадении реки Бобровки в реку Ирбит с левой стороны.

Писцом Львом Мироновичем Поскочиным она была присоединена по документам вместе с четырьмя деревнями (Молокова, Мельникова, Ретнова, Осинцева) к Белослудской.

1644 г. БЕЛОСЛУДСКАЯ СЛОБОДА

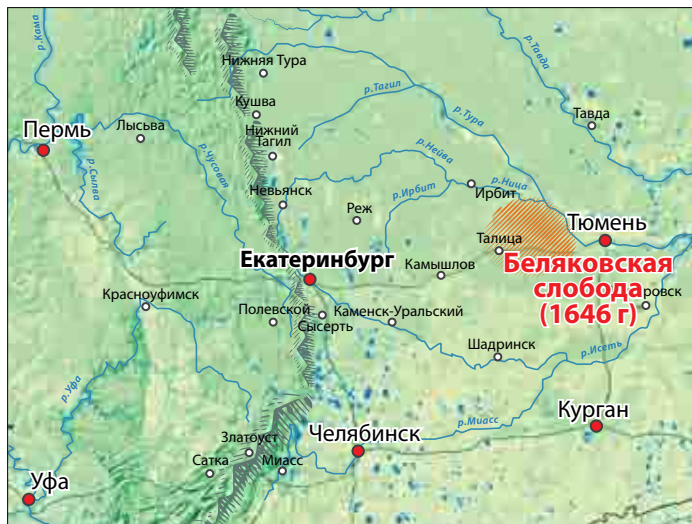
Прямое указание на время основания Белослудской слободы содержится в именных крестьянских книгах: «Да в прошлом во 152-м году при воеводе при Максиме Стрешневе да при подьячем при Максиме Лихачове в Верхотурском уезде за Ирбитскою слободою заведена новая Белослудская слобода». 7152 год по исчислению «от сотворения мира» соответствует 1 сентября 1643 – 31 августа 1644 года. Стрешнев и Лихачев заступили на должности в 1644 году, который и следует считать датой постройки слободы.

Непосредственным строителем Белослудской слободы был верхотурский сын боярский Василий Иванович Муравьев. О нем известно немного. Происходил ли он из старинного дворянского рода Муравьевых или просто был их однофамильцем, не выяснено. В верхотурских документах он появляется в 1631–1632 годах как «пашенных крестьян прикащик» с окладом десять рублей. Величина оклада свидетельствует о том, что он был в ранге сына боярского. С 1637 года он и проходит в документах как сын боярский. Крестьяне Белослудской слободы изначально набирались на хлебный оброк. В Белослудской слободе льготный срок вначале был определен такой же как в Ирбитской — шесть лет. То есть, территория будущей слободы считалась сложной для освоения.

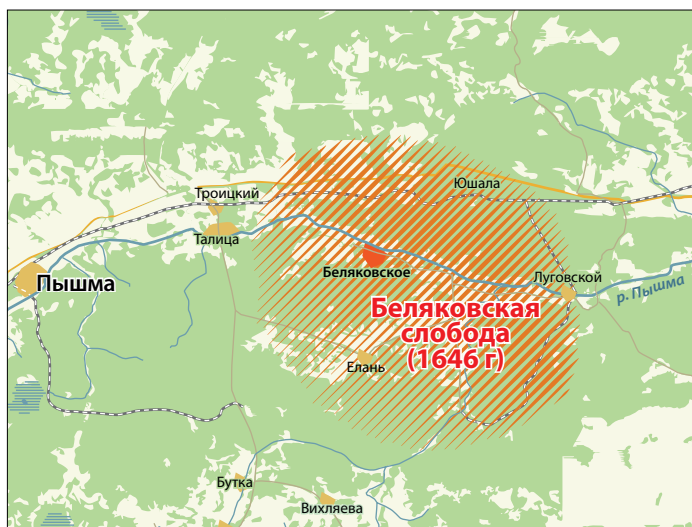
В начале 80-х годов XVIII века на Урале проводилась административная реформа, в ходе которой было создано Пермское наместничество в составе Пермской и Екатеринбургской губерний. Белослудская слобода была разделена на пять административных образований, четыре из которых вошли в состав Ирбитского уезда, пятое — в состав Камышловского.

1646 г. БЕЛЯКОВСКАЯ СЛОБОДА

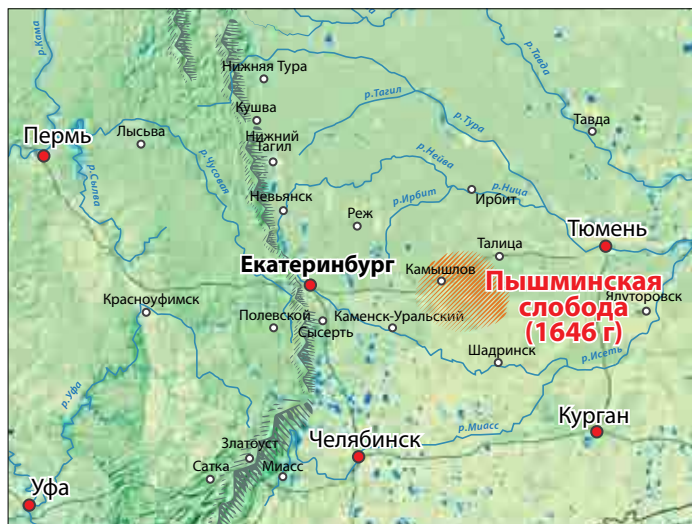

Беляковская слобода была основана в 1646 году на правом берегу реки Пышмы верст на 8 (8,5 км) выше устья речки Беляковки, впадающей в Пышму с юга. Слобода была основана слободчиком Максимом Васильевым.

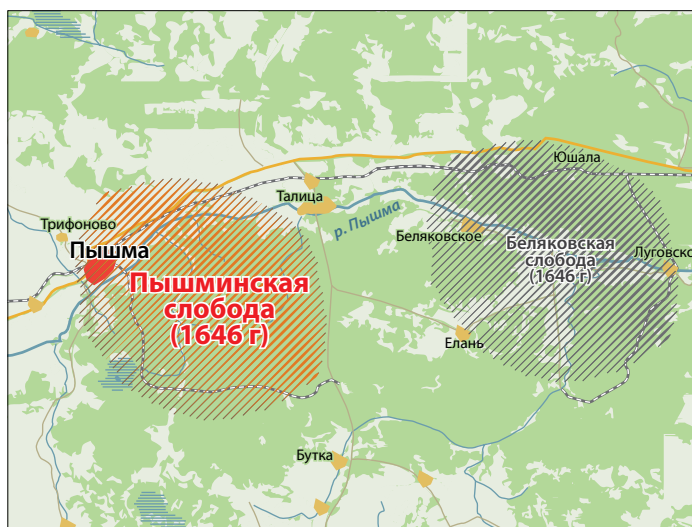

1646 г. ПЫШМИНСКАЯ СЛОБОДА

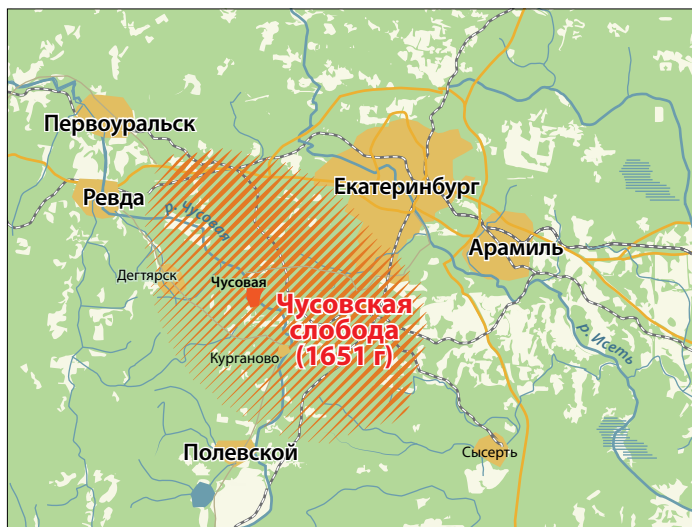
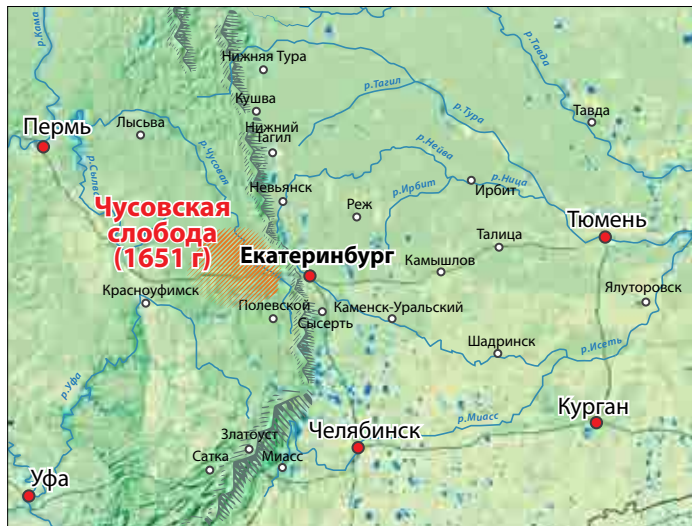

Пышминская слобода была основана в 1646 г. Иногда она называлась Пышминско-Ощепковой слободой. В 1655 г. в ней был поставлен острог.

1651 г. ЧУСОВСКАЯ СЛОБОДА

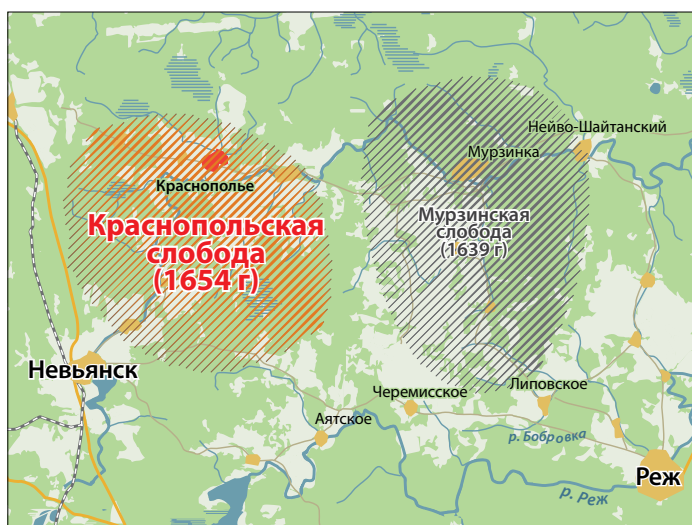
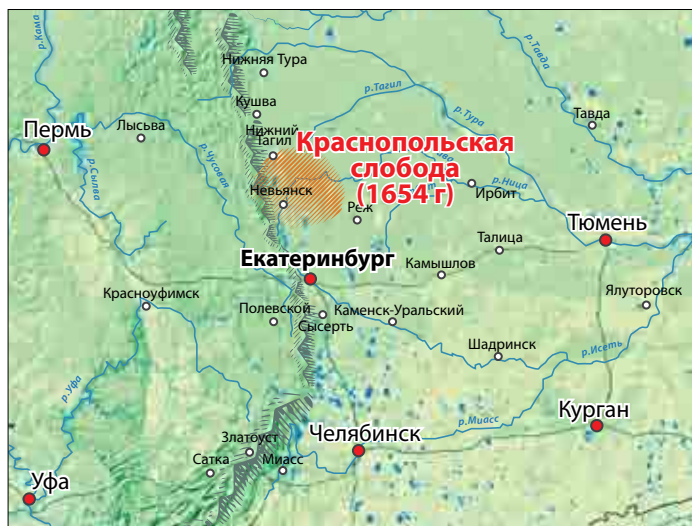

Датой основания Чусовской слободы в историографии принято считать 1651 г.; датой переселения основателя слободы Афанасия Ивановича Гилева в переписи 1680 года показан 160 (1651/52) год.

Особенностью слободы было ее географическое положение. Она была единственной русской слободой Верхотурского уезда, расположенной по западную сторону водораздела и, следовательно, единственной, лежащей по рекам бассейна Волги. Единственная легальная дорога («Бабиновская») через Камень (Уральские горы) проходила через Верхотурье. Но слобода не могла не иметь прямого сообщения с центром уезда. Поэтому появилась дорога с верховьев Чусовой к Красному полю, где вскоре возникла Краснопольская слобода, и далее к Верхотурью. С другой стороны существовал естественный путь вниз по Чусовой в Соликамский уезд. Все это создавало возможность пересекать горный хребет минуя верхотурскую таможню.

Вскоре после основания Чусовской слободы (в 1655 г.) была узаконена «Казанская тропа» — путь, пересекавший реку Чусовую в районе нынешнего села Курганово, выходивший на Исеть в месте впадения Арамиля и идущий далее вниз по Исети. Без сомнения и жители Чусовской слободы очень скоро освоили дорогу по Исети. По переписи Верхотурского уезда 1658/59 г. в Чусовской слободе перечислены 26 крестьянских дворов. Таким образом уже на первом этапе своего существования Чусовская слобода представляла из себя целую группу крестьянских поселений, располагавшихся по берегам реки Чусовой.

1654 г. КРАСНОПОЛЬСКАЯ СЛОБОДА

Краснопольская слобода — старейшее (с середины XVII в.) административное образование на части территории современных Пригородного и Невьянского районов Свердловской области. Её бывший центр, нынешнее село Краснополье Пригородного района, находится при впадении в Нейву речки Виллой в 44 километрах от Нижнего Тагила.

Краснопольские крестьяне основали первые поселения на месте будущих промышленных центров — Невьянска (деревня Дедюхина) и Нижнего Тагила (деревня Фотеева) — и приняли участие в строительстве самих заводов.

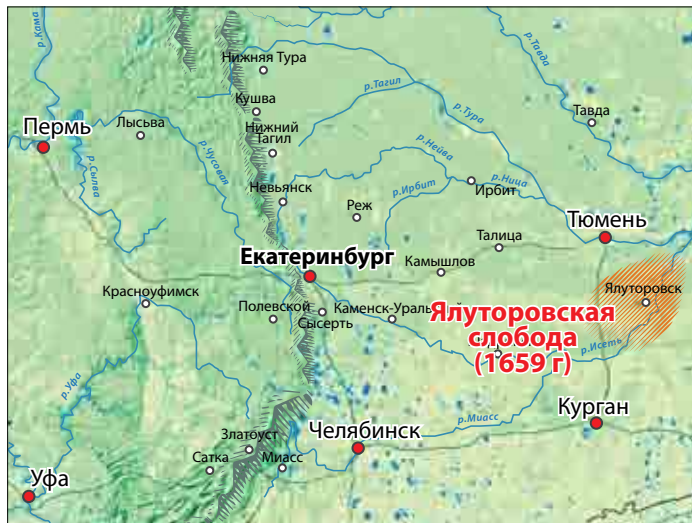
Основание слободы происходило следующим образом. В 1644 г. приказчик Невьянской слободы А. Буженинов получил указ из Верхотурья набрать в управляемой им слободе крестьян для будущей Краснопольской слободы, но не справился с задачей. Отказавшись от создания Краснопольской слободы в 1645 г., власти вернулись к этой идее зимой 1652/53 гг.

Весной 1653 г. назначенный приказчиком новой слободы Томило Нефедьев, сын Серебряников, приступил к уточнению границ слободы в соответствии с чертежом. Обнаружилось нарушение рубежей со стороны приказчика мурзинской стороны, повлекшее разбирательство на уровне верхотурского и тобольского воевод. Чтобы не затягивать с постройкой слободы, решено было вместо Прикамья (как планировалось ранее) набрать людей в Верхотурском уезде. К зиме 1654 г. новая Краснопольская слобода была основана. Главным поставщиком ново-приборных крестьян стала Тагильская слобода. В это самое время (1653/54 г.) Томило Нефедьев был поверстан из стрелецких десятников в дети боярские, по-видимому, он получил повышение за успешную деятельность по созданию новой слободы.

Около 1664 г. Краснопольская слобода была сожжена вогулами.

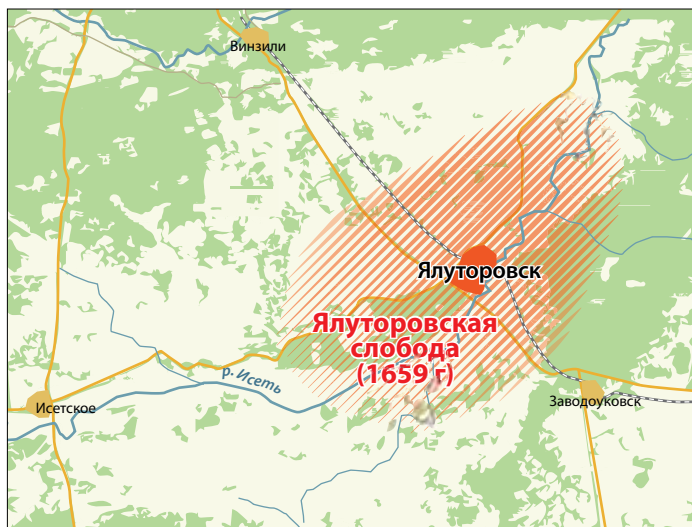
1659 г. ЯЛУТОРОВСКАЯ СЛОБОДА

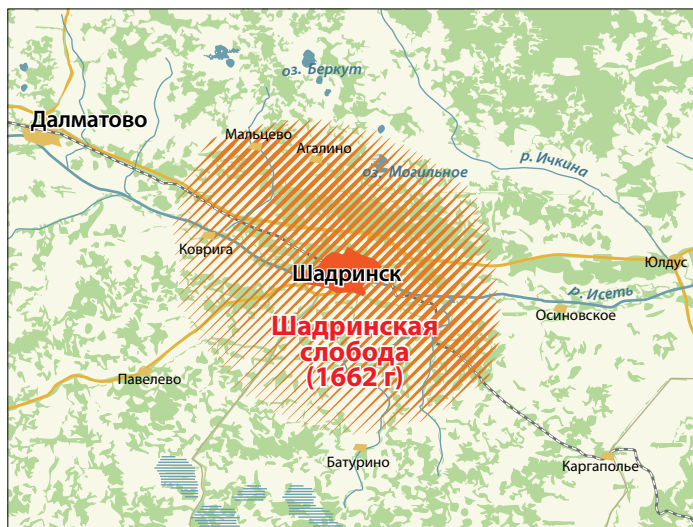
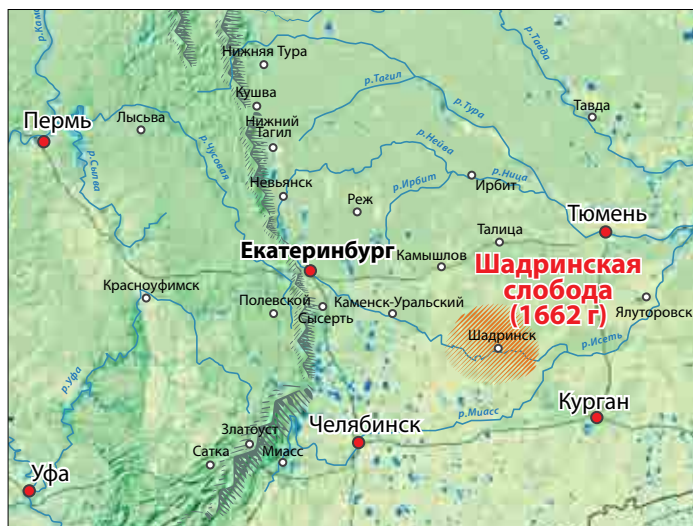
Ялutorовская слобода была основана в 1659 г. тюменскими пашенными крестьянами Петром Ульяновым и Елисеем Гилевым.

Они обязаны были построить новую слободу, «и острог укрепить, и крестьян... на десятинную пашню из льготных лет поселить». Дело с постройкой слободы шло медленно. Приказчики ряда слобод Тюменского уезда не отпускали крестьян, давших согласие поселиться в новой слободе, писали жалобы на ялutorовских слободчиков. Несмотря на трудности, Ялutorовская слобода продолжала расти и уже в 1686 г. имела 169 дворов.

Быстрый рост слободы объясняется значительным притоком сюда «гулящих людей» из Европейской части России. Ялutorовская слобода была основной базой, откуда вышли первые поселенцы в новую слободу Царево Городище, возникшую на левом берегу реки Тобола.

1662 г. ШАДРИНСКАЯ СЛОБОДА

Основателем Шадринской слободы является Юрий Ннкифорович Малечкин, более известный под именем Юшки Соловья. В 1662 г. он подал тобольскому воеводе челобитную: «...чтоб великие Государи пожаловали ево, велели ему в Тобольском уезде в верх по Исети реке острог поставить и слобода строить... и свою государеву печать и наказную память дать из Тобольска».

Получив наказную память, Ю. Малечкин стал «прибирать беломестных казаков... и крестьян из вольных и гулящих и прохожих людей и строить острог».

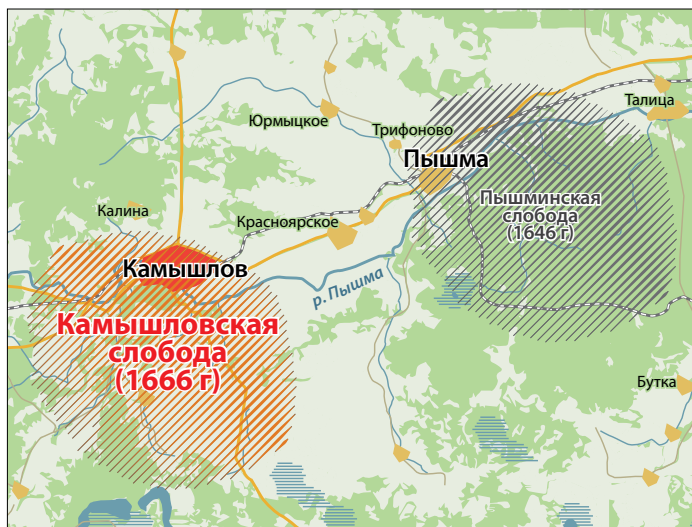
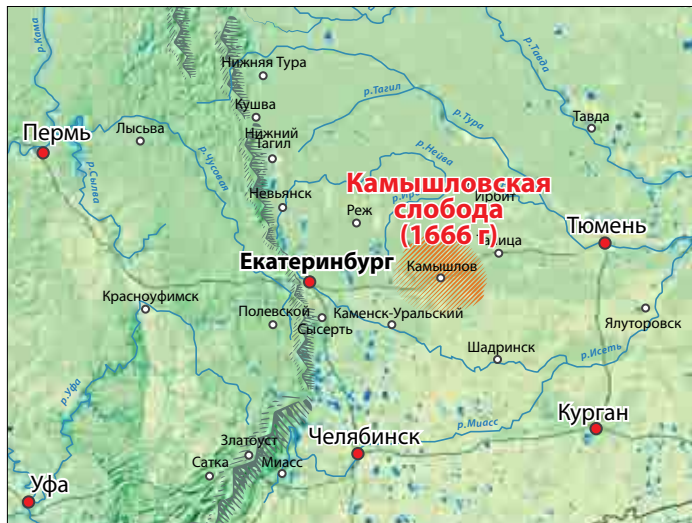
Деятельность Малечкина по созданию Шадринской слободы вначале развивалась успешно. Наказная память Ю. Малечкину требовала призывать на жительство в слободу «гулящих и иных вольных добрых людей», которые бы были «не беглые и не тяглые иных городов и слобод». «Гулящий человек» — человек, свободный от тягла. Однако права свободного человека такой крестьянин-переселенец сохранял недолго. Поселяясь на земле, приписанной к слободе, крестьянин давал ряд обязательств, которые устанавливали его зависимость от слободской администрации. Главным обязательством, возлагаемым на крестьян, была барщина — обработка государственной десятинной пашни или уплата натурального налога хлеба.

В конце XVII – начале XVIII веков население Шадринской слободы увеличилось. Этот рост объясняется не только тем, что она была крупным военно-административным центром края, но и тем, что вокруг слободы складывался местный рынок.

В 1712 г. Шадринская слобода была переименована в город Шадринск.

1666 г. КАМЫШЛОВСКАЯ СЛОБОДА

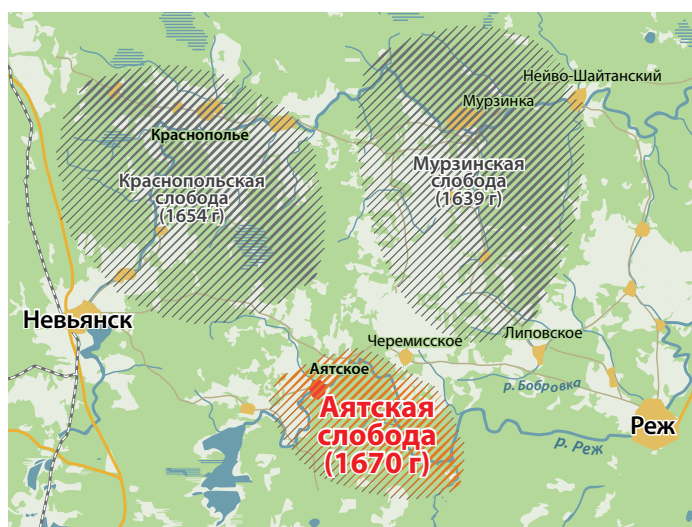

Камышловская слобода была основана в 1666/1667 годах, название же получила уже в 1680-х годах, скорее всего в 1687 г., в отличие от вновь основанной тогда другой Камышевской слободы на верховьях Исети.

Камышловская слобода, ставшая впоследствии городом Камышловым, была основана на правом берегу Пышмы, при впадении в нее речки Камышенки или Камышловки. В XVII в. эта слобода принадлежала к Верхотурскому уезду. Слобода была основана при верхотурском воеводе И.Я. Колтовском верхотурским сыном боярским Семеном Будаковым, приказчиком Пышминской-Ощепковой слободы, стоявшей тогда ниже по Пышме на 36 верст. У Милона Будакова известно два сына — Семен и Илья. Известно, что они в конце 50-х гг. XVII в. были поверстаны верхотурским воеводой стольником Иваном Богдановичем Камыниным в дети боярские по Верхотурью в оклад Дмитрия Зеленого. Семен в «городовую службу» с денежным окладом 7 рублей, вместо хлебного жалования «дана ему пашенная земля от города верст с триста и болши, и живет он на той пашне, а в городе не живет»; Илья — в «полковую службу» с денежным окладом в 6 рублей, а вместо хлебного жалования ему также была дана пахотная земля за городом, «и живет он на той пашне, а в городе не живет».

В 1668 г., будучи приказчиком Пышминского острога, Семен Будаков завел Камышевскую (Камышловскую) слободу. В следующем 1669 г., будучи уже камышевским приказчиком, он был командирован в Москву. Его брат — Илья Будаков — в том же 1669 г. был приказчиком Арамашевской слободы.

1670 г. АЯТСКАЯ СЛОБОДА

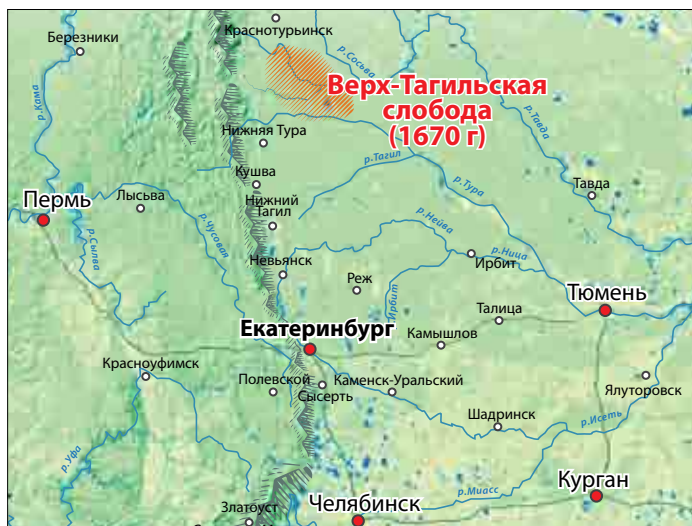

Аятская слобода была основана в 1670 г. в самых верховьях Режа, при впадении Большого Сапа.

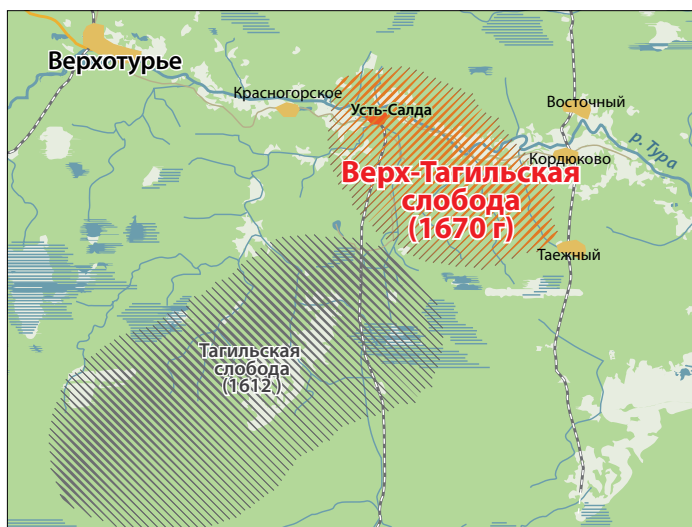
В ноябре 1669 г. арамашевский приказчик Илья Миронович Будаков сообщал в послании верхотурскому воеводе Федору Григорьевичу Хрущеву: «Да по указу великих государей и по вашей верхотурской памяти арамашевскому дьячку Фролку Арапову велено в Верхотурском уезде вновь на Аяте слобода строить и крестьян прибирать. А в Арамашеве слободе у государевых житниц и в судной избе ныне дьячка нет, хлебной приход и расход и в судной избе всякие государевы дела писать некому, а в Арамашеве слободе грамотных людей никаких нет, и вам ко мне о дьячке Великих Государей указ учинить. А ныне ево дьячка Фролка Арапова выслал к вам на Верхотурье для справки житнищных и посевных книг и велел ему явитца на Верхотурье вам в приказной избе».

О времени основания Аятской слободы существуют разные версии. А. Оглоблин высказал мнение, что Аятская слобода появилась лишь в 1672 г. Наиболее развернутое описание событий дает организатор новой слободы Фролка Арапов в своем докладе, отправленном в Верхотурье 3 февраля 1671 г. К этому моменту Фрол успел «прибрать» в Аятскую слободу шестнадцать человек крестьян, тринадцать из которых получили по одному рублю ссуды. Вряд ли все они появились в январе 1671 г. Очевидно, что слобода уже существовала к концу 1670 года. Допустить, что Фролка успел основать слободу еще в 1669 г. трудно, так как в ноябре этого года он только отправился в Верхотурье сдавать еще арамашевские дела. Поэтому датой основания Аятской слободы следует считать 1670 г.

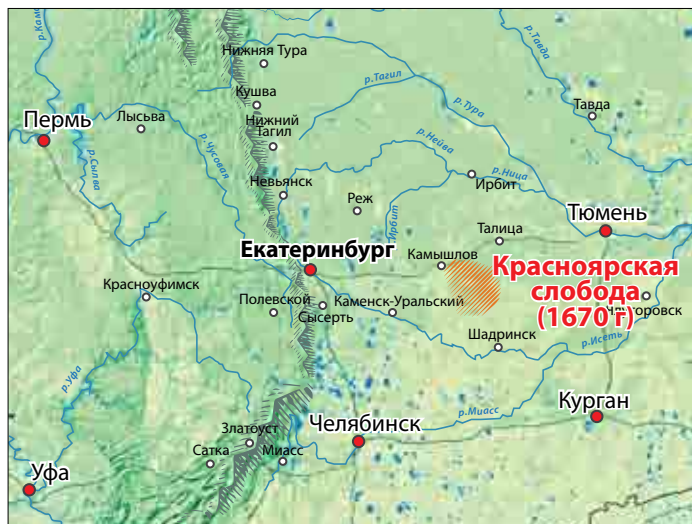
1670 г. ВЕРХ-ТАГИЛЬСКАЯ СЛОБОДА

Около 1670 г. была создана Верх-Тагильская слобода (выше устья Салды), жители которой спустя десять лет, в 1680/81 году, жаловались властям «что слобода построена не на проезде, приезжих и прохожих людей не бывает, купли и продаж мало...»

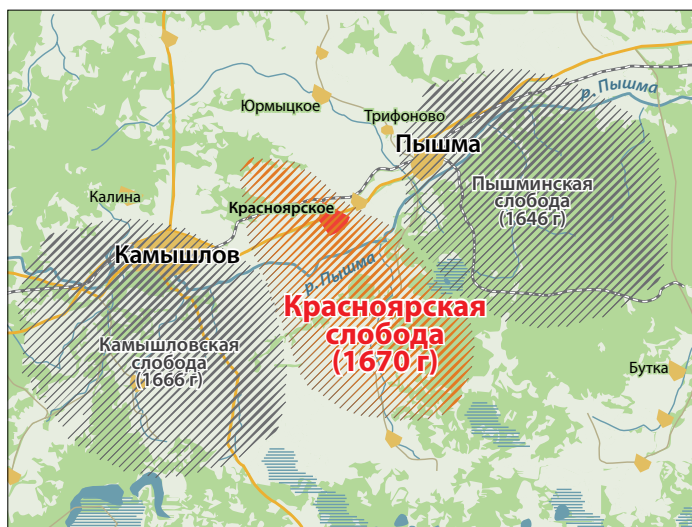

1670 г. КРАСНОЯРСКАЯ СЛОБОДА

Красноярская слобода была основана в 1670 г. на правом берегу Пышмы, в 20 верстах ниже Камышлова. Она была заведена по указной памяти верхотурского воеводы Федора Хрущова крестьянскому садчику Якушку Борисову от 7 января 1670 г.

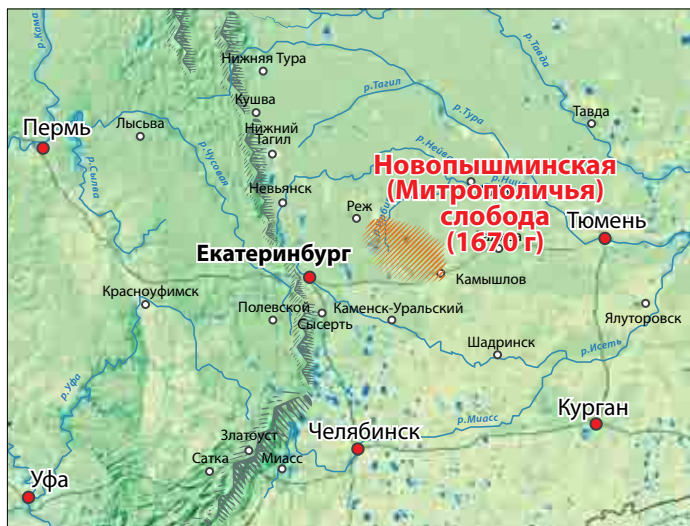
«Садчиками» назывались тогда люди, коим поручалось от правительства заводить новые слободы и селить там крестьян. В 1723 г. слобода с ее деревнями была отчислена от Верхотурья в ведомство Екатеринбургских казенных горных заводов. В Красноярской слободе острог поставлен по указанию переписи Григория Нарышкина одновременно с ее ровесницей Аятской слободой — в 1682 году.

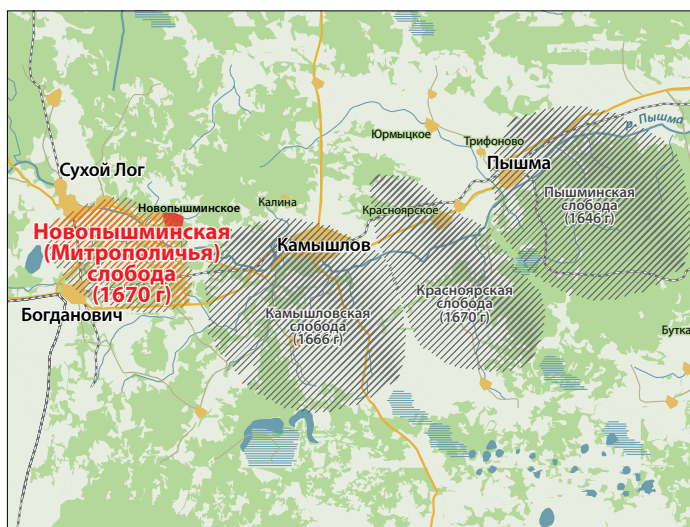

1673 г.

НОВАЯ ПЫШМИНСКАЯ (МИТРОПОЛИЧЬЯ) СЛОБОДА

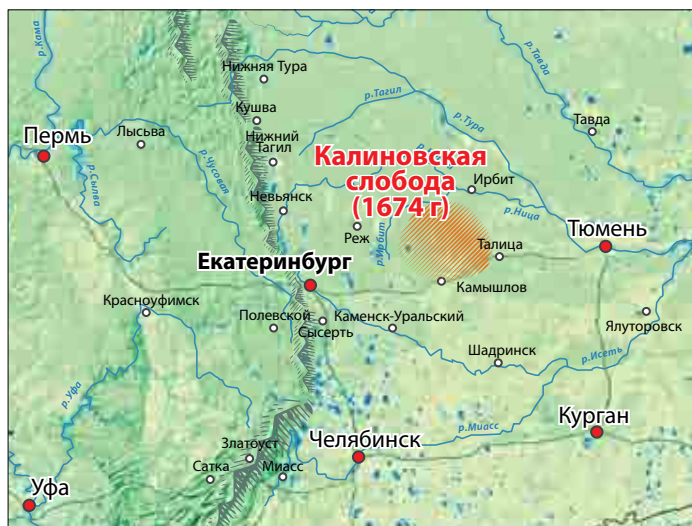
В 1649 г. Невьянскому Богоявленскому монастырю были отданы территории на левобережье Режа. Там на реке Бобровке на «Колмацком броду» был основан центр новой монастырской вотчины — село Покровское. Далее на юг по Калмацкой дороге на реке Пышме тому же монастырю в 1657/58 гг. были отведены обширные владения. Часть земель монастырь в 1673/74 году передал в собственность Тобольского владычного дома, который на этой территории основал слободу, известную как Митрополья. Но в 1680 году власти усмотрели нарушения в процессе передачи земель и перевели митрополичью собственность в государственную, основав на этих землях Новопышминскую слободу.

К концу 40-х годов XVII века русские поселения Арамашевской слободы вверх по левому берегу Режа достигли окраин современного Режевского района (село Мироново).

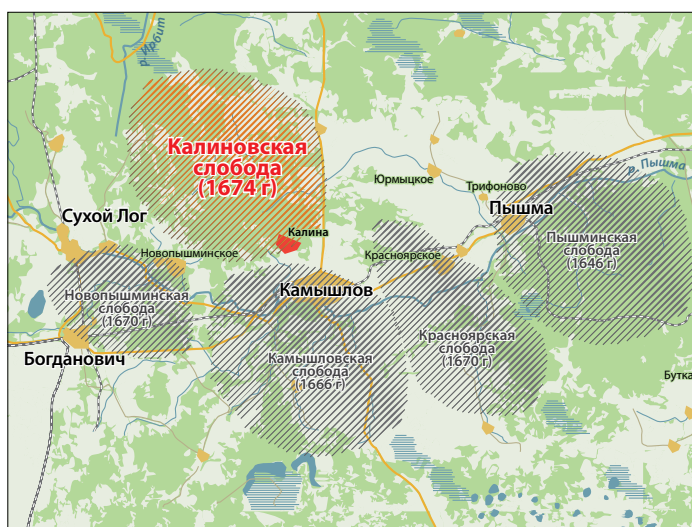
Центр ее находился на пересечении Калмацкой дорогой реки Пышмы (сейчас — село Новопышминское). Митрополичьи крестьяне были выселены, на их место привлечены выходцы из слобод Верхотурского уезда. На месте бывшей Митропольей слободы осталась деревня Брусянка, в которой до 1710 года сохранялась церковь, переведенная к 1719 году в соседнюю деревню Ершову, ставшую Знаменским погостом.

1674 г. КАЛИНОВСКАЯ СЛОБОДА

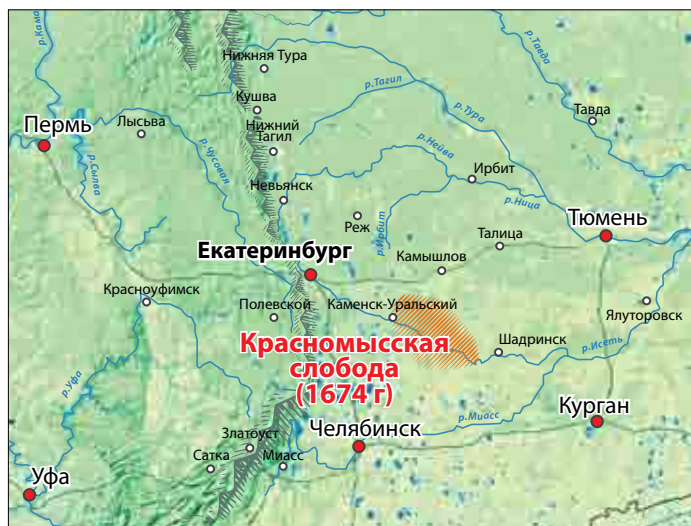

Калиновская слобода была основана в 1674 г. слободчиками Алексеем Мещеряковым и Владимиром Качесовым на реке Пышме, в 6 верстах (6 километрах) выше впадения в нее речки Калиновки и в 12 верстах (13 километрах) выше нынешнего города Камышлова.

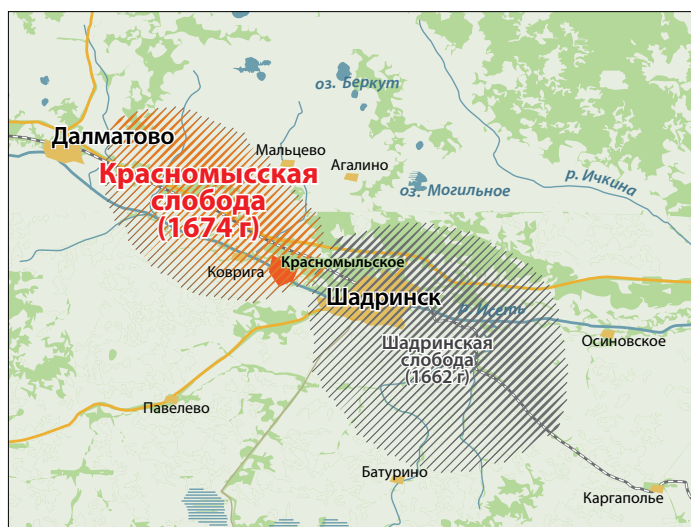
Слобода была основана по указу из Тобольска и с самого основания и числилась в Тобольском уезде. В 1723 г. Калиновская слобода с деревнями, одновременно с Карсоярской Верхотурского уезда, была отчислена от Тобольска в ведомство Екатеринбургских казенных заводов.

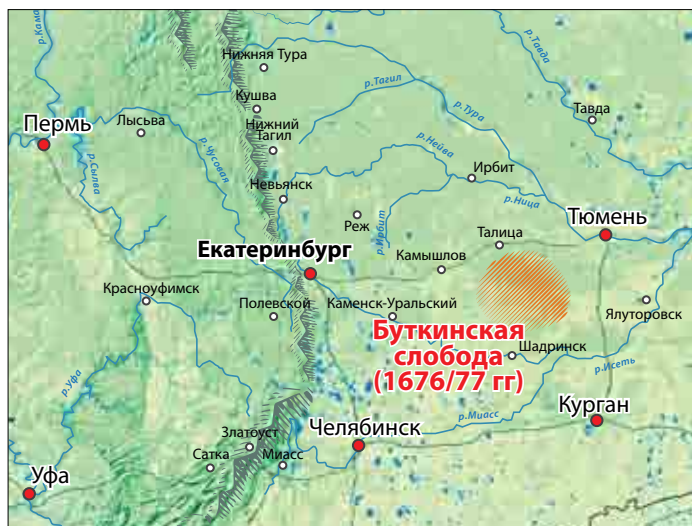
1674 г. КРАСНОМЫССКАЯ СЛОБОДА

Красномысская слобода была основана на берегу реки Исети в 1674 г.

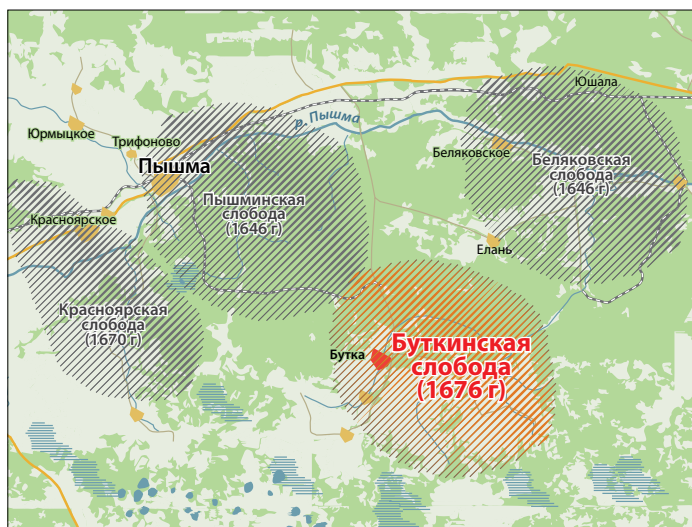

1676 г. БУТКИНСКАЯ СЛОБОДА

Буткинская слобода основана в 1676 г. у истоков реки Беляковки, правого притока Пышмы.

Буткинская слобода на речке Беляковке (ныне — село Бутка Талицкого района Свердловской области) была основана уроженцем Верхотурского уезда, жившем в близлежащей тобольской слободе: «Слободчик Терешка Иванов сын Бутаков. Родился он Верхотурского уезду в Невьянской слободе крестьянский сын. И жил в Куяровской слободе в десятинной пашне и тое пашню здал крестьянину Викулке Микитину сыну Горлову. В прошлом во 185-м (1676/77) году велено ему строить Будкинскую слободу. У него дети: Пронка семи, Оска шти, Федка четырех, Деико трех лет. У него ж пасынки: Васка четырех, Сенка трех лет Микифоровы дети».

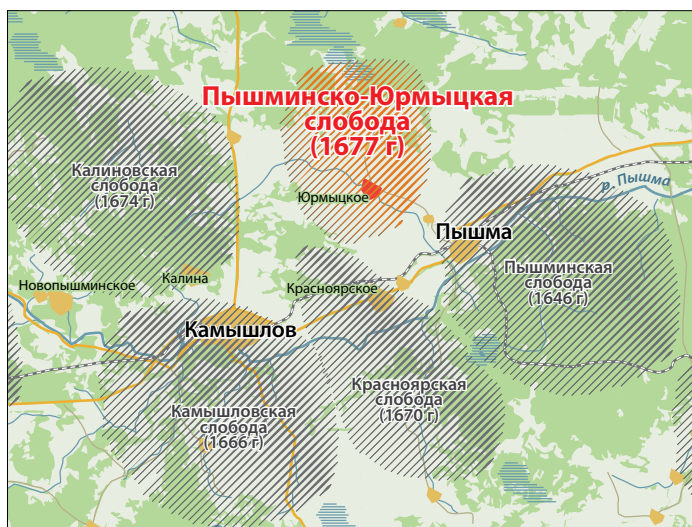
1677 г.

ПЫШМИНСКО-ЮРМЫЦКАЯ СЛОБОДА

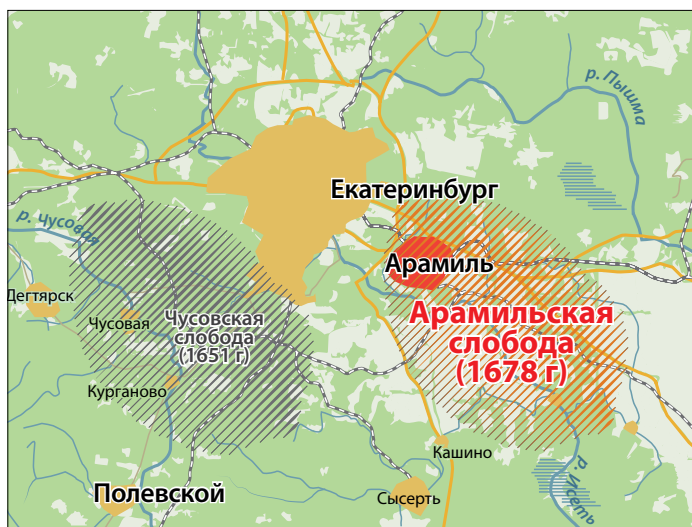
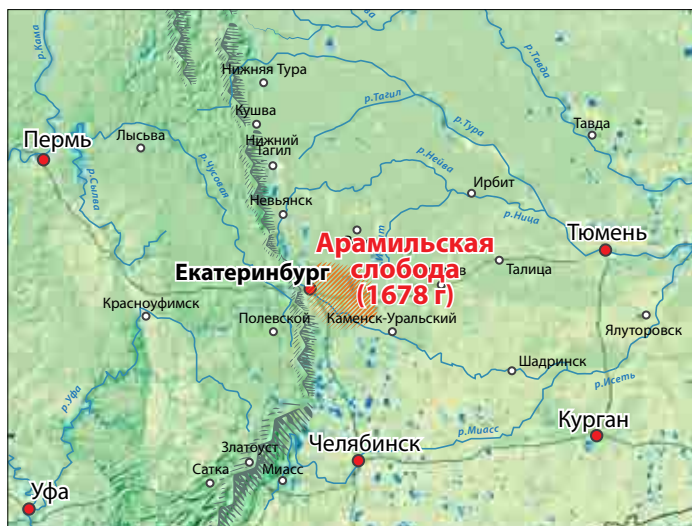

В 1677/1678 гг. севернее Пышминской слободы, на впадающей в Пышму с левой стороны реки Юрмыч, была основана Пышминско-Юрмыцкая слобода, которая называлась также в первое время своего существования «Ново-Пышминской» слободой.

Это последнее название в 1680-х гг. было вновь присвоено основанной на р. Пышме, выше Камышлова и Калиновской слободы, Ново-Пышминской слободе в Камышловском уезде. Юрмыцкая слобода заведена в 1677-78 годах по челобитью сначала беломестного казака Киргинской слободы, что на Ницце, Попова пред тобольским воеводою боярином Петром Михаилом Салтыковым; но когда Попов по недостаточности состояния данным на это позволением не воспользовался, то в июле 1677 г. такое же позволение по новому челобитью передано было пашенным крестьянам той же Киргинской слободы Ивану и Иову Печеркиным, которым и дан был на построение «Ново-Пышминской-Юрмыцкой» слободы указ от новых тобольских воевод боярина Петра Васильевича Шереметева-Большого и Ивана Ивановича Стрешнева (правили в Тобольске в 1676-78 годах). По этой причине слобода состояла в XVII веке в Тобольском уезде.

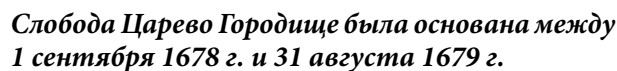

1678 г. АРАМИЛЬСКАЯ СЛОБОДА

Арамилская слобода была основана в 1678 г. слободчиком из крестьян Михаилом Саранульцем. Ей были отведены верховья Исети.

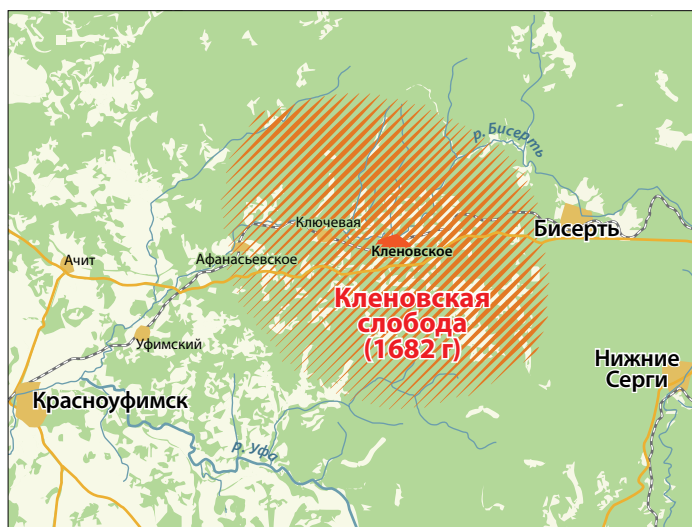
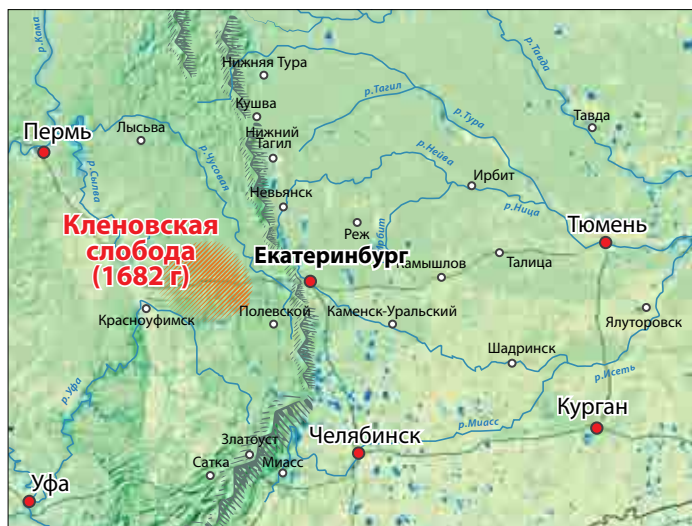
Первые жители Арамилской слободы происходили, в основном, из Прикамья и более дальних районов европейской части России. В 1681–1683 годах Львом Поскочиным проводилась перепись Тобольского уезда. Согласно ее итогам в Арамилской слободке насчитывалось 126 крестьянских дворов. К этому времени в ведомстве Арамилской слободы кроме центрального поселения существовало семь деревень. В названиях всех деревень указаны реки, на берегах которых они находились, что позволяет надежно локализовать их географическое положение. В числе деревень Арамилской слободы показано и единственное в то время поселение на берегах Уктуса — «деревня Иктусова на речке Иктусе.» В ней было три двора, в двух жили братья Дементий (Демка) и Иван (Ивашко) Петровы дети Деменовы, уроженцы Соликамского уезда Обвинской волости Рождественского прихода, пришедшие в Арамилскую слободу в 1679/80 году. В третьем жил Фома (Фомка) Михайлов сын Вилесов, родившийся в той же волости в деревне Комарове и пришедший годом позже братьев Деменовых — в 1680/81 году. Арамилская слобода состояла в ведении Тобольска до 1704 года, а затем была приписана к казенному Уктусскому заводу.

Историография знает широкий диапазон дат основания слободы Царево Городище, ставшей в 1782 г. городом Курганом, — от 1596 г. до 1680 г. Кондрашенков А.А. и Лапин Н.А., ссылаясь на Миллера, предложили в качестве даты основания Кургана 1662 г. Первым слободчиком, то есть основателем, назван выходец из Тюменского уезда крестьянин Тимофей Невежин. В переписи Тобольского уезда, проведенной Л. М. Поскочиным в 1681–1683 гг., датой основания Кургана дважды назван (7)187 год: «Слобода Царево Городище... построена во 187-м году», «Слоботчик Тимошка Онисимов сказал: родился он Верхотурского уезду в Невьянской слободе и жил в Долматове монастыре за вклад. И во 187-м году велено ему на Цареве Городище стороить слободу. У него дети: Оска четырех, Овдокимко году. Пашни и сенных покосов у него нет». Следовательно, слобода Царево Городище была основана в 7187 году, то есть, между 1 сентября 1678 г. и 31 августа 1679 г. Поскольку в этот же промежуток времени слободчик только получил указание строить слободу, то вряд ли он бы успел построить ее до наступления зимы. Поэтому временем основания Кургана можно считать весну-лето 1679 г. Слобода Царево Городище сыграла большую роль в освоении земель Среднего Притоболья. Она заняла ведущее место среди слобод, возникших в этом районе.

1682 г. КЛЕНОВСКАЯ СЛОБОДА

Кленовская слобода основана в 1682 г.

Самое раннее упоминание о постройке слободы в районе будущей крепости Кленовская находится в материалах Пермского государственного Архива, а также отражено в материалах Пермских летописей. Слобода была построена для организации заставы в районе горы Кленовой для пресечения беспошлинного провоза товаров по нелегальной Сибирской дороге проходившей в район реки Бисерть на Кунгур.

Застава была организована в 1682 году, в бытность царствования Федора Алексеевича Романова. В марте 1680 г. крестьянин Чусовской слободы Яков Соколов стал добиваться разрешения на заведение новой слободы на реке Бисерть. Его аргументация заинтересовала верхотурские власти, так как прямо касалась докучливой темы о запретной дороге. Убедя начальника уезда в целесообразности своего предложения, Соколов писал: «А ныне де из русских городов в Сибирь всякие торговые и промышленные и гулящие люди и семейщики ездят по тому месту, не хватая Чусовской слободы, Тобольского уезду в Арамилскую слободу, из сибирских городов с товары и с рыбою на Кунгур ездят». Доводы ходатая возымели действие, он получил разрешение стать слободчиком.

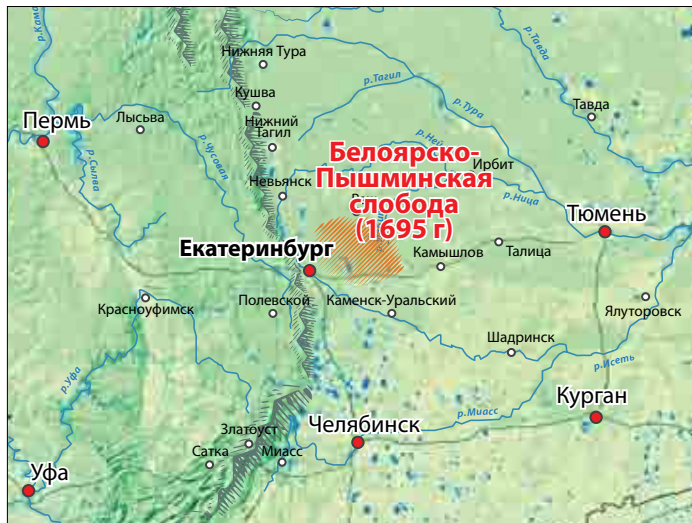
Возникнув как острог, село начинает быстро расти и развиваться. Наряду с земледелием и животноводством, здесь появляются небольшие промышленные предприятия.

После башкирского восстания в 1735 г. села Гротово, Кленовское и Киргишаны были превращены в крепости, составляющие вместе с Красноуфимском и Ачитом заслон для прикрытия горнозаводского Урала от набегов с юга.

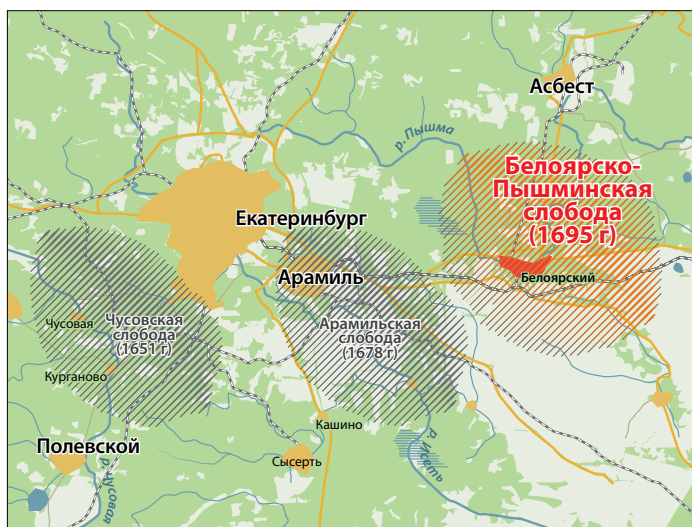
1695 г.

БЕЛОЯРСКО-ПЫШМИНСКАЯ СЛОБОДА

В самом конце XVII в., а именно, в 1695 г., на правом берегу верхней Пышмы, была основана новая Белоярско-Пышминская слобода слободчиком Иваном Синициным.

В 1719 г. эта слобода из Тобольского уезда перечислена в ведомство казенных горных заводов. В XIX веке это было село Белоярское в самой восточной части Екатеринбургского уезда.

СПИСОК ТЕРМИНОВ

БЕЛОМЕСТНЫЕ КАЗАКИ — представители служилых людей по прибору. В 1630-х гг. – нач. XVIII в. проживали в пограничных слободах и острогах и несли воинскую службу с «обеленной» пашни (не обложенной налогами и повинностями).

БЕЛЫЕ СЛОБОДЫ — части городов, принадлежавшие светским землевладельцам или монастырям, население которых было освобождено (обелено) от уплаты посадских государственных податей — тягла.

БОБЫЛЬ — одинокий крестьянин, не имеющий земельного надела в XV – нач. VIII вв. (бестягольный, нетяглый, т.е. не несущий государственных повинностей).

ВЕРСТА — русская единица измерения расстояния, равная пятистам саженьям или тысяча пятистам аршинам (что соответствует нынешним 1 066,8 м., до реформы XVIII века — 1 066,781 м).

ВОЕВОДА — после XV в. в Московском государстве — наместник государя в городе или территории.

ГОРОДИЩЕ — укрепленное поселение. Охватывает время от неолита до Средних веков (XVI–XVII века).

ГОСУДАРЕВА ДЕСЯТИННАЯ ПАШНЯ — казенная пашня, которую обрабатывали государевы пашенные крестьяне и дворцовые крестьяне в порядке феодальной повинности. Была распространена главным образом в Сибири, а также в южных районах России и на дворцовых землях.

ГУЛЯЩИЕ ЛЮДИ — категория нетяглового населения в России XVI –нач. XVIII веков. Отпущенные на свободу холопы: слуги, кабальная зависимость которых по закону прекращалась со смертью их господина; крестьяне, посадские и служилые люди, занимавшиеся отхожими промыслами.

ДАНЬ — натуральный или денежный побор с покоренных племён и народов.

ДЕТИ БОЯРСКИЕ — сословие, существовавшее на Руси в конце XIV – начале XVIII веков. В XVI–XVII веках дети боярские вместе с дворянами несли обязательную службу, за которую получали поместья и записывались в десятни по уездам, и составляли русскую конницу.

ЗАИМКА — название (чаще в Сибири) поселения, обычно однодворного, и земельного участка, занятого кем-либо по праву первого владения, вдали от освоенных территорий.

ЗАТИННАЯ ПИЩАЛЬ — средне- и длинноствольное огнестрельное оружие, предназначенное для стрельбы «из-за тына» (частокола).

КАПТУР — шапка ушанка с меховой опушкой.

КОРТЕЛЬ — летник, подбитый на зиму мехом.

КРУГОВАЯ ПОРУКА — групповая солидарная ответственность, когда все члены группы отвечают за обязательства одного. В России до начала XX века этот термин применялся к ответственности городской общины за подати и недоимки своих членов.

МАНГАЗЕЯ — первый русский заполярный город XVII века, который был основан в качестве опорного пункта для продвижения русских вглубь Сибири.

НАКАЗНАЯ ПАМЯТЬ — составлявшаяся в московских приказах или местных учреждениях России в кон. XVI – нач. XVIII вв. Предназначалась русским послам для ведения переговоров и лицам, выполнявшим на местах правительственные поручения.

ОБРОК — одна из повинностей зависимых крестьян, заключающаяся в выплате дани (продуктами или деньгами) помещику или государству.

ОСТРОГ — укрепленное поселение, огороженное оборонительной стеной из вертикальных бревен.

ОХОЧИЕ ЛЮДИ — добровольцы из промышленных и гулящих людей, поддерживающие те или иные государственные или частные инициативы.

ПОГОСТ — административно-территориальная единица на Руси.

ПОСАДСКИЕ ЛЮДИ — сословие средневековой Руси, жители городов, в обязанностях которых было платить денежные и натуральные подати, а также выполнять повинности.

ПРИКАЗЧИК — в Русском государстве XVI в. выборные из среды уездных служилых людей правители городов и уездов; подчинялись наместникам. Ведали в основном военными и финансовыми вопросами. Также: до введения воевод или до назначения в известный город воеводы — приказный человек в Московском государстве, существовавший, наравне с наместниками, в период кормлений.

ПУШНИНА — выделанные шкурки пушных зверей, используемые для производства меховых изделий.

РОДАНОВСКАЯ КУЛЬТУРА — археологическая культура IX–XV веков в Верхнем Прикамье. Население культуры, судя по всему, являлось предками коми-пермяков.

САМОЕДЬ — старое название народов, говорящих на самодийских языках (ненцы, селькупы и другие народы Севера), а также территории, на которых они проживали.

СЛОБОДА — вид поселения или района города в истории России.

СЛОБОДЧИК — устроитель, основатель слободы; главное должностное лицо в слободской администрации в период ее организации.

ТЯГЛО — система денежных и натуральных налогов, взывавшихся в XV–XVIII вв.

ТЯГЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ — в России XV–XVIII вв. название крестьян и посадских людей, обязанных платить государственные налоги и выполнять государственные повинности (тягло).

УЕЗД — территория земельного угодья в средневековой Руси. Название происходит от законного объезда («уезда») с целью установления его границ. Включал город и присоединённые к нему волости. Управлялся княжеским наместником, а с начала XVII века — воеводой, выполнявшим военные, административные и судебные функции.

УШКУЙНИКИ — новгородские отряды (до нескольких тысяч человек), формировавшиеся боярами для захвата земель на севере и торгово-разбойничьих экспедиций преимущественно на Волге и Каме с целью обогащения и для борьбы с политическими и торговыми противниками.

ЧЕЛОБИТНАЯ — в делопроизводстве России XV – нач. XVIII в. просьбы или жалобы, подававшиеся центральным или местным властям. Челобитные были основной формой обращения к Государю.

ЧЕРНОСОШНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ — категория тяглых людей в России в XV–XVII веках, обрабатывающих государственную пашню.

ЧЕРНЫЕ СЛОБОДЫ — поселения, часть города, население которого занималось ремесленно-торговой деятельностью, было (в отличие от жителей белой слободы) лично свободно и платило налоги государству.

ЯМЩИК — человек, занимающийся государственными грузовыми или пассажирскими перевозками на гужевом транспорте. До широкого распространения железнодорожного транспорта ямщики имели важнейшее значение для экономики России, осуществляя большую долю коммерческих наземных перевозок.

ЯСАК — натуральная подать, которой в царской России облагались нерусские народы, занимавшиеся охотничьим промыслом (в Поволжье с XVI в., в Сибири с XVII в.).

ЯСАЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ — плательщики ясака (натурального налога), взывавшегося в России с народов Поволжья (с XV–XVI вв.) и Сибири (с XVII в.). Ясачными людьми считались мужчины от 18 до 50 лет (позднее — с 16 до 60 за исключением больных и увечных), которых записывали в ясачные книги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алеврас Н.Н., Конюченко А.И. История Урала. XI – XVIII века. Южно-уральское книжное издательство 2000.
2. Ананьев Д.А., Комлева Е.В., Раев Д.Я., Резун Д.Я., Соколовский И.Р., Туманик Е.Н. «Новые земли» и освоение Сибири в XVII–XIX вв.. Под редакцией Резуна Д.Я. — Новосибирск: Сова, 2006.
3. Байдин В.И., Грачёв В.Ю., Коновалов Ю.В., Мосин А.Г. Уктус, Уктусский завод и его окрестности в XVII–XVIII вв. — Екатеринбург: ООО «Грачёв и Партнеры», 2011
4. Бахрушин С.В. Научные труды, III том, часть 1 — М., 1955.
5. Бубнов Е.Н. Русское деревянное зодчество Урала, — М.: Стройиздат, 1988 г.
6. Виноградов Н.Б., Чагин Г.Н., Шкерин В.А. История Урала с древнейших времён до конца XVIII века. — Екатеринбург, 2005.
7. Дмитриев А. Пермская старина. Вып. VII: Верхотурский край в XVII веке. Пермь, 1897. С. 89.
8. Дмитриев А.В. Сибирь в составе Русского государства в XVII–XVIII вв. <http://gkaf.narod.ru/dmitriev/sk/3.html>.
9. Добрейцина Л.Е., Санников Т.О. Исторические города Урала. Часть 1. Исторические города Среднего Урала: Свердловская область — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012
10. Добрейцина Л.Е., Санников Т.О. Исторические города Урала. Часть 2. Исторические города Южного Урала: Республика Башкортостан, Челябинская и Оренбургская области — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013
11. Добрейцина Л.Е., Санников Т.О. Исторические города Урала. Часть 3. Исторические города Приуралья: Республика Удмуртия и Пермский край — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012
12. Добрейцина Л.Е., Санников Т.О. Исторические города Урала. Часть 4. Исторические города Зауралья: Курганская и Тюменская области — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013
13. История города. <http://knp.59323s003.edusite.ru/p9aa1.html>.
14. История фамилии Ребковец. <http://www.ufolog.ru/names/order/Ребковец>.
15. Кленовское. <http://cbuct.zakadum.ru/images/KLEHOVSKOE/index-ky.html>.
16. Колонизация Урала в 16 начале 17 века. <http://protown.ru/information/hide/4668.html>.
17. Кондрашенков А. А. Крестьяне Зауралья в XVII–XVIII веках. Часть I. Заселение территории русскими — Челябинск, 1966.
18. Кондрашенков А.А. Заселение и экономическое освоение Зауралья русскими крестьянами в XVII – первой половине XIX веков. Шадринск, 1997.
19. Коновалов Ю.В. Верхотурские дети боярские Будаковы // Уральский родовед. Вып.3. 1998. С.27–39.
20. Коновалов Ю.В. Дедюхины и другие первые жители Невьянска // Очерки истории культуры и быта старого Невьянска: Люди, памятники, документы (К 300-летию города) — Екатеринбург, 2001. С.14. В соавт. с Трофимовым С. В.
21. Коновалов Ю.В. Заселение центральной части Алапаевского района в XVII – начале XVIII веков // Веси. 2003. № 2 (5). С.8–11.
22. Коновалов Ю.В. История основания Краснопольской слободы. // Тагильский край в панораме веков. Вып.2. Материалы краеведческой конференции, посвященной 160-летию Нижнетагильского Государственного музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала. Нижний Тагил, 24–25 апр. 2001 г. Нижний Тагил, 2001. С.172–173.

23. Коновалов Ю.В. Краткий обзор освоения земель вокруг будущего города Асбеста в XVII–XIX веках // XXIX выездное заседание УИРО. 23 января 2005 г., Асбест.
24. Коновалов Ю.В. Краткий обзор процесса возникновения населенных пунктов на территории Режевского района в XVII – начале XVIII века.
25. Коновалов Ю.В. Краткий очерк истории заселения села Миронова и соседних деревень в XVII веке // II выездное заседание Артемовского отделения УИРО, село Мироново. 1.03.2008 г.
26. Коновалов Ю.В. Мамин-Сибиряк и село Маминское // Каменский завод. № 4 (8), декабрь 2002. С.18–20.
27. Коновалов Ю.В. Очерки истории села Белослудского // Соль земли. Летопись килачевского крестьянства Ирбитского района Свердловской области. — Екатеринбург, 2008. С. 7–27.
28. Коновалов Ю.В. Первые русские поселения на реке Уктус.
29. Коновалов Ю.В. Ранняя история деревни Крылосово // Вторые малые «Строгановские чтения». 29 ноября 2005, Первоуральск-Крылосово.
30. Коновалов Ю.В. Река Тура — русский путь в Сибирь // Русский путь в Сибирь. Материалы межрегиональной научно-практической конференции (29.10.2003 г., Тюмень, 13.07.2004 г., Туринск). — Ирбит, 2006. С.18.
31. Коновалов Ю.В. Формирование населения Ирбитской слободы в первые пятьдесят лет существования (1632–1682 гг.) // [Ирбит и Ирбитский край. Очерки истории и культуры. Екатеринбург, 2006.
32. Коновалов Ю.В. Фрол Арапов и Чусовская слобода // Четвертые «Малые Строгановские чтения». 5 декабря 2007 г., Первоуральск.
33. Короткова М. В. Путешествие в историю русского быта. — М., 2006. — С. 2
34. Мосин А. К вопросу о времени возникновения Тагильской слободы // Уральский родосвед, №4, 1999.
35. Наказная память Слободчикам Афанасью Гилеву и Фролу Арапову, об управлении вновь устроенными Чусовскими слободами. 1656 г. // Дополнения к Актам историческим. СПб.: Тип. А. Траншея, 1851. — Т. 4. — № 20.
36. Обский городок. http://ostrog.ucoz.ru/ostrog/2_4.htm
37. Освоение Урала в 17 веке. <http://protown.ru/information/hide/4670.html>.
38. Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце 16 – начале 18 века. — М., 1972.
39. Проблемы и перспективы сохранения природной среды и историко-культурного наследия Уктуса. (Научно-прак. конф.) 26.03.2004, Екатеринбург. С.7–11.
40. Рябцев Ю. С. Путешествие в историю старой русской жизни. — М., 2006. — С. 12.
41. Семенова М. Мы — славяне! — СПб., 1998. — С. 28.
42. Уральская родословная книга. Крестьянские фамилии — Екатеринбург, 2000.
43. Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия. — Москва: Университетская типография, 1781–1788. Т. 3. Кн. 1. С 629.
44. Шангина И. И. Русский традиционный быт: Энциклопедия слов. — СПб.: Азбука-классика, 2003. — С. 108.
45. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII–XVIII вв.

Грачёв В.Ю., Займогов А.И., Попова Л.Д.

СЛОБОДЫ И СЛОБОДЧИКИ УРАЛА

Подписано в печать: 10. 04. 2014.

Формат издания 60х90/8. Усл. печ. л. 11,2

Тираж 00. Заказ № 22/11-1.

Отпечатано: ООО «Издательский дом «Ажур»
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54

